

Р.С.ОВИННИКОВ

УОЛЛ- СТРИТ

И

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА

Р.С. ОВИННИКОВ

УОЛЛ-СТРИТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Москва "Международные отношения" 1980 ..

ББК 65.88

О—31

Овинников Р. С.

О—31 Уолл-стрит и внешняя политика. — М.: Между-
нар. отношения, 1980. — 272 с.

В книге исследуется главный специализированный институт американской финансовой олигархии по воздействию на внешнюю политику США — «благотворительные» фонды Карнеги — Морганов, Рокфеллеров и Форда, а также финансируемые ими организации. Рассматриваются три главных направления этого воздействия — разработка внешнеполитической стратегии США, идеологическое обоснование и насаждение этих установок, продвижение «своих людей» на внешнеполитические посты. Дается анализ практического воздействия большого бизнеса на политику последних администраций США — от Трумэна до Картера.

О 11105 — 021 19 — 80 0604010000
003(01) — 80

ББК65.88

© «Международные отношения», 1980.

ВВЕДЕНИЕ

Господствуя в экономике, правящий класс определяет внутреннюю и внешнюю политику государства. Это — азбука марксизма. Читатель вправе поэтому спросить: что, собственно, нового хочет сказать автор, взявшись за тему о воздействии финансовой олигархии на внешнюю политику США?

Автор не собирается иллюстрировать прописные истины. Есть много недостаточно разработанных и совсем не затронутых вопросов, являющихся ключевыми для темы книги. Они представляют не только научный интерес.

С точки зрения идеологической важно учитывать, что апологи-ты империализма стремятся опорочить ответ марксизма на вопрос о том, как функционирует внешнеполитическая машина империалистических государств. Они заявляют, что марксисты будто бы искусственно выводят причинную связь там, где одно явление (внешнеполитическая акция правительства) просто следует во времени за другим (требования финансовых магнатов). Уже поэтому важно вскрыть конкретный механизм, предопределяющий соответствие основных внешнеполитических доктрин и действий ведущей державы капитализма потребностям финансовой олигархии, тем более что до сих пор этого не было сделано ни в одном отдельном исследовании.

Задача осложняется, во-первых, тем, что при наличии в рядах финансовой олигархии США целого ряда группировок не всегда ясно, кто именно и как определяет преобладающую линию давления. Во-вторых, между каждой отдельной акцией правительства США на международной арене и непосредственными интересами монополий зачастую действительно нет очевидных, прямых связей. В-третьих, интересы финансовой олигархии империалистической державы, при всем их доминирующем значении, не являются единственным слагаемым в ее политике, особенно внешней. Последняя формируется под воздействием и таких сил, конкретные устремления которых (например, империалистических соперников США) или основа политики (СССР и других социалистических стран) на ме-

ждународной арене мало или вообще не поддаются воздействию правящих кругов США.

С точки зрения практической актуальность темы не менее очевидна, чем с точки зрения научной и идеологической. Если правильно определить основные силы, приводящие в действие внешнюю политику США последних десятилетий, то это, в частности, позволяет установить общий «рабочий режим» механизма, закономерности его функционирования. Следовательно, появляются ощутимые предпосылки возможного прогнозирования «выходных данных» этого механизма на будущее.

В книге рассматривается расстановка сил в стане финансовой олигархии США и выдвигается тезис о складывающемся центральном финансовом комплексе, своеобразном «ядре» американского национально обособленного капитала. Возникновение его ведет к качественному сдвигу в воздействии монополий на внешнюю политику США.

Далее в книге исследуется вопрос о том, какие именно институты финансовой олигархии специализируются на закладывании основ этой политики, с помощью каких конкретно средств и направлений воздействия на правительство добиваются они своих целей. Этим аспектам посвящены главы II, III и IV.

Наконец, в заключительной главе прослеживается, как конкретно осуществлялось это воздействие на главные установки и акции внешней политики США после второй мировой войны и к каким последствиям оно привело.

Данная работа является четвертой книгой автора в серии, которую можно объединить заголовком «Монополии и международные отношения». Первой из них была монография «За кулисами политики невмешательства (Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне второй мировой войны)», вышедшая в 1959 году. Вторая книга — «Хозяева английской политики (Финансовая олигархия и внешняя политика Англии после Суэца. 1957—1966 гг.)» — опубликована в 1966 году. В 1978 году вышла работа автора «Сверхмонополии — новое орудие империализма», посвященная проблемам воздействия транснациональных монополий на политику, экономику, идеологию и всю социальную структуру империализма.

В настоящем исследовании данная общая тема продолжена применительно к монополиям и внешней политике крупнейшей империалистической державы — США в последние три десятилетия. Сегодня, когда правящие круги США неуклюже стремятся облечь американский империализм в тогу бескорыстного «борца за права человека», особенно актуально продемонстрировать, кем, как и в чьих интересах разрабатывается его внешнеполитический курс.

ОТ ЭКОНОМИКИ К ПОЛИТИКЕ

1. Финансовая олигархия: дезинтеграция?

Финансовая олигархия США, являясь главной движущей силой ведущей империалистической державы, давно уже привлекает внимание исследователей. Изучая расстановку сил в лагере финансовой олигархии как важнейшую предпосылку понимания основных пружин внешней политики, проводимой Соединенными Штатами Америки, следует основываться на имеющихся общих исследованиях.

Среди таких исследований выделяются четыре работы. Две из них принадлежат перу прогрессивных американских экономистов: Анны Рочестер — «Правители Америки» (1936 г.) и Виктора Перло — «Империя финансовых магнатов» (1957 г.). Среди монографий советских исследователей в первую очередь надо отметить книги С. М. Меньшикова «Миллионеры и менеджеры» (1965 г.) и И. И. Беглова «США: собственность и власть» (1971 г.). Остановимся на некоторых общих тенденциях, как бы логично вытекающих из сопоставления этих четырех исследований.

Первое, что бросается в глаза, — это заметное увеличение числа американских финансовых групп в более поздних исследованиях.

А. Рочестер выделила всего две основные группы финансовой олигархии США — Морганов и Рокфеллеров (по данным 1932 г.). Она наметила и третью из них — группу Меллона, хотя и поставила ее в большую зависимость от двух первых. Кроме того, Рочестер дала контуры четырех второстепенных, по ее словам, финансовых групп — «Кун, Леб», Бостонской группы, «Бра-

ун бразерс, Гарриман» и, наконец, ассоциации инвестиционных фирм «Лимен бразерс» — «Гоулдмен, Закс».

В свою очередь, В. Перло (по состоянию на 1955 г.) обособил уже восемь главных групп американской финансовой олигархии: Морганы, Рокфеллеры, Чикагская группа, Дюпоны, Кливлендская группа, группа «Бэнк оф Америка», «Ферст нэшнл сити бэнк» (с 1976 г. — «Ситибэнк») и Меллоны.

С. М. Меньшиков (по данным 1962 г.) устанавливает наличие в США 27 финансовых групп. При этом 9 из них зачислены им в категорию нью-йоркских: Морганы, Рокфеллеры, «Ситибэнк», «Мэнюфэкчурерз Хэновер траст», «Салливэн энд Кромвелл» — «Марин Мидленд», группа Форда, «Лимен бразерс» — «Гоулдмен, Закс» — «Лазар фрер», Гарриман — «Ньюмонт майнинг» и, наконец, «Диллон, Рид»; 18 других групп Меньшиков характеризует как провинциальные: Меллоны, Дюпоны, Бостонская группа и др.

Наконец, И. И. Беглов (по состоянию на 1966 г.) насчитывает 30 финансовых групп (в том числе 18 нью-йоркских). При этом наиболее значительные из них по размерам активов — это Рокфеллеры, Морганы, «Бэнк оф Америка», Чикагская группа, Бостонская группа, «Ситибэнк», Меллоны, Дюпоны (распадающиеся сами на две группы), Форд и т. д.

Итак, создается впечатление, что имеет место прогрессирующее дробление основных групп американского финансового капитала. Второе, также неожиданное обстоятельство, состоит в том, что на первый взгляд американские финансовые группы как будто мельчают, причем не только относительно, но порой и абсолютно.

Возьмем две крупнейшие из них — Морганов и Рокфеллеров. Общие активы, контролируемые первой из них, определяются А. Рочестер в 77,6 млрд. долл. (1962 г.), а И. И. Беглов — 40,0 млрд. долл. (1966 г.). долл. (1955 г.), С. М. Меньшиков — 69,6 млрд. долл. (1962 г.), а С. И. Беглов — 40,0 млрд. долл. (1966 г.). Таким образом, получается, что размеры активов, контролируемых группой Морганов, за три с лишним десятилетия уменьшились почти в 2 раза.

Соответствующие цифры для группы Рокфеллеров: 44,9 млрд. долл. (А. Рочестер), 61,4 млрд. долл. (В. Перло), 63,0 млрд. долл. (С. М. Меньшиков) и 53,5 млрд. долл. (И. И. Беглов). Иными словами, если и имел ме-

сто некоторый абсолютный рост активов этой группы, то и он является неустойчивым. Но за длительный период, разделяющий эти подсчеты, только инфляция вызвала сама по себе значительное увеличение номинальной стоимости акций и, следовательно, активов. В этих условиях из приведенной выше динамики цифр во всяком случае никак нельзя вывести, что имел место бурный рост могущества Рокфеллеров. Между тем как раз это является общепризнанным. Приведенные данные как бы свидетельствуют о явном ослаблении и второй из двух несомненно лидирующих групп американского финансового капитала.

Подобные выводы были бы вполне приемлемы для апологетов американской финансовой олигархии, утверждающих, что эта олигархия постепенно дезинтегрируется, растворяется, исчезает.

Марксистская теория концентрации и централизации капитала исходит из того, что финансовая олигархия, раз сложившись, имеет тенденцию к дальнейшему разрастанию. Происходит это не столько путем «мирного», внутреннего роста групп, сколько за счет агрессивного разбухания вовне — путем заглывания «чужих» компаний. Практика капиталистических стран Западной Европы и Японии подтверждает этот факт.

Так в чем же тогда загадка американских финансовых групп? Или, может быть, правильнее сказать — в чем непоследовательность механического сопоставления названных выше четырех фундаментальных исследований?

Первое, что нужно учитывать в этой связи, — это как раз то, что работы А. Рочестер, В. Перло, С. М. Меньшикова и И. И. Беглова при всей их фундаментальности мало сопоставимы друг с другом. Это касается прежде всего методики зачисления компаний в ту или иную группу, а следовательно, и итоговых цифр активов, контролируемых каждой из них. Во-вторых, как это ни парадоксально, нарастание в этих исследованиях числа отдельных финансовых групп является результатом не менее, а более углубленного знания. В более поздних исследованиях точнее устанавливаются основные связи внутри финансовых групп и решительнее отсекаются менее существенные из них. Но в то же время указанная положительная черта, будучи возведена в абсолют, превращается в свою противоположность. Не учитываются

существенные связи американских финансовых групп, последние искусственно обособляются.

Между тем переплетение интересов в частнохозяйственных (частнособственнических) отношениях, отражающее, как отмечал В. И. Ленин, объективное обобществление производства, является общим законом капитализма. В. И. Ленин подчеркивал, что «это — единственная действительно всеобщая и несомненная тенденция не нескольких лет, не двух стран, а всего мира, всего капитализма»¹. Поэтому нет оснований полагать, что, развиваясь уже через границы капиталистических государств, переплетение интересов различных монополистических объединений вдруг прекращается внутри таких государств. Факты говорят об обратном.

В силу исторических особенностей развития США переплетение интересов различных групп собственников (диалектически выраставшее из своей противоположности — поражений в конкурентной борьбе) явилось характерной чертой форсированного разрастания американского империализма. Оно послужило основой более раннего, чем в других империалистических государствах, появления в США самих финансовых групп.

История капиталистического способа производства демонстрирует, что постепенное расширение этого производства порождало рост масштабов и изменение форм мобилизации функционирующего (и контролирующего) капитала. Едва ли было бы правильно исходить из того, что в эпоху происходящей бурной научно-технической революции, когда потребности мобилизации гигантских сумм капитала стали явно превышать возможности даже таких огромных ассоциаций, как финансовые группы, процесс остановится. Скорее можно ожидать появления еще более крупных ассоциаций капитала, но теперь уже на максимально широкой по масштабам — национальной — основе. К этому толкают монополии не только внутригосударственные экономические факторы, но и факторы внешние. С одной стороны, это стремление противодействовать путем концентрирования мощи укреплению социализма на мировой арене, с другой — желание препятствовать усилению конкурентных национально обособленных капиталов. На этот путь выводят монополии и социальные, классовые факторы — стремление удержать частнокапиталистический контроль над развитием производительных сил.

Переплетение интересов проявилось еще на стадии складывания финансовых империй на заре империализма.

Основатель группы Морганов — Джон Пьерпонт Морган, создавая в 1901 году крупнейшую сталелитейную фирму США «Юнайтед Стейтс стил», был вынужден заручиться сотрудничеством двух своих главных конкурентов — сталелитейного короля Эндрю Карнеги и нефтяного магната Джона Рокфеллера-старшего. Первый из них получил за это акции «Юнайтед Стейтс стил» на 300 млн. долл., второй — на 80 млн. долл.

В свою очередь, выделяемый ныне в отдельную финансовую группу «Ситибэнк» еще на ранней стадии своего восхождения тяготел к Моргану. Ныне эти связи прослеживаются через таких членов правления «Ситибэнк», как Джордж Бэйкер III, отец которого тесно сотрудничал с Морганом, или Джон Фиппс — потомок одного из партнеров Эндрю Карнеги, «породнившегося» с Морганами. Джеймс Стиллмэн Рокфеллер, бывший президентом (1952—1958 гг.) и председателем (1959—1967 гг.) правления «Ситибэнк», женат на племяннице Эндрю Карнеги, а начинал свою карьеру с банка «Браун бразерс, Гарриман». Многие считают Рокфеллеров — Стиллмэнов, контролирующих «Ситибэнк», ветвью, отпочковавшейся от главного ствола семьи Рокфеллеров и даже враждебной ей. Но в вышедшем в 1973 году в США серьезном исследовании Джеймса Ноулса «Финансовая группа Рокфеллера» «Ситибэнк» прямо зачисляется в эту группу.

Таким образом, прослеживаются устойчивые связи между тремя крупнейшими группами финансовой олигархии Соединенных Штатов — Морганов, «Ситибэнк» и Рокфеллеров.

Примеры такого взаимного переплетения среди многих внешне обособленных финансовых групп можно было бы умножить, хотя можно привести и немало примеров ожесточенных схваток между этими группами.

Важно подчеркнуть то обстоятельство, что в последние десятилетия переплетение интересов стало необходимым фактором успеха всех крупнейших акционерных банков США. Сами по себе эти банки не представляют финансовые группы, но в своем большинстве они являются важнейшим звеном, если не стержнем, складывающихся вокруг них финансовых империй.

Толчком к усилению переплетения интересов крупнейших банков США послужили прежде всего потрясения американских финансовых институтов, вызванные глубочайшим экономическим кризисом 1929—1933 годов. Стремясь стабилизировать экономическую и финансовую структуру американского империализма, правительство США провело через конгресс ряд законопроектов. Важнейшим из них и представляющим для нас интерес можно считать закон 1933 года о банках. Коммерческие операции крупнейших акционерных банков Соединенных Штатов Америки были отделены от инвестиционных операций, которыми им было в целом запрещено заниматься.

Само это законодательство было, между прочим, результатом стремления Рокфеллеров подорвать монопольное положение группы Морганов. Последняя господствовала до того в обоих видах операций и процветала на их единстве. Именно на разъединение их и нацеливались поэтому Рокфеллеры. Однако результаты подобного законодательства оказались гораздо более далеко идущими. Они сказались на судьбах всех финансовых групп в том же плане, в каком была подкошена самостоятельность (или независимость) группы Моргана.

В других капиталистических странах (кроме, пожалуй, Японии, заимствовавшей в 1948 г. американскую практику) развитие банков пошло в основном по иному пути. Банки по-прежнему непосредственно охватывали своими операциями оба сектора финансового рынка, занимаясь как краткосрочными и среднесрочными кредитами и займами, так и долгосрочным инвестированием. Предоставление ссуд промышленным компаниям сопровождалось приобретением крупного пакета их акций. Тем самым банки устанавливали прямой контроль над промышленными корпорациями.

В США разделение банков и финансовых компаний на коммерческие и инвестиционные повысило эффективность каждой из этих категорий. Однако отделение их друг от друга затруднило для учреждений обоих видов единоличный контроль над отраслями промышленности. Нельзя сказать, что банки не нашли обходных путей. С течением времени они изыскивали возможности, хотя и ограниченные, и прямого инвестирования. Но в основном в указанной обстановке координирование усилий коммерческих и инвестиционных финансовых ин-

ституты, то есть их вынужденное сотрудничество, превратилось в жизненно важный элемент контроля над любой крупной компанией и цементирувания финансовых групп в целом. Установление господства над промышленными, торговыми и иными фирмами путем косвенного контроля, то есть контроля с помощью прежде всего негласного сотрудничества и переплетения интересов, стало главным методом расширения влияния частнособственнических доменов.

Это открыло возможность самых разнообразных комбинаций — не только внутри финансовых групп, между «родственными» компаниями, но и между самими группами. При этом наиболее важным последствием указанного выше законодательства о банках наряду с ослаблением самодержавных позиций Морганов было выделение в особую, привилегированную категорию нью-йоркских финансовых групп в целом. «Во всем этом, — пишет известный американский историк Г. Колко, — нью-йоркские финансовые круги вышли на первый план по сравнению со всеми остальными, приобретя стабильность наряду с господством»². За первые пять лет после вступления в силу упомянутого законодательства 20 нью-йоркских банков сконцентрировали в своих руках контроль почти над 80% выпуска всех акций, в том числе контроль над 100% выпуска наиболее солидных акций. Это означало, что нью-йоркские банки и представляемые ими финансовые группы оказались поневоле связанными круговой порукой.

Последующее законодательство и акции правительства США в 1956, 1969—1971 годах в отношении банков способствовали этой тенденции к смыканию рядов многих финансовых групп.

Появился еще один мощный фактор, стимулировавший переплетение интересов различных финансовых институтов США, в том числе между разными группами. Речь идет в первую очередь об увековечении вынужденного сотрудничества между крупнейшими коммерческими банками. Закон запретил им ссужать какой-либо одной компании сумму, превышающую 10% капитала каждого из них. Это ограничение на деле оказалось выгодным для самих банков. Один из вице-президентов «Ситибэнк» говорил автору в 1973 году: «Мы никогда не вкладываем больше 10% средств в одну операцию. Иначе банк превратится из кредитора в фактического

пленника корпорации, получившей заем. Мы не считаем разумной политикой складывать все яйца в одну корзину». Но тем самым опять-таки поощрялось блокирование усилий, переплетение интересов различных банков. При огромных потребностях сверхгигантских корпораций в финансовых средствах банки стали практически всегда выступать на рынке ссудного капитала не в одиночку, а в рядах банковских консорциумов.

Как следствие этого переплетение интересов, по крайней мере, большинства крупнейших банков США зашло весьма далеко. Это видно из табл. 1, свидетельствующей о том, что главные коммерческие банки Нью-Йорка осуществили глубокое взаимопроникновение, являясь держателями пакетов акций друг друга. Превращение, таким образом, этих банков в солидных взаимных пайщиков оказывает влияние на их политику. В ряде случаев, как видно из таблицы (например, в «Чейз Манхэттен бэнк» и «Ситибэнк»), совместный пакет других крупных банков уже превышает единоличный пакет самого «хозяина». В других случаях он равен, по крайней мере, его половине. Иначе говоря, самые крупные банки превращаются в кондоминиумы нескольких банковских монополий.

Эта тенденция охватила, однако, не одни только банковские институты. Наиболее крупные компании и целые отрасли промышленности США также превратились уже в подобные кондоминиумы. В них господствуют альянсы внешне конкурирующих между собой банков из разных финансовых групп. Так, крупнейшие в США — и в мире — компания коммунального обслуживания «Америкэн телефон энд телеграф», нефтяная монополия «Экссон», автомобильная «Дженерал моторс», лидер в электронной промышленности ИБМ, сталелитейная компания «Юнайтед Стейтс стил» и крупнейшие страховые общества США явно стали такими соуправляемыми единицами, пересекающими границы сразу нескольких финансовых империй.

Привлекает особое внимание тесное сотрудничество в этом плане нью-йоркских банков. Совместными усилиями ряд из них поставил под контроль многие авиакомпании США. «Ситибэнк», например, сдающий компании «Пан-америкэн эруэйз» напрокат лайнеры «Боинг-747», владеет 4,5% ее активов; в свою очередь, банк «Чейз Манхэттен» имеет пакет в 6,4% ее акций. В ком-

Крупнейшие банки Нью-Йорка
Взаимное владение пакетами акций
 (в %)

	«Чейз Манхэттен банк»	«Ситибэнк»	«Мэню- фэксчурерз Хэновер траст»	«Кемикл бэнк»	«Морган гаранти»	«Бэнкерс траст»	Итого пакет пяти других банков
«Чейз Манхэттен бэнк»	2,04	1,12	1,63	—	3,03	0,71	6,49
«Ситибэнк»	1,90	4,01	1,58	0,84	2,72	0,73	7,77
«Мэнюфэксчурерз Хэновер траст»	0,64	1,01	8,10	—	1,32	0,99	3,96
«Кемикл бэнк»	—	0,96	—	3,99	—	0,85	1,81
«Морган гаранти»	0,95	0,99	1,69	—	6,61	0,67	4,30
«Бэнкерз траст»	1,77	1,79	1,85	1,63	5,33	5,10	12,37

Источники: Chain Banking. Stockholders and Loan Links of 200 Largest Member Banks. Committee on Banking and Currency. House of Representatives. 88th Congress. Wash., 1963, p. 127, 129—130, 132, 135, 138.

пании «Америкэн эрлайнз» тот же «Ситибэнк» за арендуемые у него авиалайнеры приобрел 7,2% активов; банк «Морган гаранти» располагает в ней 6,4% акционерного капитала. В компании «Транс уорлд эрлайнз» банк «Чейз Манхэттэн» имеет 7,8% акций, «Морган гаранти» — 7,4% акций, а «Ситибэнк» является собственником 6% всех ее активов³. А вот как объединились крупнейшие нью-йоркские банки, чтобы контролировать одну из ведущих нефтяных компаний—«Мобил ойл». «Бэнкерз траст» имеет 6,1% ее акций, «Чейз Манхэттэн» — 5,2%, «Морган гаранти» — 2,9%⁴. В целом возникающий таким образом фактический симбиоз как будто враждующих финансовых институтов и групп приобрел массовые масштабы.

Такое развитие во многом стимулировалось как банковским, так и антитрестовским законодательством США. Как известно, номинально они направлены на то, чтобы ограничить концентрацию капитала в руках все более узкой кучки представителей финансовой олигархии. На деле же указанное законодательство породило такой способ концентрации и централизации, который вообще устраняет возможности учета и огласки, а следовательно, и контроля. Метод переплетения интересов, становясь преобладающим, подталкивает к негласному сращиванию банки, промышленные компании и целые финансовые группы. Он дает возможность финансовой олигархии продолжать концентрацию и централизацию капитала. Причем происходит это в условиях, когда на поверхности выступают для всеобщего обозрения несколько вершин одного и того же айсберга. Сам же он, будучи скрыт под водой, представляет единое целое.

Эти сдвиги и их глубинный смысл не ушли от внимания исследователей финансовой олигархии США.

Уже четыре десятилетия занимающийся исследованием американской финансовой олигархии Ф. Ландберг отмечает в своей последней книге: «Синдикатные операции как часть финансового капитализма имеют то преимущество, что они дают всем ведущим участникам, то есть главным владельцам акций и директорам банков, большую гибкость, которой они не пользовались бы, сконцентрируй они все свои пакеты в одной или немногих компаниях. Более того, их риск был бы в таком случае больше, поскольку они были бы привязаны к изменчивому счастью одного предприятия или одной от-

расли»⁵. Другой американский автор замечает, что «региональные различия в правящем классе» вообще представляют собой сегодня «важный антагонизм прошлого, который быстро теряет свое значение»⁶.

Новые тенденции внутри финансовой олигархии США не могли не привести и к определенным, не только конкретным, но и суммарным результатам.

Автор не претендует на полную оригинальность последующих выводов. Подойти к ним позволили фундаментальные исследования, названные выше. Но происшедший в результате подобных тенденций сдвиг в расстановке сил в рядах финансовой олигархии США, о котором пойдет речь ниже, имеет слишком далеко идущие качественные последствия и для экономики, и для политики США, поэтому о нем нельзя не говорить особо.

2. Центральный финансовый комплекс и аутсайдеры

Критически важным для любого вывода о расстановке сил в лагере финансовой олигархии США является вопрос о степени самостоятельности (или зависимости) выделенных исследователями основных финансовых групп. Надо сказать, что этот вопрос оставался до сих пор в тени, хотя сами работы А. Рочестер, В. Перло, С. М. Меньшикова и И. И. Беглова фактически содержат необходимые исходные данные на этот счет.

Возьмем две крупнейшие группы американской финансовой олигархии — Морганов и Рокфеллеров. Посмотрим, насколько единоличен контроль каждой из них за всеми частями собственной империи.

Первое, что бросается в глаза, — это, что обе группы, по любому из четырех исследований, отчетливо распадаются на две части: собственно ядро группы, в котором имеется абсолютный (100%) или доминирующий ($\frac{3}{4}$ — $\frac{2}{3}$) контроль за соответствующими компаниями, и сферу влияния, периферию, где контроль становится проблематичным ($\frac{1}{2}$) или даже сомнительным ($\frac{2}{5}$ — $\frac{1}{6}$).

Как видно из табл. 2, в среднем лишь $\frac{2}{3}$ активов в каждой из двух групп находятся под ее безусловным контролем. Треть «империи» как Морганов, так и Рокфеллеров составляет только зону влияния каждой группы.

Таблица 2

Структура групп Морганов и Рокфеллеров

(в % от общих активов)

Исследования	Морганы		Рокфеллеры	
	ядро	пери- ферия	ядро	пери- ферия
1932 г. (А. Рочестер)	60	40	48	52
1955 г. (В. Перло)	83	17	86	14
1962 г. (С. М. Меньшиков)	50	50	62	38
1966 г. (И. И. Беглов)	66	34	—	—
Средняя по исследованиям	65	35	65	35

Таблица 3

Детальная структура групп Морганов и Рокфеллеров
по степени контроля

(в % от общих активов)

		Ядро (контроль)			Периферия (влияние)		
		100%	$\frac{3}{4}$ — $\frac{1}{2}$	всего	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{16}$	всего
Морганы	1932 г	39	21	60	21	19	40
	1962 г	20	30	50	18	32	50
Рокфеллеры	1932 г	35	13	48	—	—	52
	1962 г	20	42	62	13	25	38

Посмотрим, однако, более детальную структуру групп Морганов и Рокфеллеров, как она может быть реконструирована из работ Рочестер и Меньшикова, разделенных тремя десятилетиями. Это видно из табл. 3.

Данные этой таблицы еще более красноречивы. Понятно, что имеет место определенное различие в методике выявления общей суммы активов, контролируемых двумя группами, которой пользуются Рочестер и Меньшиков. Тем не менее едва ли можно оспаривать общие тенденции, которые выявляет динамика структур двух групп за 30 лет. Что касается Морганов, то видно су-

щественное сжатие самого ядра этой группы — сферы полного (100%) контроля. Последняя сократилась почти в 2 раза — с 39 до 20% всех активов. Заметно, как происходит размывание контроля в группе Морганов и на периферии. Процент активов группы, находящихся под минимальным контролем ($\frac{2}{5}$ — $\frac{1}{6}$ пакета акций соответствующих компаний), возрос наполовину. В отношении группы Рокфеллеров налицо почти столь же драматическое сужение сферы абсолютного контроля — с 35 до 20%, хотя в данной группе невозможно точно проследить эволюцию контроля на периферии.

То, что происходит с Морганами и Рокфеллерами, — не случайность. Сегодня сфера влияния, в которой контроль либо проблематичен, либо вообще мизерен, составляет значительную часть структуры всех вообще основных групп американской финансовой олигархии. Пересчеты приводимых Меньшиковым данных по общим активам групп показывают не только то, что сфера влияния составляет ныне 50% всей империи Морганов и 38% империи Рокфеллеров. В группе, возглавляемой «Ситибэнка», сфера влияния, не поддающаяся единоличному контролю, составляет, например, 36% всех активов. В трех других группах она поднимается в целом до $\frac{2}{3}$: в группе «Диллон, Рид» — до 58%, в группе «Лименбразерс» — «Гоулдмен, Закс» — «Лазар фрер» — до 63 и в группе Гарриман — «Ньюмонт майнинг» — даже до 66% всех активов. Справедливости ради следует отметить, что у ряда групп внешние зоны все же гораздо меньше, чем ядро. У групп «Мэнюфэкчурерз Хэновер» и «Марин Мидленд» — «Салливэн энд Кромвелл» они составляют немногим более $\frac{1}{5}$ обеих империй (соответственно 22 и 23% от активов этих групп).

И тем не менее главное остается несомненным: основные группы американской финансовой олигархии имеют кроме ядра значительную не подконтрольную им прямо периферию. При этом, если судить по Морганам и Рокфеллерам (а эволюцию более или менее точно можно, к сожалению, проследить лишь у них), имеется тенденция ко все большему подтачиванию даже самого ядра и вынесению его осколков на периферию, а порой, видимо, и за границы собственно группы.

Это неизбежно подводит к альтернативе: либо нужно смириться с тем, что финансовые группы США действительно размываются, либо надо искать какое-то

иное объяснение происходящим процессам. Попробуем разобраться в том, что же все-таки происходит.

Прежде всего вспомним, что сфера влияния каждой из финансовых групп — это не что иное, как совместный с другими финансовыми группами контроль над теми или иными компаниями. Эта своего рода «серая зона» представляет по существу сферу не единоличного контроля, а, как и в случае с отдельными компаниями, своеобразный кондоминиум. В контроле над ним представлены две, три или большее количество финансовых групп. С этой точки зрения наличие (и тем более расширение) в структуре группы сферы влияния за счет ядра означает ее переплетение (во втором случае — усиление переплетения) с другими группами. В сумме это есть не что иное, как процесс сращивания отдельных групп и группировок американской финансовой олигархии.

Посмотрим, однако, действительно ли периферийные районы сложившихся финансовых групп переплетаются друг с другом, взаимно проникая, или в них действуют какие-то третьи силы.

Сначала обратимся к некоторым данным на этот счет, которые приводит А. Рочестер. Напомним, что общие активы группы Моргана на 1932 год, по ее подсчетам, составляли 77,6 млрд. долл., а общие активы, контролируемые Рокфеллерами, — 44,9 млрд. долл.

Однако в другом месте, прослеживая связи Морганов и Рокфеллеров, Рочестер отмечает, что активы, контролируемые совместно этими двумя группами, составляли 29,6 млрд. долл. Из них активы в 19,3 млрд. долл. находились под доминирующим влиянием Морганов, а 5,8 млрд. долл. — Рокфеллеров. Наконец, положение с активами в 4,5 млрд. долл. было неясным.

Для того чтобы прийти к окончательному заключению, надо вначале как-то разделить сумму в 4,5 млрд. долл. активов, преобладание в которой неясно. Представляется, что не будет большой ошибки, если мы разделим ее пропорционально соотношению сил Морганов и Рокфеллеров в той части активов (29,6 млрд. долл.), где оно ясно (19,3 : 5,8), то есть в пропорции 3,3 : 1. В таком случае общая доля моргановских активов, в которых на правах меньшинства участвуют Рокфеллеры, составляла 19,3 млрд. + 3,4 млрд. = 22,7 млрд. долл. (или 29 % всех активов моргановской империи в 77,6

млрд. долл.). Соответственно общая доля активов группы Рокфеллеров, управляемая Морганом совместно с Рокфеллерами, хотя и на положении младшего партнера, составляла 5,8 млрд. + 1,1 млрд. = 6,9 млрд. долл. (или 15% общих активов рокфеллеровской группы в 44,9 млрд. долл.). Иначе говоря, периферийные интересы Морганов и Рокфеллеров в 1932 году в значительной степени переплетались друг с другом — $\frac{3}{4}$ периферии и около $\frac{1}{2}$ всей империи Морганов управлялись совместно с Рокфеллерами и $\frac{1}{3}$ периферии и около $\frac{1}{5}$ всей империи Рокфеллеров управлялись совместно с Морганом.

Следует, правда, учитывать, что в работе Рочестер в силу недостаточно изученного тогда в деталях состава американской финансовой олигархии сама эта олигархия предстает в виде чересчур биполярного мира Морганов и Рокфеллеров. С учетом сегодняшних данных правильнее считать, что уже тогда на деле имело место более широкое переплетение интересов, чем с участием только двух названных групп. Но обоснованность главного вывода (о существенном взаимном переплетении интересов Морганов и Рокфеллеров) это не подрывает.

Теперь посмотрим, каким оказалось положение через 30 лет после этого. Расчеты, сделанные автором на основании структуры и активов финансовых групп США, даваемых Меньшиковым, выявляют следующую картину.

В финансовой группе Морганов 10% всех активов контролировались совместно с Рокфеллерами, 7% — с «Ситибэнк», примерно по 5% (в каждом из трех случаев) — с различными (неустановленными) нью-йоркскими группами, с Чикагской группой и с Бостонской группой. Далее, 3,5% всех активов Морганов контролировали совместно с группой Гарриман — «Ньюмонт майнинг», 3% — с Филадельфийской группой, 2% — с группой «Лимен бразерс» — «Гоулдмен, Закс» — «Лазар фрер» и т. д.

В группе Рокфеллеров, как показывают эти расчеты, 17% всех активов управлялись совместно с Морганом и 3% — совместно с группой «Ситибэнк».

В самой группе «Ситибэнк» участие в контроле над 8% всех активов имели Морганов, над другими 8% — Рокфеллеры и над 4% — группа Гарриман — «Ньюмонт майнинг».

Наконец, в последней из названных групп, Гарри-ман — «Ньюмонт майнинг», 41% всех активов контролировался совместно с Морганом и 6% — совместно с «Ситибэнк».

Одним словом, взаимопроникновение интересов действительно стало органической чертой развития и роста по крайней мере большинства американских финансовых групп.

Следует обратить внимание на еще одну, пожалуй, самую важную для целей данной работы, особенность отмеченного процесса. При всем внешне разрозненном характере происходящего сращивания отдельных финансовых империй калейдоскоп событий имеет все же свою закономерность. Тенденцию к смыканию имеют прежде всего интересы довольно строго очерченного круга финансовых групп. Это те из них, которые так или иначе опираются на финансовый комплекс Уолл-стрита в Нью-Йорке или связаны с ним существенными интересами.

Вначале эта закономерность игнорировалась даже наиболее серьезными исследователями. У В. Перло, например, три группы из восьми, выделенных им, базируются на Уолл-стрит (Морганы, Рокфеллеры, «Ситибэнк»). Но он тем не менее подчеркивает, что, хотя, например, сферы влияния Морганов и Рокфеллеров «заходят одна на другую» и хотя они «работают совместно в общих целях во многих из корпораций», все же в основном они остаются соперниками⁷.

С. М. Меншиков уже выделяет восемь нью-йоркских финансовых групп, а также подчеркивает усиливающуюся особую роль Нью-Йорка как штаб-квартиры американской финансовой олигархии. Более того, подходя к вопросу о сращивании со стороны положения в отдельных компаниях, он также верно отмечает, что «кондоминиум, т. е. совместный контроль нескольких финансовых групп над монополиями, дележ сфер влияния внутри трестов и концернов, становится теперь характерной тенденцией развития финансовой олигархии (США. — *P.O.*)»⁸. В работе Меншикова есть, таким образом, уже две важнейшие предпосылки, чтобы сделать должное заключение. Это — установленное им определенное родство финансовых групп, базирующихся на Нью-Йорке. Это — констатация того, что метод кондоминиума стал наиболее характерным для развития американской фи-

нансовдой олигархии. Но, признавая возможность совместного контроля нескольких групп над отдельными компаниями, Меньшиков не распространяет это на сами группы.

Наконец, И. И. Беглов замечает: «В совокупности 18 восточных групп образуют основу обширного *финансового комплекса* (выделено нами. — Р.О.), обозначаемого именем Уолл-стрит»⁹. Однако сам И. И. Беглов, видимо, не отнесся серьезно к этому важнейшему выводу.

Между тем переплетение интересов целого комплекса групп американской финансовой олигархии, центры мощи которых находятся в восточной части США, зашло уже слишком далеко, чтобы это можно было игнорировать. Странно, например, по-прежнему числить группу Гарриман — «Ньюмонт майнинг» на независимом положении, если $\frac{2}{5}$ ее активов контролируются совместно с Морганами. Нельзя также продолжать закрывать глаза на глубокое взаимопроникновение многочисленных групп и группировок этого района, включая крупнейшие — Морганов, Рокфеллеров, группу «Ситибэнк».

Оформилась гигантская новая ассоциация американского капитала, своего рода финансовая сверхгруппа. Ее можно именовать восточной группой, или финансовым комплексом Уолл-стрита. С учетом же колоссальной финансовой и экономической силы этого образования и его доминирующего положения в экономической жизни США можно, на наш взгляд, назвать его **центральный финансовый комплекс США (ЦФК)**.

В состав этого комплекса на данном этапе можно зачислить 15 разнокалиберных финансовых групп и группировок, числившихся до сих пор самостоятельными:

1) группа Морганов («Морган гаранти» — «Бэнкерэ траст»); 2) группа Рокфеллеров («Чейз Манхэттэн бэнк» — «Кемикл бэнк»); 3) группа «Ситибэнк»; 4) группа «Мэнюфэкчурерз Хэновер траст»; 5) Бостонская группа; 6) «Марин Мидленд бэнк» — «Салливэн энд Кромвелл»; 7) группа Форда; 8) Филадельфийская группа; 9) Хартфордская группа; 10) группа Меллонов; 11) группа Дюпонов; 12) группа «Лимен бразерс» — «Гоулдмен, Закс»; 13) группа «Браун бразерс, Гарриман» — «Ньюмонт майнинг»; 14) группа «Диллон, Рид»; 15) группа «Кун, Леб».

Сказанное отнюдь не означает, что ЦФК уже полностью растворил в себе все образовавшие его полтора десятка финансовых групп. Для понимания диалектики конкретного функционирования этого комплекса важно учитывать как раз то, что его образование — еще не заверченный полностью динамичный процесс. Например, слияние в декабре 1977 года банковских домов «Лимен бразерс» и «Кун, Леб» ведет к объединению 12-й и 14-й из названных выше финансовых групп.

Но именно на стадии форсируемого завершения данного процесса особое значение для определения окончательного лица комплекса имеет то, какая именно из составляющих его финансовых групп подходит к финишу с наиболее внушительными позициями.

С этой точки зрения (в плане чисто экономическом) бросается в глаза усиление относительного и абсолютного могущества финансовой империи, контролируемой семейством Рокфеллеров. По сравнению с А. Рочестер, например, В. Перло и С. М. Меньшиков правильно подтягивают эту финансовую группу, некогда отчаянно отстававшую от империи Морганов, в один качественный ранг с нею. Со своей стороны, И. И. Беглов ставит ее в положение группы, уже явно опережающей Морганов по абсолютным размерам активов.

Нельзя не согласиться с выводами названных авторов в отношении положения группы Рокфеллеров. Более того, имеется целый ряд свидетельств того, что Рокфеллеры смогли использовать в интересах своего утверждения многие важные факторы, что помогает им превратиться в силу, заметно преобладающую в ЦФК.

Основой могущества Рокфеллеров явилось их исторически сложившееся господство в наиболее прибыльной отрасли промышленности. Речь идет о добыче, транспортировке, переработке и сбыте нефти и нефтепродуктов как непосредственно в США, так и в масштабах мировой капиталистической системы в целом. Одно это само по себе создавало исключительно благоприятные условия для опережающего наращивания активов и могущества группы.

В дополнение Рокфеллеры явились главной силой, выигравшей от существовавшей в США в течение полувека (1925—1974 гг.) особой скидки с налога для нефтяных компаний в размере 27,5%. Существование этой льготы, отмененной с 1975 года для крупных нефтяных

компаний США и сниженной до 22% для более мелких нефтяных фирм (к 1984 г. эта скидка для последних будет уменьшена до 15%), давало возможность Рокфеллерам в течение пяти десятилетий «законно» класть в карман дополнительные миллиарды долларов.

В целом при внешне устрашающих ставках налога на крупнейшие компании США, достигавших официально от 52 до 70%, крупнейшие нефтяные монополии США фактически платили налог, не превышавший в среднем 5% их дохода. Рокфеллеровско-моргановская нефтяная монополия «Мобил ойл», например, по состоянию на 1972 год, платила всего 1,3% налога с валового чистого дохода, рокфеллеровская «Сокал» («Стандард ойл К^о оф Калифорния») — 2,1%, «Экссон» — 6,5%.

Установленная в 1959 году под давлением нефтяных компаний США (и вопреки сопротивлению американских химических монополий) квота на импорт иностранной нефти в США, продержавшаяся до 1969 года, означала, по имеющимся подсчетам, что американские нефтяные тресты получили дополнительную государственную субсидию еще в 50 млрд. долл.¹⁰ Львиная доля этой суммы вновь оказалась в сейфах семейства Рокфеллеров.

Увеличение цены на сырую нефть в 1973—1974 годах в 4—5 раз дало возможность нефтяным компаниям соответственно увеличить абсолютные размеры своих прибылей. Вначале большинство нефтяных компаний не сумело должным образом перестроиться. Они сообщили о повышении своих прибылей в 1973 году (по сравнению с предыдущим годом) в среднем на 71%, а в первом квартале 1974 года (по сравнению с первым кварталом 1973 г.) — на 80%. Впоследствии, особенно перед лицом широкого возмущения потребителей нефтепродуктов, нефтяные монополии изменили методы своей отчетности и стали даже жаловаться на трудности со средствами. Тем не менее их колоссально увеличившиеся реальные прибыли остались несомненным фактом. По имеющейся оценке, они подняли плату за переработку нефти в пределах от 2,7 до 4,5 раза¹¹. И опять из всех финансовых групп США в наиболее выгодном положении оказались Рокфеллеры.

Наконец, нельзя не отметить, что наряду с другими нефтяными компаниями США Рокфеллеры постарались не только сохранить, но и закрепить на будущее свой контроль над всеми другими главными энергетическими

источниками страны. Отдавая себе отчет в ограниченности запасов нефти, крупнейшие американские нефтяные, в том числе рокфеллеровские, компании постарались поставить под свой контроль и другое энергетическое сырье. Так, по состоянию на 1970 год, 17 нефтяных компаний США контролировали 48% запасов урана в стране, 55% его добычи и 28% обработки урановой руды. На американские нефтяные компании приходилось также 72% добычи и примерно такой же процент резервов природного газа, а также 20—25% добычи и 30% резервов угля в США.

К этому следует добавить, что, распространив таким образом свой контроль на все виды энергетических источников, Рокфеллеры оказались и главной силой среди американских финансовых групп, спровоцировавшей рост цен на соответствующее сырье и основательно нажившейся и на этом. С 1972 по 1974 год, в частности, мировой урановый картель, созданный правительствами Канады, Австралии, Южной Африки и Франции, а также английской частной компанией «Рио-Тинто зинк», вздул цены на уран на мировом рынке в 7 раз (с 6 до 42 долл. за фунт). Формально остававшиеся вне этого картеля американские компании фактически присоединились к нему, отказавшись поставлять уран своим заказчикам по прежним ценам.

С точки зрения динамики соотношения сил между различными финансовыми группами все это могло означать только одно: Рокфеллеры закрепили за собой преобладающее положение в ЦФК и ускоренно наращивали собственные активы.

В целом несомненно, что в процессе складывания ЦФК США происходит (и будет происходить) изменение удельного веса составляющих его частей. Но пока эти изменения носили все же довольно однозначный характер. В том, что касается их чисто экономических итогов, наиболее очевидным является усиление абсолютного и относительного могущества империи Рокфеллеров.

К этому следует добавить и очевидные плюсы четкой централизованной структуры группы Рокфеллеров по сравнению с другими ведущими группами комплекса. Например, Морганы, некогда ведущая финансовая сила, постепенно вымирали как семейная династия. Это усложняло поддержание единого контроля в группе и

проведение целеустремленной стратегии наращивания сил. Примерно те же осложняющие факторы сказываются на финансовой империи Форда. Семейство же Рокфеллеров, особенно после второй мировой войны, действовало как надежно отлаженный механизм. Пять братьев (Джон III, Нельсон, Лоренс, Уинтроп и Дэвид) и сестра (Эбби) выполняли четко оговоренные функции. Правда, и в этом механизме появились в последние годы перебои, связанные, в частности, со смертью Уинтропа в 1973 году, Джона III — в 1978 году и Нельсона — в 1979 году. В целом же в течение трех десятилетий это была наиболее отработанная семейно-династическая организация. К тому же у Рокфеллеров есть и солидное четвертое поколение.

Несмотря на все сказанное, будущее группы Рокфеллеров отнюдь не представляется безоблачным. Успех имеет свои отрицательные стороны. Так, в условиях резкого роста цен на источники энергии концентрация в руках Рокфеллеров диспропорционально большей части энергетических ресурсов США дала свои неожиданные последствия.

Беззастенчивое использование энергетическими монополиями своего преимущественного положения превратилось в обстановке энергетического кризиса в дестабилизирующий фактор для экономики страны в целом. С конца 1977 года правительство Картера вынуждено было вести борьбу за определенное ограничение всемогущества энергетических компаний. Оно внесло в конгресс комплексный законопроект по энергетике, одной из целей которого было разблокирование национальных топливных и иных ресурсов и уменьшение зависимости США от иностранных источников энергии. Это, казалось бы, затрагивало самодержавные позиции Рокфеллеров в данной области. Между тем именно Рокфеллеры первыми увидели в этом законопроекте положительную для себя сторону.

В ходе поездки по нефтедобывающим государствам Ближнего Востока (1978 г.) председатель правления «Чейз Манхэттен бэнк» Дэвид Рокфеллер уговорами и угрозами убеждал эти государства сохранить доллар в качестве единицы, применяемой для расчетов за нефть. Его главным доводом было то, что законопроект по энергетике, как только он будет принят конгрессом, положит конец падению курса доллара. Иначе говоря, для

Рокфеллеров главным в законопроекте было то, что он спасал саму основу их могущества — «нефтедоллары». Введенная в США в рамках энергетической программы поэтапная отмена контроля над ценами на газ (с осени 1978 г.) и на нефть (с лета 1979 г.) привела вместе с тем к бурному росту прибылей энергетических компаний. Только с июня 1979 года по сентябрь 1981 года нефтяные компании должны получить за этот счет дополнительно 17 млрд. долл. прибылей, и, конечно, основная их масса вновь пойдет в сейфы Рокфеллеров.

Подчеркивая «непотопляемость» Рокфеллеров и их ведущую роль, нельзя вдаваться и в другую крайность. Нельзя вообще обособлять их в составе центрального финансового комплекса. Правильная оценка, видимо, такова: Рокфеллеры — наиболее мощное звено складывающейся системы. Их особая роль в экономике США (и, как мы увидим, также и в политике) определяется именно этим: они — ведущие представители всего комплекса.

Образование финансового комплекса в целом означает существенно новый этап в развитии системы американской финансовой олигархии. Будучи безусловно доминирующим, этот комплекс в состоянии эффективно распространять свое влияние, а затем и контроль на другие, становящиеся второстепенными, изолированные региональные группировки американского капитала. Поэтому его создание возвещает ожесточенные бои внутри США с группами-жертвами, которые будут отчаянно сопротивляться заглыванию. В то же время создание этого комплекса возвещает такую дальнейшую активизацию американского капитала и на международной арене, при которой иностранным конкурентам будет противостоять многократно умноженная, сокрушительная сила небывало сконцентрированной финансовой мощи американских магнатов.

С позиций действительного появления такого комплекса многое проясняется. Взять, например, усердно насаждаемые американской пропагандой мифы о появлении то одной, то другой «угрозы» положению Уолл-стрита. В роли мятежников, бросающих вызов нью-йоркским финансовым группам, подавались то калифорнийские магнаты, то техасские дельцы типа нефтяного мультимиллионера Г. Ханта. Несостоятельность такого рода «угроз» устоявшимся старым группам со стороны

«выскачек» убедительно продемонстрировал И. И. Беглов. Он подсчитал, что активы нефтяных компаний того же Ханта составляли около 250 млн. долл., в то время как активы только соответствующих рокфеллеровских монополий были равны 25 млрд. долл. Ясно, что при такого рода соотношении сил поколебать положение всего комплекса фактически невозможно. Беглов был прав, выдвинув броский тезис: «Техас — богатейшая колония Уолл-стрита»¹².

В последние годы в США вновь пущен в обращение лозунг о будто бы происшедшем «сдвиге власти» в рядах финансовых групп США. На этот раз выдвинута теория образования некоего «южного кольца», или «солнечного пояса», от Калифорнии до Северной Каролины, якобы объединяющего сразу и калифорнийских, и техасских, и других южных магнатов США против засилья восточных групп финансовой олигархии. На эту тему выпускаются книги, публикуются многочисленные статьи в американских журналах и газетах.

Одна из наиболее нашумевших книг на эту тему принадлежит перу К. Сейла. Она так и называется — «Сдвиг власти: восхождение южного пояса и его вызов восточному истеблишменту». Сейл строит все свои выводы практически на одном (вообще говоря, бесспорном) факте — падении в последние десятилетия промышленного значения Северо-Востока США. Но он либо замалчивает, либо сознательно списывает два ключевых фактора.

Во-первых, он даже не пытается доказать, будто магнаты 14 «мятежных» южных штатов хоть как-то объединены между собой и координируют свою деятельность. Поэтому на деле речь идет отнюдь не об объединенных действиях какого-то мифического «пояса», а о собранных воедино лишь воображением южных группировках.

Во-вторых, Сейл признает, что «южный пояс» в значительной степени подкармливается «видными банками, ассоциированными с капиталом янки», то есть в основном Уолл-стритом, и что эти банки обладают даже «значительной собственностью» в южных компаниях. И все же он голословно заявляет, что это якобы совершенно не сказывается на независимости компаний «солнечного пояса»¹³. Здесь Сейл стремится подогнать действительность под свою концепцию.

Другие авторы, также подчеркивающие конфликт северо-восточных и южных магнатов США, в свою очередь, признают наличие своеобразных поводов, идущих к «мятежникам». Так, в статье в журнале «Бизнес уик», озаглавленной «Вторая война между штатами», отмечается, хотя и мимоходом, что «промышленная экспансия на Юге финансировалась капиталом из Северо-Востока и Среднего Запада»¹⁴. Газета «Нью-Йорк таймс», посвятившая «солнечному поясу» серию нарочито драматизированных статей, все же не может замолчать того, что в этом поясе находятся пока лишь 74 из 500 крупнейших корпораций США и 9 из 50 крупнейших американских банков. Она также признает, что половина наиболее крупных корпораций Техаса мобилизует капитал вне этого штата¹⁵.

Все это говорит о том, что попытки отождествить реальные сдвиги в региональном размещении ряда отраслей американской промышленности с подрывом мощи исторически сложившегося центра финансовой олигархии США являются несостоятельными. Более того, есть основание утверждать, что в известном смысле ЦФК держит в своих руках контроль над всей экономической жизнью США. «Мятежники» зачастую оказываются либо весьма ограниченными по силе, либо даже периферийными звеньями того же комплекса. Поднимаемый же шум по поводу «вызова» со стороны «солнечного пояса» на деле помогает прикрыть захват комплексом все более прочного контроля и над этой зоной.

Один факт, связанный с борьбой за независимость монополий «солнечного пояса», заслуживает того, чтобы остановиться на нем особо. В 1972 году 13 южных штатов создали Управление по вопросам политики роста Юга. Учреждение этого органа подавалось как начало «экономической гражданской войны» этих штатов против засилья Уолл-стрита. Между тем первоначальный взнос в размере 250 тыс. долл., сделавший возможным само создание этого управления, произвел не кто иной, как Фонд Форда. На особой роли этого и других крупнейших частных «благотворительных» фондов в политике, в том числе внешней политике, США мы еще остановимся. Пока же достаточно отметить, что именно этот фонд — одно из важнейших орудий ЦФК — выступил в качестве повивальной бабки с шумом родившегося «мятежа» южных штатов. Заодно он стал и первым

наставником созданного управления, воспитывая его с первых дней в духе почтения к Уолл-стриту. Независимость «солнечного пояса» является чисто фиктивной — это подтверждается еще раз.

С позиций безусловного доминирования ЦФК во всей экономической жизни США можно понять и подлинную степень воздействия финансовой олигархии на внешнюю политику, что является главной темой данной работы. При таком подходе можно увидеть главное, а именно, что основные направления этой политики определяются не стихийным исходом конкурентной борьбы разных групп за влияние на эту политику. Они диктуются скоординированным курсом монополий и групп, входящих в комплекс, на планомерный контроль за выработкой и проведением этой политики. Если на каком-то этапе не один, а другой щупалец «большого бизнеса» прочнее ухватывается за штурвал государственного корабля США, то с точки зрения интересов комплекса в целом это не имеет принципиального значения.

Но тем самым мы подходим к новому аспекту данной темы — к тому, как принципиально осуществляется связь между господством финансовой олигархии в сферах экономики и политики. Детальный анализ средств и методов этой связи — задача последующих глав.

3. Монополии и политика

Известно высказывание Маркса и Энгельса о том, что любое капиталистическое правительство представляет собой в конечном счете «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии»¹⁶. Эта истина признана и немарксистами, в том числе в применении к США. Президент Вудро Вильсон незадолго до своего вступления на этот пост в 1913 году заявил: «Хозяевами правительства Соединенных Штатов являются совместно капиталисты и промышленники США»¹⁷.

С тех пор происходила дальнейшая концентрация собственности, а следовательно, и власти в руках все сужавшейся горстки имущих. По данным на 1962 год, 18,7% населения США, его состоятельная верхушка, владела 76,2% всех богатств, в то время как на «нижнюю», пятую, часть населения приходилось всего 0,2% всех богатств. По состоянию на 1969 год, лица, распо-

лагавшие каждый состоянием в 5 млн. долл. и более и составлявшие в целом всего 0,008% населения, имели в своем распоряжении столько же активов, что и «нижние» 50% (половина!) населения¹⁸.

В целом с позиций социального анализа концентрация богатства в США в руках определенного имущего слоя является легкодоказуемой, в том числе статистически. С этой точки зрения особая конкретизация данного слоя, пожалуй, и не нужна. В общем плане также очевидно, что эта социальная верхушка должна оказывать преобладающее воздействие на всю экономическую и политическую жизнь страны через те решающие (и контролируемые ею) институты капиталистической структуры, какими являются на стадии империализма монополии. Многие из этих монополий разрослись к тому же до такой степени, что перевалили новый качественный рубеж. «Крупная корпорация, — пишет Ф. Ландберг, — отличается от более мелкой самым критическим образом, а не просто размером. Она не только крупная, но она уже не может разориться, не может, выражаясь словами поговорки, выйти из бизнеса. Некоторые специалисты ввели поэтому термин „сверхкорпорация“»¹⁹.

Ландберг отмечает также, что, раз появившись, гигантские концентрации частной собственности поспешили оградить себя от случайностей и политически. Он пишет: «Хотя против крупных собственников могут предприниматься шумные судебные процессы, хотя их дела могут расследовать, могут преследовать их, демагогически осуждать и даже штрафовать, их нельзя устранить ничем, кроме революции, ибо их позиции составляют саму ткань законодательной системы»²⁰.

Не удивительно, что через 60 лет после В. Вильсона, в 1973 году, председатель комиссии палаты представителей США по вопросам банков и валюты Р. Пэтман вынужден был констатировать, говоря о росте мощи магнатов американского капитала: «Ныне, несмотря на все реформы, экономические ресурсы и принятие решений сконцентрированы более, чем когда-либо»²¹. Тот же Ландберг, в свою очередь, отмечает, что в США сложилась по существу одна партия — «партия собственности», состоящая из двух отделений — партии республиканцев и партии демократов²².

Однако для анализа того, как эта социальная верхушка осуществляет политическую власть, одних общих

закономерностей недостаточно. В мире политики безликость, рассуждение о просто «капиталистах» или просто «крупных монополиях» отдавали бы бездоказательностью. Вот почему в качестве важнейшей предпосылки успеха на этом направлении исследования важно предварительно выделить конкретные доминирующие силы финансовой олигархии. Речь идет о наиболее мощном отряде собственников, задающем тон действиям всего класса. С этой точки зрения констатация образования ЦФК с его известными действующими институтами и лицами дает дополнительные возможности углубления анализа механизма политической власти в США.

Такой подход, проецирующий экономическое могущество комплекса, его ведущих фигур на основные, в том числе внешнеполитические, акции американского империализма, позволяет устанавливать действительные движущие силы политики. С точки зрения чисто политической можно считать, скажем, случайностью, что глава «Чейз Манхэттен бэнк» Дэвид Рокфеллер отличается исключительной активностью на международной арене, причем далеко не в чисто экономических проблемах. Он частый визитер на Ближнем Востоке, где его неизменно принимают главы государств и правительств. Он инициатор налаживания «трехстороннего сотрудничества» США, Западной Европы и Японии. В то же время его банк первым из американских банков открыл свое отделение в Москве. Но все это — отнюдь не хобби крупного банкира, а отражение реальных глобальных интересов ЦФК и играющей в нем заглавную роль группы Рокфеллеров.

Следует особо отметить, какие важные последствия имело образование комплекса для преумножения сил и без того могущественных его участников.

Как мы видим, характерной чертой и главным методом образования комплекса явилось переплетение интересов целого ряда крупнейших семейств американской финансовой олигархии. Следствием этого было избавление данных собственников от прикованности к узким интересам «своих» компаний или «своих» групп, ограждение которых от конкурентов поглощало много сил. Создание могущественного централизованного комплекса, конечно, не снимало полностью соперничества между его составными частями. Но оно вводило его в определенные рамки — во имя сохранения общего фронта

против чуждых внешних сил. Сэкономленные таким образом немалые ресурсы могли быть (и были) направлены на упрочение совместных позиций комплекса в других, кроме чисто экономической, подсистемах американского империализма.

Прежде всего это касалось как раз деятельности правительства США, политики. Беспрецедентные возможности ЦФК позволяли ему рассчитывать не просто на определенное влияние на политику (это удавалось и отдельным финансовым группам). Они обеспечили превращение ЦФК в важное звено самой системы принятия государственных решений, в том числе внешнеполитических.

В эпоху растущей интернационализации хозяйственной жизни и соответственно увеличения зависимости государств от факторов международных внешняя политика приобрела особый интерес для ЦФК. Контроль над ней позволял не только более эффективно раздвигать рубежи внешнеэкономической экспансии финансовых магнатов комплекса. Он давал возможность использовать завоеванные таким образом зарубежные позиции и рычаги, чтобы с новой силой подминать всевозможных конкурентов внутри США. Вот почему фактической целью центрального финансового комплекса стало установление монополии над внешней политикой США в качестве важного дополнительного рычага утверждения своего господства. К тому же мелкие и средние американские компании не могли составить ему здесь какой-либо конкуренции. Дальше частных интересов штатов или даже отдельных графств или муниципалитетов их кругозор, как правило, не выходит. В крайнем случае, он касается частных внешнеэкономических вопросов.

Соответственно и внешняя политика США с образованием ЦФК по самой логике вещей должна отражать прежде всего глобальные интересы комплекса. Разумеется, нельзя упрощать положение. Несерьезно изображать правительство США как некую марионетку, даже с оговоркой, что нити сходятся к такому гигантскому средоточию экономической, точнее — частнохозяйственной, мощи, каким является ЦФК. Такая профанация, между прочим, как нельзя более устроила бы апологетов американского империализма, позволяя оставить в тени подлинный механизм взаимодействия финансовых магнатов и правительства. К тому же действительная роль

финансовой олигархии гораздо более ощутима в сфере выработки долгосрочных, принципиальных, стратегических решений во внешней политике. Оперативные же варианты и тем более повседневные решения принимаются в основном самим правительственным аппаратом. Чиновники (особенно руководящие) хорошо представляют себе реальные рамки, в которые должна вписываться их самостоятельность. В противном случае они могут сами не вписаться в этот аппарат.

Однако если принципиально ясно, почему финансовая олигархия США и ее центральный финансовый комплекс должны играть доминирующую роль во внешней политике крупнейшей империалистической державы, то вопрос о том, как конкретно это делается, гораздо сложнее.

КТО ЗАКЛАДЫВАЕТ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ

1. «Киты» благотворительности

Сплоченная, как никогда ранее, финансовая олигархия США создает и более надежные методы поддержания своего господства. Речь идет о господстве над всей экономической, политической и социальной жизнью страны. При этом контроль над внешней политикой США является лишь частью этого целого.

Решающей организационной предпосылкой такого контроля явилось возникновение, развитие, а затем и утверждение в США так называемых «благотворительных» фондов. «Частная филантропия, — говорится по этому поводу в одном американском исследовании, — конечно, является большим бизнесом в США»¹. В докладе специальной комиссии по этим фондам (комиссии Питерсона), опубликованном в 1970 году², отмечается, что «благотворительные» фонды в США находятся в очень своеобразном положении, подобного которому нет ни в одной другой стране. В чем же уникальность этого положения?

Действительно, филантропические фонды — это особый институт американской финансовой олигархии, и прежде всего ее центрального финансового комплекса. Ничто не приносит крупной буржуазии таких устойчивых и высоких дивидендов, как мнимая благотворительность.

Резюмируя только некоторые из подобных преимуществ, Ф. Ландберг отмечает, что деятельность американских фондов, во-первых, помогает подкрашивать румянами большой бизнес в глазах публики, во-вторых, дает ему возможность уходить от уплаты значительных

налогов, в-третьих, является удобным средством контроля над компаниями и, в-четвертых, помогает финансовым магнатам направлять в своих интересах социальное мышление в США³. В советской литературе всестороннему анализу деятельности «благотворительных» фондов США посвящена работа ленинградского ученого С. В. Воронина⁴, который, в частности, обосновывает тезис о том, что филантропические учреждения вообще стали новым важным звеном в структуре финансового капитала США в целом.

Из всех многочисленных направлений активности фондов, каждое из которых важно само по себе, нас непосредственно интересуют лишь те, которые так или иначе относятся к воздействию этих институтов на внешнюю политику США. С этой точки зрения посмотрим, как складывается расстановка сил в мире филантропических фондов.

Следует иметь в виду, что «благотворительные» фонды, которых в США номинально великое множество, на деле далеко не равнозначны по своему значению и активности. Так, к началу 70-х годов в США существовало около 26 тыс. таких фондов. Однако лишь 8% из них (2179 фондов) имели активы по 1 млн. долл. и более. Еще меньшее их число — чуть больше 1% (331 фонд) — имело активы более 10 млн. долл. каждый. И всего 0,1% из них (33 фонда) располагали активами по 100 млн. долл. и более. На эту последнюю категорию, представляющую численно немногим более тысячной доли всего количества фондов в США, приходилось, однако, 58% их общих активов — 11,9 млрд. из 20,5 млрд. долл. Итак, «благотворительные» фонды весьма ощутимо различаются по своей финансовой мощи.

Далее, среди фондов имеет место своеобразное разделение труда по направлениям деятельности. Существуют, например, «общецелевые» фонды, интересы которых не ограничиваются одной узкой областью. Их всего около 400, но на них приходится более половины «даров» всех фондов в целом. Иначе говоря, эти «общецелевые» фонды располагают и наибольшей возможностью воздействия. Есть также фонды, обслуживающие потребности (обычно довольно прикладные) той или иной компании, — их около 1500. Имеются «коммунальные» фонды (порядка 200), набирающие свои скромные средства чуть ли не вскладчину и расходующие их строго на огра-

ниченные местные проекты. Еще одной, самой многочисленной, категорией являются «семейные» фонды (более 20 тыс.). Будучи учреждены тем или иным состоятельным семейством, эти фонды (за некоторыми исключениями) выделяют средства в основном на удовлетворение тщеславных пожеланий своих «благодетелей». При численном преобладании эти фонды, как правило, маломощны и по отдельности, и даже в целом. На них приходится лишь 15% общих активов, контролируемых фондами всех категорий. Наконец, есть еще «целевые» фонды. Все их средства направляются обычно на скромную конкретную задачу.

В целом более 90% фондов не идут в своей деятельности дальше узких локальных интересов, тем более что даже в совокупности на них приходится лишь 10% всех «даров».

Отметим, наконец, еще одну бросающуюся в глаза особенность. По выборочной оценке, приводимой в уже упоминавшемся докладе Питерсона, мелкие фонды, предоставив «дар», обычно не следят за тем, как он далее используется. В то же время крупнейшие из фондов, как правило, «опекают» и направляют получателя в его дальнейшей деятельности, следя за тем, чтобы он выполнил наказ донора⁵.

Теперь посмотрим, не являются ли какие-либо отдельные фонды-благотворители одновременно и самыми крупными, обладающими наиболее широкими интересами, и самыми упорными в навязывании своей воли объектам их деятельности.

Во всех трех категориях сразу находятся лишь немногие из фондов. По рыночной стоимости активов фондов в 1968 году самым крупным и вырвавшимся далеко вперед был Фонд Форда — некогда чисто семейный, а ныне акционерный институт известных автомобильных магнатов США. Общие активы его составляли 3661 млн. долл. Вторую позицию занимал Фонд Рокфеллера с активами в 890 млн. долл. — вотчина другого известного семейства американской финансовой олигархии. «Корпорация Карнеги (Нью-Йорк)» с активами в 334 млн. долл. и Фонд братьев Рокфеллеров с активами в 222 млн. долл. располагались лишь на 11-м и 15-м местах в списке крупнейших благотворительных организаций. Корпорация Карнеги была создана на средства сталелитейного магната Карнеги, блокировавшегося в послед-

ние годы своей жизни с Морганами. Фонд братьев Рокфеллеров не нуждается в рекомендациях — он двойник упомянутого выше фонда, созданного тем же семейством Рокфеллеров. По абсолютным размерам, однако, Корпорация Карнеги и Фонд братьев Рокфеллеров не дотягивали до ранга крупнейших из крупных, где несомненно находились Фонд Форда и Фонд Рокфеллера. Тем не менее заметим, что на эту четверку, взятую в целом, приходится 25% активов, сосредоточенных во всех «благотворительных» фондах США.

Все четыре только что названных фонда, будучи семейными по происхождению, являлись «общецелевыми» по назначению, то есть были вовлечены во многие направления деятельности. Этого, кстати, нельзя сказать о многих более крупных, чем Корпорация Карнеги и Фонд братьев Рокфеллеров, институтах этой категории.

Последнее, что можно отметить в данном контексте, — это что именно четыре названных фонда являются наиболее признанными диктаторами по части строгого контроля за выдаваемыми ими средствами. Это видно из колоссальной концентрации в них служащих, призванных следить за надлежащим использованием «даров», выдаваемых фондами. По данным 1972 года, общее число чиновников во всех 26 тыс. фондов составляло 1062 человека. Из этого следует, что подавляющее число фондов обходилось вообще без обслуживающего персонала. На этом фоне Фонд Форда имел 320 служащих (30% общего количества), а Фонд Рокфеллера — 117 (17%). К этому можно добавить, что Фонд Карнеги для международного мира («младший брат» Корпорации Карнеги) располагал в это же время 41 чиновником, а Фонд братьев Рокфеллеров имел 17 таких служащих. Иначе говоря, на четверку фондов приходилось более половины всех служащих. Некоторые источники, в частности доклад Питерсона, дают для Фонда Форда цифру даже в 1273 служащих, а для Фонда Рокфеллера — 323. Как бы то ни было, ясно одно — судя по числу клерков-надзирателей, это действительно самые беспощадные выколачиватели максимальной отдачи от фиктивно филантропических «даров».

С тем чтобы внести окончательную ясность в вопрос о том, кто же именно делает погоду в мире корыстной «филантропии», присмотримся к только что выделенной четверке фондов. Оказывается, что она являет собой

лишь наиболее выдающихся представителей гораздо более многочисленного отряда «филантропических» организаций, созданного уже известными нам тремя олигархическими семействами — Рокфеллеров, Фордов и Карнеги.

Семейство Рокфеллеров контролирует в настоящее время 14 «благотворительных» фондов. Не все из них, разумеется, сравнимы по своему весу. Кроме уже упоминавшихся и наиболее известных Фонда Рокфеллера и Фонда братьев Рокфеллеров, на которые приходится около $\frac{2}{3}$ активов всех рокфеллеровских фондов, можно выделить Рокфеллеровский институт в Нью-Йорке. Последний, имея активы порядка 200 млн. долл., избрал наиболее перспективные направления исследований в медицине, биологии и химии.

Форды создали девять фондов, но Фонд Форда является, безусловно, доминирующим. В нем одном сконцентрировано около 98% активов всех фордовских фондов.

Из пяти фондов, выросших на состоянии Карнеги, следует особо отметить, кроме Корпорации Карнеги, уже упомянутый Фонд Карнеги для международного мира (в дальнейшем — Фонд Карнеги). Взятые вместе, оба они контролируют около 70% активов всех фондов Карнеги и являются наиболее активными из собратьев. Следует упомянуть также Институт Карнеги в Вашингтоне.

Таким образом, не остается сомнений, что мир американской филантропии покоится на «трех китах» — созвездиях фондов Рокфеллеров, Форда и Карнеги. Они задают тон всему институту пресловутой благотворительности в США и по существу представляют его. Они же наиболее приспособлены к извлечению максимальных доходов — не обязательно только денежных — от существования этого института. Их отличает также особенный динамизм. Рокфеллеры, а также поглощенные империей Морганов Карнеги и, наконец, Форды являются сегодня частями единого центрального финансового комплекса США.

Посмотрим теперь, как работает эта внешне разобщенная система фондов, как она захватывает многие командные высоты, с которых можно не только обозревать перспективу, но и подсказывать многие ключевые направления внешней политики США.

2. Немного истории

В лице фондов Рокфеллеров, Форда и Карнеги постепенно сформировался авангард специализированного политического, в том числе внешнеполитического, эшелона американской финансовой олигархии. В целом это сложное и многоступенчатое образование. Как же складывались основные контуры этой системы?

Исторически первыми были фонды, организованные на средства Эндрю Карнеги. В 1896 году был создан Институт Карнеги в Питтсбурге с первоначальными активами в 11,7 млн. долл., в 1902 году — гораздо более крупный Институт Карнеги в Вашингтоне (22 млн. долл.), в 1905 году — Фонд Карнеги для содействия преподаванию (15 млн. долл.). Фонд Карнеги для международного мира (активы 10 млн. долл.) был учрежден в 1910 году, а крупнейший из фондов этой семьи — «Корпорация Карнеги (Нью-Йорк)» с первоначальными активами в 135 млн. долл. — в 1911 году.

Из всех филантропических фондов Карнеги наиболее активный интерес к внешнеполитическим проблемам США с самого начала проявил Фонд Карнеги для международного мира. Собственно говоря, сама цель его создания носила четко выраженный внешнеполитический характер и звучала весьма возвышенно — «ускорить ликвидацию международных войн»⁶. Другой особенностью этого фонда было его превращение фактически в дочернюю компанию Корпорации Карнеги. Он сразу получил от нее 3 млн. долл. и продолжал пользоваться ее неизмеримо большими ресурсами в дальнейшем. Третьей характерной чертой фонда была приобретенная им роль координатора деятельности ряда фондов, учрежденных Карнеги в 1901—1913 годах в Англии с общими активами в 25 млн. долл. Тем самым фонды Карнеги с самого начала приобрели опору за границей — в стране, выступавшей одним из двух лидеров англосаксонского мира.

Фонд Карнеги сразу же сделал заявку на видную роль в формировании внешней политики США. Членами его правления попечителей стали два бывших государственных секретаря США — Э. Рут и Р. Лансинг. Одним из первых направлений его активизации была поддержка участия США в Лиге наций как способ интернационализации интересов американского империализма. За-

местителем генерального секретаря Лиги от США правительство Вильсона планировало сделать Р. Фосдика (доверенное лицо Рокфеллеров, позднее, в 1936—1948 гг., — президент Фонда Рокфеллера). Когда это не удалось, Фонд Карнеги переключился на другие, более конкретные виды деятельности. Его роль в подготовке и проведении Вашингтонской конференции 1921—1922 годов по ограничению военно-морских вооружений и тихоокеанским проблемам была прообразом стратегии и тактики, применявшейся с тех пор как им самим, так и другими родственными фондами. Еще до начала конференции Фондом Карнеги был подготовлен специальный двухтомник с анализом проблем, стоящих перед конференцией, и вариантами их возможного решения в интересах США. Эти материалы фонда стали настольной книгой для американской делегации на конференции.

После этого внешнеполитическая активность Фонда Карнеги стала быстро нарастать, приобретая все более амбициозный характер. Фонд поставил своей целью воздействовать на разработку и формирование основных внешнеполитических установок и «общественное мнение» в США в целом таким образом, чтобы у правительства не оставалось иного выбора, кроме как следовать этим установкам. При этом данная цель декларировалась вполне откровенно. В ежегоднике Фонда Карнеги за 1925 год, например, об активности фонда говорилось следующее: «За всей этой деятельностью по-прежнему стоит задача таким образом проинструктировать и просветить общественное мнение, чтобы оно могло не только направлять, но и вынуждать правительство и правительственных чиновников к шагам в направлении конструктивного прогресса»⁷. Через девять лет ежегодник Фонда Карнеги констатирует уже реальные сдвиги в этой области. В нем отмечается, что фонд «становится неофициальным инструментом международной политики, подбирая здесь и там концы и нити международных проблем и вопросов, с которыми трудно справляться правительству, и приходя с помощью частной инициативы к выводам, которые, не являясь по своей природе официальными, неофициально проникают в правительственную политику»⁸.

Не удивительно, что уже в 1941 году отдел международного права Фонда Карнеги предложил свои услуги непосредственно государственному департаменту

США. Это предложение было принято. Бывший в 1940—1943 годах директором данного отдела Ф. Джессеп вслед за тем непосредственно перешел на службу в госдепартамент. Там он возглавил разработку линии США в рождавшейся новой международной организации — Организации Объединенных Наций. Впоследствии Джессеп стал членом Международного Суда в Гааге.

Фонд Карнеги и в дальнейшем остался главной специализированной силой в системе американской финансовой олигархии в том, что касалось определения политики США в ООН на различных этапах деятельности этой организации.

Будучи расположен в Нью-Йорке, рядом со штабквартирой ООН, Фонд Карнеги в первоначальный период деятельности ООН — период господства США в этой организации — был буквально вездесущ. Его работники неутомимо изыскивали и подсказывали конкретные пути и методы претворения этого господства в практические акции ООН с помощью послушной тогда США «машины голосования». С приходом в ООН молодых независимых государств и созданием в ней широкого антиимпериалистического фронта Фонд Карнеги несколько изменил свой профиль, переключившись на разработку оптимальных вариантов сохранения влияния и защиты интересов США в этой организации и противодействия нежелательному для них развитию событий.

К началу 70-х годов, как видно из отчета Фонда Карнеги за 1968—1970 годы, фонд концентрировал свою деятельность на следующих четырех направлениях: международные организации и содействие исследованию международных проблем (роль Генеральной Ассамблеи ООН, деятельность миссий при международных организациях, операции ООН по поддержанию мира, региональные модели мирового порядка и т. д.); международное право (разработка перспективных направлений); дипломатия (воспитание дипломатов молодых государств в духе буржуазной идеологии); изменяющаяся роль военной силы (оценка последствий возможных соглашений об ограничении стратегических вооружений, разработка систем проверки соглашений по ограничению обычных вооружений, вопросы контроля над химическим и биологическим оружием).

Являясь организацией, деятельность и продукция которой имеет двойственное назначение (формирование

«общественного мнения» в США в нужном плане и отбор оптимальных вариантов политики для правительства), Фонд Карнеги подходит к своим задачам весьма ответственно. Он привлекает для их обеспечения самых видных специалистов. Будучи не правительственным, а частным учреждением, лишенным шор правящей администрации, он имеет возможность отвлечься от узких задач момента и позволяет себе «осмысливать немислимое» для чиновников госдепартамента. Он ищет неортодоксальные (разумеется, все в тех же рамках интересов финансовой олигархии) решения.

Показательными в этом отношении были два семинара для руководящих сотрудников ряда миссий при ООН, организованные Фондом Карнеги в 1970—1971 годах в канадском местечке Скарборо, по проблемам операций ООН по поддержанию мира. Формальной целью игры, проведенной в ходе этих двух семинаров, было определение того, возможно ли проведение Советом Безопасности операций ООН по поддержанию мира в строгом соответствии с Уставом ООН. Фактическая же задача Фонда Карнеги, насколько можно было судить, состояла в том, чтобы доказать чиновникам госдепартамента США, также участвовавшим в игре, что проведение операций ООН на этой основе отвечает также и интересам США. Эксперимент Фонда Карнеги закончился как будто успешно. Участник семинара, представлявший США и руководствовавшийся канонами официальной политики госдепартамента, оказался в ходе игры настолько изолированным в «Совете Безопасности», что был вынужден применить «вето».

Однако в реальной жизни госдепартамент США отказался взять на вооружение выводы Фонда Карнеги на этот счет. Впрочем, создание Чрезвычайных вооруженных сил ООН на Ближнем Востоке в октябре 1973 года, в состав которых, несмотря на сопротивление США, были впервые включены контингент социалистической страны — Польши, а также советские военные наблюдатели, подтвердило конечную правоту более дальновидного подхода Фонда Карнеги. Так или иначе, не приходится сомневаться в ценности для власти имущих в США столь гибкого инструмента проверки возможных вариантов в политике. Перейдем теперь к другому «букету фондов», контролируемых на этот раз семейством Рокфеллеров.

Характерной чертой рокфеллеровских фондов с самого начала была их тесная связь с фондами Карнеги. Уже в созданный в 1903 году Джоном Рокфеллером I фонд под названием Управление общего образования Эндрю Карнеги был приглашен в качестве одного из первых попечителей (другим таким попечителем стал У. Болдуин — представитель моргановских интересов). В 1913 году был образован самый крупный и известный из рокфеллеровских фондов — собственно Фонд Рокфеллера, а затем и Мемориальный фонд Лауры Спеллман-Рокфеллер (впоследствии Управление общего образования и Мемориальный фонд слились с Фондом Рокфеллера). И опять в Мемориальном фонде на посту директора появился «человек Карнеги» — некто Б. Румл, бывший тогда помощником президента Корпорации Карнеги, а затем ставший одним из наиболее видных менеджеров Рокфеллеров. Значительно позже, уже в 1940 году, был создан Фонд братьев Рокфеллеров. Учреждая его, пять братьев с самого начала заявили свое кредо: более эффективно способствовать сохранению и развитию системы частного предпринимательства. Впрочем, в течение целого десятилетия после этого Фонд братьев Рокфеллеров пребывал в состоянии спячки, являя собой резервное оружие семьи.

В целом фонды семейства Рокфеллеров стали подключаться к системе Карнеги, в ряде случаев перекачивая в нее из своих более крупных резервов необходимые средства. К 30-м годам, однако, рокфеллеровские фонды стали все более явно перенимать инициативу финансирования совместных проектов, в том числе за рубежом. Так, Корпорация Карнеги, подкармливая и направляя деятельность известного Королевского института международных отношений в Лондоне, за 1938—1951 годы смогла выделить ему 244 тыс. долл., в то время как Фонд Рокфеллера перевел этому институту за тот же период почти 907 тыс. долл. Совместными усилиями (в основном все же на рокфеллеровские деньги) оба фонда собрали в этом институте в марте 1935 года международную конференцию, основной задачей которой была разработка принципов англо-американского сотрудничества на международной арене.

Создавая «филантропические» фонды и развертывая их деятельность, Рокфеллеры, разумеется, были далеки от подлинной благотворительности. В то же время они

декларировали исключительно гуманные цели. Представление о пропагандистской и деловой сторонах деятельности рокфеллеровских «филантропических» институтов дают мемуары Ф. Гейтса. Он сыграл видную роль в создании «секции благотворительности» в рокфеллеровской империи и в первоначальном руководстве ее главными филиалами — Чикагским университетом, а также Управлением общего образования, Фондом Рокфеллера и Рокфеллеровским институтом. Законченные Гейтсом еще в 1928 году, за год до смерти, мемуары под названием «Главы из моей жизни» были опубликованы лишь пять десятилетий спустя — в 1977 году.

В главе «Филантропия мистера Рокфеллера — ее размах и цели» Гейтс пишет: «Меня передергивало, когда я видел безрассудное общественное возмущение по поводу богатства г-на Рокфеллера, которое массе народа представлялось национальной угрозой. Я подчеркиваю, что это популярное предубеждение было безрассудным. Г-н Рокфеллер всегда использовал все свое богатство только в общественных интересах... Более того, практически каждый доллар состояния Рокфеллера был создан путем экономии в производстве, распределении и продаже нефти. Это были деньги, сделанные путем сбережений. Поэтому это были заработанные деньги. Они ни у кого не отбирались»⁹.

Сказки о миллиардерах, сколачивающих свои капиталы по принципу «денежка к денежке», к тому же во имя всеобщего блага, не часто услышишь сегодня. В век изощренной империалистической пропаганды предпочитают проталкивать ту же нехитрую мысль более изящными средствами. Но и сам Гейтс, выразив «благородное негодование», незамедлительно переходит к делу и излагает принципы функционирования организованной благотворительности, полностью вскрывающие ее монополистическую суть.

В одном из писем к Джону Рокфеллеру, приводимом в мемуарах, Гейтс выдвигает принцип, ставший затем краеугольным камнем мнимой благотворительности: жертвуемые деньги не должны исчезать бесследно, а стать «самоувековечивающимися». Для этого должны быть созданы «законно оформленные благотворительные фонды под компетентным руководством и с надлежащими положениями о преемственности... Эти фонды должны быть настолько крупными, чтобы попечительство

над ними делало человека фигурой в обществе... Они должны быть настолько крупными, чтобы привлечь внимание и умы всего мира...»¹⁰.

Гейтс считал, что Фонд Рокфеллера должен стать центром всей системы рокфеллеровской филантропии — «единой центральной холдинговой компанией, которая должна ежегодно финансировать все другие организации и таким образом по необходимости подвергать их общему контролю»¹¹. Гейтс особо рекомендовал Рокфеллеру-старшему не ограничивать заранее сферу деятельности фонда какими-либо конкретными направлениями благотворительности, ибо это «поставило бы под угрозу его (фонда. — Р. О.) будущую полезность»¹².

Фонд Рокфеллера, подчеркивал Гейтс в особом меморандуме, должен быть «столь гибким и эластичным, чтобы отвечать меняющимся потребностям идущего вперед человечества — от десятилетия к десятилетию, от поколения к поколению, от века к веку»¹³. Иначе говоря, учреждение Фонда Рокфеллера и его младших собратьев было откровенной заявкой Рокфеллеров на то, чтобы установить контроль не только над экономической, но и социально-политической жизнью США. Редко еще мнимая филантропия так цинично выворачивала свою изнанку, как в мемуарах Гейтса.

Имперские замашки Рокфеллеров и их окружения с самого начала отдавали религиозной патетикой. Тот же Гейтс, будучи священником по профессии, уходя в отставку с поста первого главы Фонда Рокфеллера, произнес следующую проповедь — завещание своим преемникам: «Когда вы умрете и вам придет время предстать пред судом Всевышнего, когда вы будете стоять перед святым Петром, прося впустить вас во врата рая, о чем, как вы думаете, он вас спросит? Допускаете ли вы хоть на минуту, что он будет интересоваться вашими мелкими неудачами и вашими тривиальными добродетелями?... Нет! Ни в коем случае! Он отбросит все эти дела в сторону и задаст вам только один вопрос: „Что вы сделали в качестве попечителя Фонда Рокфеллера?“»¹⁴.

Эту религиозно-верноподданническую оду организованной благотворительности можно было бы и не вспоминать, если бы по стечению обстоятельств сегодня во главе фонда вновь не стоял священнослужитель. Это — преподобный Теодор Хесбург, назначенный председателем правления фонда в январе 1977 года и являющийся

ся по совместительству членом правления «Чейз Манхэттен бэнк» и президентом Нотр-Дамского университета. Именно ему принадлежит пальма первенства в разворачивании американским империализмом пресловутой кампании «в защиту прав человека».

Но вернемся к некоторым деталям образования и функционирования институтов рокфеллеровской филантропии. Фонд Рокфеллера, как говорится в одном исследовании, «с самого начала был уникально международным по своему мировоззрению»¹⁵. В его истории был только короткий период (1928—1934 гг.), когда он не отдавал приоритета финансированию исследований международных проблем. Но уже в 1934 году направления деятельности фонда были вновь пересмотрены, и международные отношения стали одной из трех главных сфер его деятельности. Однако подлинно решающими в истории Фонда Рокфеллера стали 60-е годы, когда в его деятельности произошел явный сдвиг от сугубо научных исследований к попыткам найти ключ к современным (национальным и международным) практическим проблемам.

Тем временем к Фонду Рокфеллера присоединился на вполне равноправной основе и Фонд братьев Рокфеллеров. Если еще в 1951 году он выделял субсидий всего на 0,5 млн. долл. в год, то к 1960 году их годовой объем возрос до 4 млн. долл. В том же году в связи со смертью Джона Рокфеллера I фонд получил дополнительно 75 млн. долл. капитала. После этого его ежегодные «дары» возросли вдвое — до 8 млн. долл.

Интересно, однако, отметить, что к этому времени по масштабам операций финансирования фонды Рокфеллеров, как в свое время фонды Карнеги, уступили лидерство новому светилу в мире филантропических организаций — Фонду Форда.

Последний, будучи номинально учрежден еще в 1936 году, до поры до времени оставался в тени. Смерть Генри Форда-старшего в 1947 году послужила катализатором полного преобразования Фонда Форда. Семейство увидело в нем возможность, во-первых, колоссальной экономии налогов и, во-вторых, сохранения контроля над семейной автомобильной компанией «Форд мотор». Если бы акции «Форд мотор», оставшиеся от Форда-старшего, были переданы непосредственно наследникам, то им пришлось бы уплатить с них 77% налога

на наследство. Будучи же переведены Фонду Форда, 90% акций «Форд мотор» были вообще освобождены от налогов. Превратившись таким образом в холдинговую компанию «Форд мотор», Фонд Форда вместе с тем приобрел колоссальные средства. Именно тогда совет попечителей фонда принял решение расширить субсидирование программ «до мировых масштабов». Для этого Генри Форд II, наследник империи, и совет попечителей фонда решили перестроить его по образцу фондов Карнеги и Рокфеллеров. Вместо того чтобы пускать «благотворительные» средства на узкие местные цели, семья решила использовать их в национальных и международных масштабах.

В 1948 году Фонду Форда было представлено заказанное им за год перед тем исследование, составленное под руководством Р. Гейтера. В нем рассматривались возможные направления политической активизации фонда и его конкретных программ. Доклад Гейтера рекомендовал Фонду Форда сконцентрироваться на пяти главных направлениях: «создание мира» (речь шла о том, как бы приковать другие страны к США и оттолкнуть их от коммунизма); укрепление демократии; укрепление экономики; система образования в демократическом обществе; поведение людей и человеческие отношения. Нельзя недооценивать масштабов этого замысла. Фонду предлагалось взять на себя основное субсидирование мероприятий по формированию руководящей социальной, в том числе внешнеполитической, доктрины в США. И Фонд Форда взялся за эту задачу, будучи дружески подталкиваем к ней Фондом Рокфеллера и лично Джоном Рокфеллером III. Рокфеллеры при всем своем богатстве не могли уже в одиночку покрыть разраставшиеся «филантропические» расходы.

К 1956 году Фонд Форда значительно детализировал названные выше основные направления своей деятельности. Что касается внешнеполитических программ, то они распадались уже на следующие конкретные проблемы: международные отношения, подготовка кадров и научных исследований по внешней политике, международное экономическое развитие, международно-правовые исследования. Доля Фонда Форда во всех международных расходах американских «филантропических» фондов в 1967—1968 годах поднялась почти до $\frac{3}{4}$. Разумеется, в целом сфера деятельности Фонда Форда бы-

ла гораздо более широкой. Как уже отмечалось, он нацелился на формирование социальных концепций внутри и вовне США и на проведение этих концепций и доктрин в жизнь. Как только эти основные направления активизации Фонда Форда были налажены, «его влияние на весь мир, — согласно одному американскому исследованию, — стало возрастать в геометрической прогрессии»¹⁶.

Смена поколений, то есть переход лидерства от фондов Карнеги к фондам Рокфеллеров и затем к Фонду Форда, закончилась. Однако своеобразие положения состояло в том, что старейшие из них не только не отмирали, но образовали единое целое с более молодыми.

3. Триумвират глобалистов

Одним из наиболее убедительных доказательств и без того очевидного факта, что основные «восточные» группы американской финансовой олигархии фактически уже образовали единое целое, является та совместная база, на которой функционируют фонды Карнеги—Морганов, Рокфеллеров и Фордов.

Попечительские советы каждого из них изобилуют представителями «родственных» фондов. Так, в числе попечителей Фонда Форда в середине 60-х годов были: директор рокфеллеровского «Чейз Манхэттэн бэнк»; бывший председатель правления этого банка (ставший к тому времени председателем совета попечителей Фонда Форда); член совета попечителей Фонда Рокфеллера; директор «Морган гаранти траст»; член совета попечителей Фонда Карнеги. В свою очередь, попечителями Фонда Рокфеллера были представитель одной из организаций, субсидируемых Фондом Форда, и директор моргановского «Бэнкерз траст».

В начале 70-х годов положение в этом отношении характеризовалось следующими данными. Из 17 попечителей Фонда Форда двое представляли «Чейз Манхэттэн бэнк», один — также рокфеллеровский «Кемикл бэнк» и один — «Морган гаранти траст». Среди 23 попечителей Фонда Рокфеллера по-прежнему был представлен «Бэнкерз траст», к которому присоединился представитель банка «Диллон, Рид». В числе 16 попечителей Корпорации Карнеги были представлены: рокфел-

леровская «Стандард ойл оф Нью-Джерси» (с января 1973 г. — «Экссон»); юридическая фирма «Салливэн энд Кромвелл», связанная с Рокфеллерами (и «Марин Мидленд бэнк»); банк «Морган гаранти траст»; «Ситибэнк» (последний был представлен двумя директорами). Наконец, в числе 24 попечителей Фонда Карнеги две ключевые должности (председателя и члена финансового комитета) занимали директора моргановских банков «Морган гаранти траст» и «Бэнкерз траст».

Упоминавшийся выше С. В. Воронин отмечает, что правильнее говорить уже не о переплетении интересов крупнейших фондов, а об их переходе под совместный финансовый контроль нескольких финансовых империй. Так, он считает, что Фонд Форда находится уже под совместным контролем групп Форда и Рокфеллера, который равномерно поделен между ними. По его мнению, в фондах Карнеги в дополнение к традиционному влиянию Морганов следует учитывать усилившиеся позиции группы «Ситибэнк», которой С. В. Воронин отдает даже пальму первенства в контроле¹⁷. Хотя эти тезисы С. В. Воронин не подкрепляет конкретными фактическими данными, в основе своей они не вызывают сомнения.

Круговая порука центрального финансового комплекса видна и в размещении активов названных выше фондов. Так, Фонд Форда приобрел на 24 млн. долл. акций рокфеллеровской компании «Экссон». Последняя, в свою очередь, купила пакет его акций. Со своей стороны, рокфеллеровский «Чейз Манхэттен бэнк» является держателем 3,5% акций автомобильной компании Форда. В то же время Фонд Карнеги вложил около 1,5 млн. долл. в акции и облигации рокфеллеровских нефтяных компаний и 0,7 млн. долл. — в ценные бумаги «Форд мотор».

Наконец, еще одним свидетельством поразительного срастания фондов Карнеги—Морганов, Рокфеллеров и Форда является тщательная координация программ ассигнований на цели их деятельности, в том числе внешнеполитические. Об этом же говорит также принцип неуклонного оказания финансовой помощи тому конкретному фонду, который является головной организацией в том или ином проекте. Довольно часты случаи, когда сразу два или несколько фондов совместно финансируют тот или иной проект. В целом Фонд Форда

нередко оказывает помощь рокфеллеровским фондам и почти всегда Фонду Карнеги; фонды Рокфеллеров регулярно помогают Фонду Карнеги и изредка Фонду Форда. Фонд Карнеги обычно выступает в этом треугольнике получателем.

Отметим, что фактическое срастание фондов тройки в целом происходило под знаком превосходства Рокфеллеров. Морганы, не имея собственных солидных фондов, в союзе с Карнеги не проводили какой-либо самостоятельной линии. Не сумели они превратить в активное орудие и опекаемый ими, третий по величине в США, Фонд Дьюка, активы которого в 1971 году составляли 629 млн. долл. Генри Форд II в целом копировал в Фонде Форда пути, уже проложенные фондами Карнеги и Рокфеллеров. Это позволяло Рокфеллерам брать на себя направляющую линию в триумvirате, вплоть до прямого руководства фондами других участников. В начале 50-х годов Джон Фостер Даллес, являясь председателем Фонда Рокфеллера, взял на себя руководство и Фондом Карнеги. В начале 60-х годов Джон Макклой, этот общепризнанный «человек Рокфеллеров», стал председателем Фонда Форда. В этих условиях Рокфеллеры являлись несомненно доминирующей силой триумvirата. Можно только поражаться тому, насколько безотказно общее лидерство Рокфеллеров в составе центрального финансового комплекса обеспечивало им руководящую роль в политической активности фондов.

Масштабы средств, брошенных фондами Рокфеллеров, Форда и Карнеги на цели тщательно продуманной «благотворительности», довольно впечатляющи. Со времени создания и до начала 1971 года только четыре крупнейших фонда истратили на «филантропию» 5,5 млрд. долл. Из этих средств Фонд Форда израсходовал 3,8 млрд., Фонд Рокфеллера — 1,1 млрд., Корпорация Карнеги — 0,4 млрд. долл. и Фонд братьев Рокфеллеров — 0,16 млрд. долл. При этом львиная доля этих сумм была истрачена в 50—60-х годах, особенно за счет «даров» Фонда Форда (с 1950 по 1967 г. последние возросли, например, до уровня 300 млн. долл. в год). За 1971—1978 годы четверка фондов истратила на «филантропическую» деятельность еще примерно 2 млрд. долл., а всего, таким образом, — около 7,5 млрд. долл.

Сами по себе эти цифры, несмотря на внушительные размеры, все же не объясняют еще того влияния, кото-

рое приобрели данные фонды. Ведь государственные ассигнования на всех направлениях деятельности фондов значительно превышают названные выше средства. Но у «даров» и субсидий ведущих фондов есть одна отличительная особенность. Они представляют собой обычно то, что получило в США название «семенные деньги». Под этим подразумевается, что первоначальный «дар» фонда, а тем более последующая подкормка из того же источника, закладывают надежные характеристики для дальнейшего роста возникшей организации или отдельного проекта. Последние уже не могут изменить свои раз заданные «гены». Более того, зачастую фонды сознательно закладывают «семенные деньги» на наиболее перспективных и потенциально плодотворных участках, которые в дальнейшем заведомо должны содержаться за счет бюджетных ассигнований. Это и дает фондам беспрецедентную возможность воздействия на науку (в том числе общественную) и технику США, а также — прямо или косвенно — на всю социально-политическую жизнь страны, в том числе на сферу внешней политики.

Как мы уже видели, особенностью фондов Карнеги, Рокфеллеров и Форда с самого начала было повышенное внимание к международным проблемам США. Это далеко не случайно. В большинстве своем эти фонды были рождены на рубеже и в первые годы перерастания монополистического капитализма в империализм. Поэтому они с самого начала нацелили свою деятельность на открытие стратегических горизонтов для молодого американского империализма за пределами США. Разрастаясь и переплетаясь друг с другом по мере складывания ЦФК, они стали наиболее влиятельными проповедниками и проводниками его установок. А это — установки глобализма или, иными словами, внешнеэкономического и внешнеполитического экспансионизма. Более того, фонды превратились в главную организационную силу, обеспечивающую воплощение устремлений хозяев американской экономики в практический внешнеполитический курс США, особенно после второй мировой войны.

Авторы советского исследования о «филантропических» фондах отмечают, что «филантропические фонды ведущих монополистических объединений принимают непосредственное участие в разработке и претворении в жизнь политических, экономических и идеологических

доктрин и концепций империализма»¹⁸. На наш взгляд, не будет преувеличением сказать, что фонды не просто участвуют в разработке концепций и доктрин, а задают направление этой разработке. Во внешней политике США нет силы более подготовленной, более специализированной, обладающей более эффективным аппаратом проведения в жизнь, чем тройка «глобалистов» в лице фондов Карнеги—Моргана, Рокфеллеров и Форда.

Можно выделить три главных направления, по которым ЦФК через названные фонды добивается соответствия внешней политики США своим интересам.

Первое из них — это разработка принципиальных целей внешней политики США на каждом конкретном историческом этапе, а также стратегии и тактики их достижения. Фонды выступают в этом отношении как непосредственно (в качестве генераторов соответствующих идей), так и в роли заказчиков разработки таких идей специализированными институтами, находящимися на их содержании и под их контролем (кафедры университетов, научно-исследовательские фирмы, фирмы-консультанты и т. д.).

Второе направление — идеологическое обоснование и социальное оправдание этих целей, насаждение их через пропаганду и систему образования в США в качестве задач, отвечающих интересам американской нации. На этом направлении фонды действуют как через ту же профессию американских университетов, так и через широкую сеть научных и общеобразовательных обществ, политических организаций, редакции газет и журналов и, наконец, через министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения США.

Третье направление контроля ЦФК над внешней политикой США — подготовка, отбор и проталкивание кадров для проведения этой политики в жизнь. Здесь триумвират фондов Карнеги — Морганов, Рокфеллеров и Форда опять-таки играет (хотя часто не непосредственно, а, например, через юридические фирмы) направляющую роль.

Для обеспечения успеха на всех этих направлениях существует целая сеть подопечных фондам организаций. «Фонды.., — отмечал в апреле 1969 года американский журнал «Рэмпартс», — являются базой целой сети организаций, через которые нервные центры богатства внушают свою волю Вашингтону. Мыслительный центр этой

системы складывается из «независимых» научно-исследовательских и политических организаций, совместно финансируемых и совместно укомплектовываемых фондами и корпорациями. Взятые в целом, они закладывают условия и устанавливают рамки выбора для долгосрочной политики правительства Соединенных Штатов».

Четкого разделения функций у этих организаций нет. Некоторые из них специализируются на разработке только внешнеполитических решений. Другие осуществляют насаждение внешнеполитических доктрин в рамках своих более широких социальных или идеологических задач. Третьи имеют смешанные функции. Но все они служат резервуаром «нужных идей» и «нужных людей» для правительственного аппарата.

К более детальному анализу этих своеобразных институтов в системе финансовой олигархии США мы еще перейдем. Но сначала остановимся на распускаемых в последние годы слухах, будто «веку фондов», их доминирующим позициям в формировании политики США приходит конец.

Непосредственным поводом для возникновения этих мотивов явились два события.

В 1969 году в процессе реорганизации налоговых законов в США благотворительные фонды как категория были лишены своих прежних привилегий — полного изъятия из налогообложения. Отныне они должны были платить налог в 4% с чистых доходов от капиталовложений. Им также было номинально запрещено давать деньги на политические цели. Все это послужило толчком к шумной кампании, в ходе которой высказывалась озабоченность, что благотворительные фонды могут «задохнуться» от нехватки средств. В отношении же политической деятельности их руководство клялось, что фонды ею вообще никогда не занимались.

На деле фонды, особенно крупнейшие из них, организовали эту кампанию лишь в качестве своего рода дымовой завесы. Она прикрывала удачно проведенную ими операцию, в том числе и политического давления, против действительно серьезных угроз своим интересам. Дело в том, что в процессе обсуждения будущего фондов в конгрессе США раздавались куда более радикальные предложения. Предлагалось, например, чтобы для фондов был установлен налог в 20% от их даже не чи-

стой, а валовой прибыли. Вносились и предложения о том, чтобы к 1995 году все уже существующие фонды вообще закончили свое существование, раздав средства.

С угрозой действительно крупных налогов фонды боролись, создав заблаговременно упоминавшуюся выше комиссию Питерсона по фондам и частной «филантропии». Идея создания такой комиссии, как прямо говорится в ее итоговом докладе, была выдвинута в конце 1968 года Джоном Рокфеллером III и затем конкретизирована президентом Корпорации Карнеги Пайфером¹⁹. Цель ее деятельности тоже была очевидной. Под видом обеспечения «независимой» оценки американской «филантропии» готовилось обоснование как для конгресса, так и для правительства «полезности» деятельности фондов. Результаты этого «исследования» были затем использованы для выторговывания у конгресса уступок по налогообложению — и, как мы видели выше по конечным результатам, безуспешно.

Угроза установления предельного срока жизни фондов была также парирована с помощью политических средств. Вначале фондам удалось добиться отсрочки срока с 25 до 40 лет. Затем после продолжительной встречи президента Фонда Форда Макджорджа Банди и президента Корпорации Карнеги Пайфера с сенатором Мондейлом, нынешним вице-президентом в администрации Картера, последний внес поправку в законопроект. Принятие ее перечеркнуло вопрос об установлении каких-либо предельных сроков деятельности фондов.

В итоге крупнейшие фонды отделались «большим испугом и мелкими расходами». К тому же их интересы и впредь не оставались без заботливого участия. В 1971—1972 годах сенатор Маски (один из кандидатов на пост президента) настойчиво, хотя и неудачно, пробивал в конгрессе соответствующий законопроект. Одним из последствий его было бы разрешение юридическим фирмам и «филантропическим» фондам представлять свою точку зрения непосредственно конгрессу США. В свою очередь, в конце 1974 года в финансовом комитете палаты представителей США всего одним голосом была провалена попытка снизить и без того мизерный налог на частные доходы фондов от инвестиций с 4 до 2%. Нет, фонды вовсе не потеряли сторонников в Вашингтоне...

Другим источником мифов об «отмирании» фондов кроме названных выше явилось серьезное падение их активов, особенно в 1973—1974 годах. С 1972 по 1974 год активы Фонда Форда, например, снизились с 3660 млн. до 1669 млн. долл., активы Фонда Рокфеллеров — с 968 млн. до 626 млн. долл. и активы Корпорации Карнеги — с 336 млн. до 210 млн. долл. Следствием этого было и существенное снижение сумм, выделяемых фондами на «бесвозмездные дары».

Однако в данном случае филантропические фонды пострадали в общем не больше и не меньше, чем другие компании, пораженные экономическим спадом и падением курсов акций. Говорить же о падении вследствие этого интереса фондов к тому, как делается политика США, было бы попросту неверно.

Президент Фонда Форда М. Банди, признавая в конце 1974 года необходимость урезывания некоторых финансируемых этим фондом программ, особо подчеркнул, что Фонд Форда не откажется ни от одной из шести установленных им для себя областей интересов. Первой из них он назвал как раз сферу международных отношений. На нее, по словам Банди, Фонд Форда истратил за предшествовавшие пять лет 40% всех своих ассигнований. Банди усматривал даже определенную положительную сторону в том, что фонду пришлось все же абсолютно сократить свои ассигнования. На новом уровне, заверял он, они по крайней мере могут продолжаться «бесконечно»²⁰. Весной 1975 года Банди вновь подтвердил, что область международных отношений будет оставаться приоритетной в части выделения средств²¹.

Позже, в середине 1977 года, выяснилось, что вопрос о судьбе международного отдела Фонда Форда являлся вообще «ключевым вопросом» его вынужденной перестройки. Однако совет попечителей даже в осложнившихся условиях решил эту проблему довольно однозначно: международный отдел должен был быть сохранен «сильным». Корректировка, как и по другим отделам фонда, была произведена лишь в одном отношении: раз фонд не мог уже целиком финансировать то или иное мероприятие, он должен был сохранять контроль над ним путем повышения эффективности вложений. Как писала газета «Нью-Йорк таймс», произошел «сдвиг от обеспечения полного финансирования к обеспечению

руководства»²². Иными словами, вопрос о действительном сворачивании фондами своей политической, и прежде всего именно внешнеполитической, активности вообще не вставал.

В последнее время в рядах «большой тройки» фондов произошла некоторая новая перестановка сил. Наибольшее внимание привлекла демонстративная «самоотставка» Генри Форда II в начале 1977 года с поста председателя правления Фонда Форда. Значительную огласку получила вышедшая в 1976 году книга П. Коллиера и Д. Хоровица «Рокфеллеры». Одним из главных ее тезисов было утверждение о том, будто «четвертое поколение» Рокфеллеров (дети пяти братьев и сестры) отказывается принять на себя наследство династии, в том числе в фондах.

Подобные заявления носили чисто пропагандистский характер. Единственным реальным последствием ухода Г. Форда II было дальнейшее возрастание в мире «благотворительности» роли Рокфеллеров. Последние еще более явно прибрали к рукам все стратегические позиции.

Произведенная Рокфеллерами в середине 1977 года реорганизация правления Фонда братьев Рокфеллеров свидетельствовала лишь о том, что два поколения смыкали свои ряды во имя сохранения контроля династии. В правлении фонда (15 членов) оказались представленными все четыре оставшихся к тому времени в живых брата (Нельсон, Дэвид, Джон III и Лоренс), пять других представителей семейства (сын и жена Нельсона, сын и дочь Дэвида и дочь их умершей сестры), а также другие традиционно связанные с семейством лица, в том числе бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер.

Одним словом, говорить об «отмирании» влияния крупнейших финансовых магнатов США на политическую жизнь страны более чем преждевременно. Кстати говоря, они — и прежде всего фонды тройки — создали такие институты поддержания этого влияния, которые накрепко вросли в политическую систему США в качестве ее интегральных частей (что, разумеется, касается и системы управления внешней политикой).

В этом отношении полезно ознакомиться с еще одним инструментом триумvirата — Ассоциацией внешней политики.

4. Орудие воздействия на «публику»

Ассоциация внешней политики (АВП) была создана нью-йоркскими финансовыми магнатами еще в 1918 году. Ее номинальной целью была задача проведения научно-исследовательских работ и деятельности в области образования и воспитания, с тем чтобы «оказывать содействие в популяризации и конструктивном развитии внешней политики США». Подлинным же ее назначением стало продвижение внешнеполитических доктрин и концепций триумvirата фондов в сознание американской буржуазии и широких кругов населения.

Почти с самого начала ассоциация была прочно взята фондами на содержание. С начала 30-х и по начало 50-х годов АВП получила на свою деятельность от двух фондов Карнеги 220 тыс. долл. и от двух рокфеллеровских фондов (Фонда Рокфеллера и Мемориального фонда Лауры Спеллман-Рокфеллер) около 3 млн. долл. С начала 50-х годов основным источником финансирования АВП стал Фонд Форда, который уже в 1952 году выделил ассоциации 335 тыс. долл.

Связи АВП с тройкой фондов видны и по другим линиям. В период своей молодости, в 1929 году, Джон Рокфеллер III работал секретарем при тогдашнем председателе ассоциации. Штаб-квартира АВП по сей день находится в здании Фонда Карнеги — дом номер 345 на 46-й улице в Нью-Йорке.

Директорат АВП состоял после второй мировой войны из 65—75 человек. В середине 60-х годов в нем были представлены Фонд Карнеги, рокфеллеровская «Стандард ойл оф Нью-Джерси», также известная уже нам юридическая фирма «Салливэн энд Кромвелл» и другие, в основном восточные, компании и банки. В конце 1974 года президентом АВП — вместо занимавшего этот пост 12 лет С. Хэйеса — стал директор (символическое совпадение) «Морган гаранти траст» и компании «Форд мотор» Картер Берджес. Среди новых директоров АВП к тому времени появились партнеры нью-йоркских банков «Гоулдмен, Закс» и «Лазар фрер», новый представитель юридической фирмы «Салливэн энд Кромвелл», а также директора компаний «Дженерал моторс», «Монсанто», «Ксерокс» и других корпораций, находящихся в основном под контролем ЦФК. Справедливости ради, следует отметить, что в 1973 году одним из директоров

ассоциации стал и председатель правления калифорнийского «Бэнк оф Америка».

Деятельность АВП особо активизировалась за последние 25—30 лет. К настоящему времени ассоциация тщательно отработала механизм внедрения внешнеполитического кредо финансовой олигархии во внутривнутриполитический обиход. Этим целям служат хорошо продуманные и проверенные временем методы насаждения идей.

Прежде всего — это объявленная с 1954 года программа «информирования граждан по внешнеполитическим проблемам», получившая название «Великие решения». В рамках программы в самом начале каждого года выпускается объемистая брошюра, предлагающая читателям просветиться по ряду «критически важных внешнеполитических проблем» и принять участие в их обсуждении. Так, на 1977 год АВП предложила рассмотреть следующие вопросы: распространение ядерного оружия, положение на Юге Африки, Ближний Восток, трудности в Западной Европе, американо-советские отношения, китайско-американские отношения, вопросы продовольственного положения и народонаселения, вопросы, связанные с Панамой и Кубой. По числу этих проблем (а их, как правило, отбирается восемь) в течение февраля—марта каждого года по названной инструктивной брошюре проводятся семинары более чем в 1000 кружках, организуемых по всей стране (в 1976 г. в таких кружках занималось в общей сложности 60 тыс. человек). Кроме того, брошюра рекомендуется студентам университетов и колледжей.

Методика обработки участников семинаров состоит в следующем. Во-первых, в самой инструктивной брошюре, темы которой отбираются редакторами АВП, дается уже заведомо нацеленная постановка проблем. Во-вторых, рекомендуемая для слушателей дополнительная литература не выводит читателя из круга статей и книг, являющихся продукцией либо непосредственно самой АВП, либо весьма узкого круга изданий и институтов. Это прежде всего статьи из двух журналов — «Форин афферс» и «Форин полиси», а также продукция Института Брукингса. В-третьих, для руководителей семинара в качестве дополнительного источника выпускается особая брошюра «Руководство для руководителя».

Такого рода тщательно подобранные шоры обеспе-

чивают натаскивание участников семинаров по внешнеполитическим проблемам в заранее заданном духе. Но АВП на этом не останавливается. Финалом ежегодной внешнеполитической муштры под ее руководством является направление делегатов от местных семинаров в Вашингтон — на национальную конференцию АВП. Объединенная делегация конференции, в свою очередь, — и в этом смысл затеи — старается добросовестно втолковать членам конгресса и правительства США «свое мнение» относительно того, как должны решаться те или иные внешнеполитические проблемы. Никого не смущает то обстоятельство, что это «собственное» мнение было только что привито на семинарах АВП. В шестивии, организованном, например, по этому случаю в апреле 1976 года, приняли участие 100 делегатов от 36 штатов США.

Ассоциация увеличивает масштабы охвата «внешнеполитическим воспитанием». В период проведения семинаров, то есть в феврале—марте, с 1976 года стала организовываться параллельная, еще более массовая обработка американцев по темам, пропагандируемым в программе «Великие решения». Через агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл в эти два месяца распространяются статьи в газеты по каждой из восьми утвержденных АВП тем. По 200 местным радиостанциям каждую неделю организуются специальные передачи по той же тематике (охват — 20 млн. слушателей).

По оценке АВП, самой программой «Великие решения» охватывается миллион человек, не считая студентов. В сознание каждого из них, в чем и состоит смысл программы, в той или иной степени внедряются «нужные» ответы на те или иные вопросы, касающиеся внешней политики США. Иными словами, программа попросту наводит на выбор нужного внешнеполитического варианта, подсказанного АВП, и блокирует возможность «неправильного» ответа.

Надо отметить, что программа «Великие решения» нередко используется для обслуживания и сугубо практических, «пожарных» потребностей правящего класса в области внешней политики. Именно тогда выходит наружу то, что в обычных условиях стараются оставить в тени, — тесная координация акций АВП и федеральной администрации, действующих в унисон. В начале 1978 года потребовалось, например, преодолеть инерцию

мышления провинциалов и обосновать необходимость ратификации сенатом США договоров о Панамском канале, подписанных администрацией с благословения ЦФК. Для этого и был использован механизм программы «Великие решения». Участникам ее семинаров, обсуждавшим, в частности, в штатах Миссисипи и Нью-Мексико вопрос о том, следует ли ратифицировать эти договоры, «консультации» в пользу ратификации давал лично президент, устраивавший для них «пресс-конференции по телефону». Конечной целью давления через публику, умело обрабатываемую АВП и правительством, были, разумеется, американские сенаторы, и, надо сказать, необходимое большинство в их рядах было таким путем обеспечено. Вот какова практическая эффективность, казалось бы, чисто общеобразовательной деятельности АВП.

Еще одним важным направлением проталкивания АВП концепций своих хозяев в сознание широкого круга американцев являются брошюры «Серии главных вопросов», которые она издает уже почти 40 лет. Выпускаемые 5 раз в год, эти стандартные брошюры в 64 стр. каждая издаются тиражом в 15—18 тыс. экз. Они дают более детальный инструктаж по отдельным проблемам международных отношений. Показателен подбор авторов этих брошюр, вышедших в 1976 году: «Будущие миры» (о возможных изменениях расстановки сил на мировой арене) — Р. Фолк, член Совета по международным отношениям; «Китай и Соединенные Штаты: что дальше» — А. Уайтинг, один из соавторов продукции того же совета; об американской внешней политике в «третьем столетии» США — Б. Мэннинг, президент Совета по международным отношениям; «Распространение ядерного оружия: стратегия контроля» — А. Пьерр и К. Мойн, научные сотрудники того же совета; о сочетании внешней политики и разведки США — Т. Хьюз, президент Фонда Карнеги. Одним словом, и в данном случае круг «информаторов публики» по внешнеполитическим проблемам сужен до предела.

В начале каждого предвыборного года АВП выпускает набор «Внешнеполитических памяток». Как говорилось в рекламе такого набора на 1976 год, он «обеспечивает как избирателей, так и интересующихся, а также кандидатов на государственные посты сжатым анализом 12 критических проблем внешней политики». В числе

памяток данного набора были такие, как «Разрядка с Советским Союзом», «США и развивающиеся страны» и др. Памятки построены по следующей схеме: краткая фактическая справка по вопросу, описание текущей позиции США в этом вопросе, изложение контуров возможных «альтернатив этой политике» и, наконец, список рекомендуемой литературы.

В целом такие наборы соответствуют как целям программы «Великие решения», так и подбору брошюр «Серии главных вопросов», но более популярны по изложению. Их практическая нацеленность наиболее откровенна. Предлагаемые читателям-избирателям альтернативы внешней политики США являются по существу предложениями о корректировке прежнего курса, диктуемой изменившимися обстоятельствами. Они служат одновременно громоотводом на случай возникновения в умах избирателей действительных альтернатив.

Нельзя, правда, не отметить, что обрисованный выше аппарат АВП кроме главной своей цели — задания соответствующих внешнеполитических направлений умам участников и читателей — выполняет и полезную рабочую функцию. Он позволяет зондировать настроения довольно широкого круга американских граждан, лучше других разбирающихся во внешнеполитических делах. Это дает ЦФК возможность раньше выявлять аспекты внешнеполитического курса США, теряющие поддержку, или определять объект на международной арене, вызывающий наибольшую озабоченность американцев.

Необходимо отметить еще два вида мероприятий, которые ассоциация организует уже не столько для широкой публики, сколько для своих доноров — представителей корпораций.

Первое из них — это ежегодная серия ланчей на 1000—1500 человек каждый. Они организуются АВП в наиболее фешенебельных отелях Нью-Йорка в основном для крупных бизнесменов с целью привлечения их внимания к тем или иным внешнеполитическим вопросам. В 1976 году, в частности, первый из таких ланчей был посвящен официальному открытию программы «Великие решения 1976 года». Оратором на следующем ланче был государственный секретарь США Г. Киссинджер, выступавший по проблемам морского права. Вопросу о предстоявших президентских выборах, текущих внешнеполитических проблемах США и программе кандида-

тов в президенты по внешней политике были посвящены три ланча. В частности, в июне главным оратором на ланче был кандидат в президенты от демократической партии Джимми Картер. Еще на одном из ланчей бывший министр обороны США Шлесинджер рассказывал о своих впечатлениях от поездки в Китай. В целом практика таких ланчей позволяет нью-йоркским финансовым магнатам держать руку на пульсе важнейших проблем мировой политики.

Другой формой поддержания важнейших звеньев ЦФК в курсе мировых проблем являются организуемые АВП для менеджеров семинары по конкретным внешнеполитическим вопросам. Это весьма серьезные мероприятия, носящие деловой характер и лишенные дешевой игры «на публику». В порядке, так сказать, «прививки» бизнесменам дают заслушивать и представителей социалистических стран. Например, в ноябре 1970 года АВП провела «семинар по ООН» для менеджеров компании «Вестерн электрик», собранных из различных городов США и проходивших «37-ю программу усовершенствования» менеджеров компании. Участникам семинара были представлены взгляды на ООН Секретариата этой организации, а также миссий США, Ганы и СССР при ООН, после чего состоялась дискуссия. «Семинары по ООН» особенно излюблены ассоциацией в качестве средства внешнеполитического образования менеджеров, поскольку они дают возможность обзора сразу многих узловых проблем международного положения.

С утверждением авторитета АВП под ее эгидой стала действовать и обширная сеть так называемых клубов по международным отношениям. Последняя была создана еще в 1914 году на средства Фонда Карнеги; за 1922—1952 годы клубы получили от фондов Карнеги и Рокфеллеров 1,4 млн. долл. Перед второй мировой войной эта сеть насчитывала 685 клубов в США и 418—за границей. Они создавались в основном при школах, колледжах и университетах и были призваны прививать молодежи угодные финансовой олигархии взгляды на внешнюю политику США со школьной и студенческой скамьи. Клубы бесплатно получали от Фонда Карнеги специально отобранные и официально одобренные фондом материалы по внешней политике. Им подсказывалась и тематика для дискуссий, на каждой из которых присутствовал представитель фонда. В 1954 году клубы

по международным отношениям были переданы Фондом Карнеги непосредственно в ведение АВП, которую он продолжал субсидировать.

Мы не случайно остановились столь подробно на деятельности Ассоциации внешней политики. Основные направления деятельности АВП представляют прямой интерес с точки зрения вскрытия конкретных методов воздействия ЦФК на политическую жизнь в США. При этом АВП является не периферийным участником, а одним из центральных звеньев системы контроля финансовой олигархии США над внешней политикой страны. От нее идут многочисленные мостки ко многим другим звеньям этой системы.

Таким образом, значение работы, проводимой АВП по обеспечению широкой поддержки внешнеполитического курса американского империализма, отвечающего жизненным интересам ЦФК, совершенно несомненно. Тем не менее разработка и проведение этого курса по необходимости должны опираться на более широкую базу, чем усилия триумvirата фондов и его детища — ассоциации.

Ниже будут рассмотрены некоторые другие организации американского бизнеса, также оказывающие влияние на внешнюю политику США с учетом более широкого спектра интересов, чем те, которые характеризуют линию триумvirата фондов. Затем мы постараемся показать, как и почему именно эта тройка как ядро финансового комплекса имеет в своих руках решающие, доминирующие над другими интересами конкретные рычаги такого воздействия.

5. Дополнительные опоры

Среди наиболее влиятельных организаций крупного американского бизнеса следует отметить прежде всего Совет бизнеса (СБ), называвшийся до 1961 года Консультативным советом бизнеса. Он был создан в 1933 году по предложению первой администрации президента Рузвельта в качестве консультативного органа при министерстве торговли США.

Инициатором учреждения СБ со стороны компаний был Сидней Вайнберг, старший партнер инвестиционно-го банка «Гоулдмен, Закс». Один из первых его предсе-

дателей — А. Гарриман из «Браун бразерс, Гарриман». В целом нью-йоркские финансисты всегда играли и играют в нем самую видную роль. Так, в СБ представлены банки «Морган гаранти траст», «Бэнкерз траст», «Чейз Манхэттэн бэнк», «Ситибэнк», «Мэнюфэкчурерз Хэновер», «Браун бразерс, Гарриман» и др. Однако с самого начала отличительной чертой Совета бизнеса было более широкое, национальное по географическому охвату, представительство крупного капитала.

Членский состав СБ в последние годы насчитывает около 200 человек. Все они, почти без исключения, являются главами (председателями или президентами) крупных и крупнейших американских корпораций. Более организованно и компактно в СБ ядро так называемых «активных членов», в число которых входит около 65 человек. Остальные $\frac{2}{3}$ членов составляют категорию закончивших срок «активного» членства или являются почетными членами. По имеющимся данным, из 45 «активных» членов СБ от компаний обрабатывающей промышленности 35 представляют фирмы этой отрасли, входящие в 200 крупнейших, а 25 — в 100 крупнейших.

Совет бизнеса встречается в более или менее полном составе лишь несколько раз в год. Ранее это были две короткие ежегодные встречи вне Вашингтона и четыре более деловые сессии в самой столице. С начала 70-х годов порядок был несколько изменен: в мае и октябре каждого года происходят «загородные» встречи в местечке Хот-Спрингс, штат Вирджиния, а в феврале и декабре — сессии в Вашингтоне. В силу столь редких «пленарных» заседаний сам СБ занят в основном определением совместной позиции крупного капитала скорее по тактическим и оперативным вопросам, чем по проблемам долговременной политики.

Значение и вес СБ значительно возросли в годы президентства Д. Эйзенхауэра. Он лично установил связь с «загородными» встречами СБ начиная с предвыборного периода. Совет при этом продолжал работать на закрытых заседаниях, принимая решения втайне. Попытка конгресса США в 1955 году получить доступ к информации, которой располагало министерство торговли о деятельности СБ, была отведена администрацией на том основании, что это — «внутреннее дело правительства».

Фактическая власть СБ продолжала тем временем

расти. В мае 1960 года на «загородной» встрече СБ считал за должное выступить кандидат в президенты США Р. Никсон, изложивший свое кредо собравшимся бизнесменам. Никсон заявил, что он лично не видит большой разницы в части внешней политики между своей программой и программой другого кандидата — Дж. Кеннеди. Никсон, однако, пугал СБ тем, что Кеннеди слишком подвержен влиянию американских профсоюзов. На деле, однако, именно при Кеннеди СБ радикально расширил свое влияние.

Началось все с недоразумения, когда в феврале 1961 года строптивый министр торговли в кабинете Кеннеди Ходжес попытался поставить СБ на место. Он потребовал расширения его состава путем допуска туда представителей мелкого бизнеса, своего участия в выборе новых членов СБ и допуска правительственных чиновников на все заседания Совета. Борьба, затеянная Ходжесом, продолжалась несколько месяцев и после вмешательства президента, одернувшего его, закончилась полной капитуляцией министра. Кстати говоря, умерить пыл Ходжеса порекомендовал Кеннеди его министр финансов Д. Диллон, партнер банка «Диллон, Рид» и будущий председатель Фонда Рокфеллера.

Конкретным результатом баталии было следующее. Ранее СБ служил лишь консультативным органом при министерстве торговли. Теперь комитеты СБ были учреждены при целом ряде ведущих министерств США и при самом Белом доме. Связь с Белым домом была возложена на специальную группу из трех членов СБ. В нее вошли Генри Форд II, глава компании ИБМ Уотсон и президент компании «Панам» Триппи. На обеде, устроенном в честь «примирения» администрации и СБ 21 сентября 1961 г., специальный помощник президента (и будущий глава Фонда Форда) М. Банди заявил от имени правительства: «Наше положение людей, имеющих временную политическую власть, не имеет большого значения, если истинная власть Соединенных Штатов перестанет действовать... В этом отношении мы единое целое»²³.

Вступивший в должность президента после смерти Кеннеди Л. Джонсон, стремясь заручиться поддержкой бизнеса, сразу же связался не с кем иным, как тогдашним президентом Совета бизнеса Ф. Каппелем. Спустя 12 дней после смерти Кеннеди Джонсон уже принимал

в Белом доме делегацию из 80 членов СБ. «Джентльмены, — заявил, обращаясь к ним, новый президент, — я хочу сказать следующее: отбросьте свои страхи и сомнения, возродите надежды. Нам очень много нужно сделать вместе». Джонсон не пожалел времени, чтобы сфотографироваться отдельно с каждым из присутствовавших членов СБ. Еще через два месяца, в январе 1964 года, члены СБ были снова приглашены на обед, где президент ознакомил их со своим предстоящим посланием конгрессу о положении в стране²⁴.

Остается добавить, что и к следующему президенту США, Р. Никсону, Совет бизнеса имел столь же легкий доступ. В октябре 1970 года, например, СБ провел свою очередную «загородную» встречу в Хот-Спрингсе. Главным предметом тревог бизнеса оказались в то время рост заработной платы и инфляция. На следующий день 15 членов СБ посетили Никсона и в течение двух часов доводили до его сведения позицию совета.

Еще большее значение с точки зрения воздействия на разработку внешней политики США имело создание Советом бизнеса в 1942 году своего специализированного филиального органа — Комитета по экономическому развитию (КЭР).

В отличие от заседаний Совета бизнеса, представлявших своего рода «встречу в верхах» виднейших магнатов американского финансового капитала, КЭР с самого начала проектировался как орган по планированию и направлению долговременных внешнеэкономических акций американского империализма. Он создавался с конкретной целью планирования внешнеэкономической стратегии США после второй мировой войны. Впоследствии КЭР превратился в постоянный институт СБ. Силами ученых, но по указке лидеров бизнеса он готовит для СБ (а также для правительства США) перспективные направления внешнеэкономической экспансии американского капитала и решения по конкретным проблемам. КЭР создал 3000 местных отделений; через них он зондирует позиции широких кругов буржуазии и, в свою очередь, направляет ее мышление.

В силу гораздо более целенаправленного, чем у самого СБ, характера деятельности КЭР пользуется гораздо большим вниманием и поддержкой финансового комплекса США и его политического авангарда — тройки фондов.

Как Фонд Рокфеллера, так и особенно Фонд Форда регулярно снабжают КЭР финансовыми средствами. В 1958 году на «дар» Фонда Форда на сумму в 1,3 млн. долл. КЭР создал специальную комиссию по валютно-кредитным вопросам. В 1960 году он получил из того же источника 450 тыс. долл., в 1961 году — также крупную сумму, а в 1963 году — еще 750 тыс. долл.

Центральный финансовый комплекс, и в первую очередь опять-таки фонды, с самого начала поставил своих людей у кормила руководства КЭР. В числе первых попечителей КЭР был Б. Румл — один из наиболее доверенных управляющих империи Рокфеллеров. Председателем правления КЭР в 1957—1962 годах был вице-председатель Фонда Форда Дональд Дэвид. Председателем наиболее важного комитета КЭР (комитета по научным исследованиям и политике) в 1961—1966 годах являлся Теодор Интема, глава финансового комитета компании «Форд мотор». В 1966 году его сменил на этом посту казначей рокфеллеровской компании «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» Эмиль Колладо, занимавший его также ряд лет. В числе попечителей КЭР представлены банки Морганов, Рокфеллеров, «Диллон, Рид», «Браун бразерс, Гарриман», компании «Форд мотор», «Экссон» и др. По некоторым данным, Рокфеллеры в целом имеют в совете попечителей КЭР, состоящем из 200 человек, 25 своих представителей, Морганы — 20 представителей²⁵.

Впрочем, КЭР, как и СБ, все же не является безраздельной вотчиной ЦФК и триумvirата фондов. Другие, в том числе региональные, финансовые группы представлены в нем довольно весомо. Например, интересы «Бэнк оф Америка» в КЭР отражают 13 попечителей, интересы других калифорнийских группировок представлены еще 8 попечителями.

Собственно говоря, это логично. Как СБ, так и КЭР сознательно ориентируются на более широкие интересы крупного бизнеса, стремясь обеспечить «мир и согласие» между его составляющими.

Пожалуй, следует сказать несколько слов еще о двух организациях американских предпринимателей. Первая из них — это Национальная ассоциация промышленников, объединяющая около 13 тыс. компаний, в том числе мелких и средних; вторая — Торговая палата США, в которую входит около 60 тыс. фирм.

Их влияние на политику США нередко преувеличивается. На деле обе организации представляют в основном краткосрочные интересы рядовых фирм, носящие, как правило, локальный характер. С таким ограниченным кругозором и запросами эти организации редко претендуют на видную роль в национальной политике. Они удовлетворяются в основном лоббированием в американском конгрессе. Даже объявленное слияние обеих организаций едва ли увеличит их политический вес.

Как бы то ни было, ЦФК Соединенных Штатов располагает несравненно превосходящими инструментами осуществления своего воздействия на политику правительства.

АППАРАТ ПРОВЕДЕНИЯ

1. Оперативный центр

На углу респектабельной Парк-авеню и 68-й улицы Нью-Йорка стоит небольшой четырехэтажный особняк. На первом этаже его находится библиотека на 40 тыс. томов. Сравнительно небольшая, она весьма специализирована — в основном книги по вопросам международных отношений и мировой экономики. Ее фонды постоянно обновляются: добавляются важнейшие из новых изданий, изымаются устаревшие. На верхние этажи здания можно попасть лишь по особому приглашению — точно в указанное время и точно в указанную комнату. Приглашают не на обед и не на ужин, хотя зачастую здесь и едят между делом. Приглашают поделиться мыслями. Это, однако, не клуб для приятных разговоров, это — общество весьма серьезных людей, преследующих сугубо деловые и ответственные цели: выявление и «прокатывание» идей в области внешней политики. Особняк является штаб-квартирой Совета по международным отношениям (СМО).

Составу участников каждой дискуссии в совете могут позавидовать любой университет, многие министерства и большинство правлений компаний. Все эти три мира, как правило, представлены в дискуссии.

Обсуждаются весьма крупные, если не узловые, внешнеполитические вопросы. Как реагировать на последние предложения Советского Союза по разоружению? Каким образом продвигать интересы США на Ближнем Востоке? Где можно предвидеть осложнения в американо-японских отношениях? В чем нужно скорректировать позицию США в отношении Китая? Каковы

тенденции на ближайшие пять (десять) лет в Латинской Америке? Западной Европе? Африке? Сами эти вопросы, их постановка, последовательность, круг — все это представляет собой не хаотическое нагромождение, а четко продуманную систему. Анализируются одна за другой все «горячие точки» земного шара и наиболее критические проблемы. Итоги дискуссий, выводы и предложения через какое-то время, после дополнительного рассмотрения, фиксируются на бумаге. Затем они появляются на столах не только членов совета, но и руководящих чиновников государственного департамента, Пентагона, ЦРУ, министерства финансов или попадают сразу к самим министрам. Нередко таким чиновником или министром оказывается к тому времени бывший участник дискуссии. Или, наоборот, в повторном обсуждении в СМО участвует бывший глава ведомства.

Все это, впрочем, мало известно. Никто этого не рекламирует. Более того, об этом сознательно умалчивают. «Одним из наиболее удивительных свойств этой замечательной организации, 1500 членов которой включают большинство лиц, которые оказали значительное влияние на внешнюю политику США в последние 30 лет, — писал в 1971 году журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин», — является то, как мало известно о ней вне узкого круга посвященных на Восточном побережье США»¹.

На это, однако, есть веские причины. Речь идет об организации, являющейся главным оперативным штабом ЦФК по разработке и проведению внешнеполитического курса. Цель его функционирования — обеспечить главный стык между интересами финансовой олигархии и практическими акциями государственной машины США на мировой арене. Именно поэтому следует подробнее остановиться на столь уникальном учреждении.

Предшественниками СМО были две частные организации. По стечению обстоятельств обе они возникли сразу после Великой Октябрьской социалистической революции. Первой из них была организованная в 1918 году помощником президента Вильсона полковником Хаузом при поддержке старшего партнера банка «Дж. П. Морган» Т. Ламонта группа ученых и специалистов по внешнеполитическим проблемам под условным названием «Исследование». Непосредственной задачей группы была разработка позиции США на мирной конференции,

которая должна была увенчать первую мировую войну. Готовя американские условия мира, группа тесно блокировалась с английскими контрагентами. Уже к июню 1919 года ими совместно было решено учредить двухсекционный англо-американский Институт международных отношений (с отделениями в США и Англии). Как мы видели в предыдущей главе, за этими усилиями стояли фонды Карнеги — Морганов. Другим предшественником нынешнего совета был созданный также в 1918 году его полный тезка — Совет по международным отношениям. Он был поддержан ведущими банками и юридическими фирмами Нью-Йорка, заинтересованными в лучшем ознакомлении с международными торговыми и финансовыми проблемами. Председателем финансового комитета СМО являлся глава моргановского банка «Гаранти траст» А. Хемфилл.

Обе организации отражали возросшую активность американского империализма после первой мировой войны, его заявку на ведущую роль на мировой арене. Однако только их слияние в 1921 году в объединенный Совет по международным отношениям показало, насколько серьезна эта заявка. Совет прямо создавался для того, чтобы «пробудить Америку к ее всемирной ответственности»². А подпирали этот амбициозный институт крупнейшие столпы американского финансового капитала, так что СМО стал организацией по формированию политики на самом высоком уровне. Кстати говоря, Американский институт международных отношений, одно из первых порождений СМО, был воссоздан в 1973 году в качестве его филиала.

В первом эшелоне учредителей СМО, охватывавшем тех, кто официально занял в нем организационные или администраторские посты, шли следующие лица: Элиу Рут — первый президент Фонда Карнеги и бывший государственный секретарь; Джон Дэвис — старший партнер главной юридической фирмы Морганов «Дэвис Полк, Уордуэлл, Гардинер энд Рид», впоследствии попечитель Фонда Рокфеллера; Фрэнк Полк — еще один партнер этой моргановской фирмы и бывший заместитель государственного секретаря США; Поль Крават — глава рокфеллеровской юридической фирмы «Крават, Свэйн энд Мур»; Исайя Баумен — одно из доверенных лиц Фонда Карнеги; нью-йоркские банкиры Поль Уорбург, Норман Дэвис, Отто Кан. В свою очередь, во вто-

ром, вспомогательном, эшелоне находились уже известный нам старший партнер банка «Дж. П. Морган» Т. Ламонт, менеджеры рокфеллеровской империи Рэймонд Фосдик (в 1936—1948 гг. — президент Фонда Рокфеллера) и Джером Грин, а также лично Джон Рокфеллер I и его тесть и партнер Нельсон Олдрич. Кроме того, основателями СМО были Джон Фостер Даллес (будущий председатель Фонда Рокфеллера и государственный секретарь США) и его брат Аллен (президент СМО в 1946—1950 гг. и будущий глава ЦРУ), представлявшие в то время юридическую фирму «Салливэн энд Кромвелл». Среди них были также Кристиан Гертер (будущий государственный секретарь) как представитель бостонских финансистов; Аверелл Гарриман (будущий старейшина американской дипломатии), — партнер банка «Браун бразерс, Гарриман»; совладелец фирмы «Кун, Леб» Джэкоб Шифф и другие финансисты.

Журнал «Форин афферс», который СМО стал издавать на следующий год после своего создания, сразу дал понять, что особенно волновало его менторов. В первом же номере журнала, вышедшем в сентябре 1922 года, центральной была статья, написанная его редактором, бывшим членом группы «Исследование» А. Кулиджем, — «Россия после Генуи и Гааги».

Ни содержание, ни тональность статьи не оставляли ни тени сомнения относительно симпатий автора. Советская Россия подавалась в ней как страна, «главная цель которой состоит в том, чтобы подорвать саму базу общества, на которой основана наша цивилизация». В соответствии с этим в статье откровенно перебирались шансы различных методов («четырёх очевидных возможностей») свержения Советской власти. Кулидж был вынужден признать, правда, что ни попытка прямой, контрреволюции, ни надежды на экономическую реставрацию капитализма не являются реалистическими. Он, однако, публично делал ставку на две другие «возможности». Ими были либо раскол партии большевиков, либо рост экономических трудностей в молодой республике, в результате которых страна «впадет в анархию, развалившись на куски». С возможностью того, что Страна Советов не только выживет, но и неизмеримо окрепнет, Кулидж не считался.

Мы привели основное содержание этой статьи не для того, чтобы поиронизировать. Над близорукостью по-

добных пророков посмеялась история. Но статья Кулиджа наглядно демонстрирует, какова с самого начала была ориентировка мышления людей, создавших в лице СМО орган для направления внешней политики США. Советскому Союзу в их расчетах не отводилось места на карте. Забегая вперед, можно сказать, что «Форин афферс» и в дальнейшей своей деятельности не спускал глаз с СССР. К 1972 году — к своему 50-летию — журнал напечатал 220 статей по советской тематике. «Форин афферс» выходит 4 раза в год, так что в каждом его номере была по крайней мере одна статья по Советскому Союзу, но ни одна из них не была дружелюбной.

Надо отметить, что в течение первых двух десятилетий своего функционирования СМО в целом еще только набирал силы. На это было много причин. Главная из них состояла в том, что исторические условия еще не позволяли реализовать экспансионистские, глобалистские установки тех, кто создавал совет. Тем не менее у СМО с самого начала были все предпосылки для того, чтобы с течением времени превратиться в действительно центральный орган по разработке внешней политики американского империализма — той политики, руководить которой, казалось бы, должно было единолично правительство США. Но, как отметил Ф. Ландберг, по сравнению с американским правительством «члены Совета по международным отношениям имеют более тесную и более специфическую связь с международными отношениями. Ибо это главным образом их собственность, отделения и филиалы за границей охраняются государственным департаментом, а также армией, флотом и авиацией»³.

Вторая мировая война и вызванные ею колоссальные потрясения на международной арене были тем рубежом, с которого, еще до вступления США в эту войну, началось восхождение СМО к внешнеполитическому кормилу.

В сентябре 1939 года СМО предложил госдепартаменту, замученному текучкой, организовать для него исследование долгосрочных внешнеполитических проблем США. Были предложены следующие четыре направления: проблемы безопасности и вооружений, экономика и финансы, политика, территориальные проблемы. Получив согласие госдепартамента, СМО создал группы

экспертов по всем этим направлениям (в 1942 г. к ним было добавлено пятое направление — проблемы мира). Группы, в свою очередь, были возглавлены специально созданным комитетом СМО. Весь проект получил название «Исследования по вопросам войны и мира». Деньги на это мероприятие предоставил Фонд Рокфеллера.

В 1941 году отношения между госдепартаментом и советом были еще более укреплены: первый создал у себя Отдел специальных исследований, второй разрешил руководителям направлений своих «Исследований» непосредственно подключиться к работе нового отдела. В 1942 году госдепартамент образовал Консультативный комитет по послевоенной внешней политике, и опять в него вошли члены и сотрудники СМО. На этот раз ряд из них представлял заодно и интересы Фонда Карнеги (И. Боумен, Дж. Шотуэлл и др.). Напомним, что к тому времени Фонд Карнеги для международного мира уже подключил своих сотрудников к юридическим проблемам госдепартамента.

Тем временем организация «Исследования по вопросам войны и мира» стала заваливать госдепартамент и другие ведомства США своей продукцией. За первые два года работы она подготовила более 250 меморандумов по различным вопросам; к концу 1943 года было выдано уже свыше 540 меморандумов, а к концу 1945 года (т. е. за шесть лет деятельности) — более 680 меморандумов. В среднем получалось 115 меморандумов в год. Тематика меморандумов далеко не всегда отвечала конкретным заказам госдепартамента. Зачастую ее подбирал сам совет. Он считал полезным заранее просветить правительство по тому или иному вопросу, открыть ему глаза на новую проблему. К тому времени штат госдепартамента стал во многом неотличим от состава экспертов и членов СМО — они перемешались.

К концу второй мировой войны сращивание госдепартамента с советом, за которым стояли фонды Карнеги — Морганов и Рокфеллеров, стало свершившимся фактом. Если формально исследовательские группы СМО были после этого распущены, то это уже не имело значения. Внешнеполитическое ведомство США усвоило к тому времени стиль работы и рекомендации СМО. Направления деятельности, персонал для прове-

дения политики — все это уже было у госдепартамента общим с советом.

Идеи и люди СМО предопределили и многие основные линии активизации американского империализма после второй мировой войны. Ими были рождены Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международный валютный фонд (МВФ). Они определяли политику США в ООН. Этими идеями и людьми питалась оккупационная политика США в Западной Германии. Они стояли за созданием военного блока НАТО и т. д. и т. п. Нас же пока больше интересует механизм функционирования совета.

Английская поговорка «кто платит, тот заказывает музыку» как нельзя лучше относится к Совету по международным отношениям. За 1921—1952 годы СМО получил от фондов Карнеги—Морганов 1,8 млн. долл. и от фондов Рокфеллеров — 1,3 млн. долл. Затем масштабы «подкормки» значительно увеличились. В начале 50-х годов совет получил из этих двух источников и от присоединившегося к ним Фонда Форда сразу 2,5 млн. долл., в том числе от последнего — 1,5 млн. долл. В дальнейшем поступления от фондов составляли в среднем 25—30% всего бюджета СМО.

В 1973—1974 годах в рамках общей перестройки фондами системы финансирования (вследствие падения их активов) был изменен и порядок субсидирования ими СМО. Прежняя практика долгосрочных программ содержания совета была отменена. И Рокфеллеры, и Форд перешли к предоставлению краткосрочных целевых даров, которые выдаются после того, как совет наберет заранее оговоренную сумму средств из других источников. Так, Фонд братьев Рокфеллеров в 1975 году взял на себя обязательство предоставить СМО 1,5 млн. долл., как только совет получит такую же сумму от других доноров, и выполнил его. В целом новая система помогает фондам облегчать себе бремя содержания СМО при сохранении ключевого значения собственного финансирования. Но в 1976 году Фонд Форда вновь предоставил деньги на одну из программ совета сразу на три года.

Что касается руководства СМО, то оно правомерно отражало и отражает интересы крупнейших «благотетелей». В 70-е годы СМО вступил со следующим составом своего руководства: председатель правления — Дэ-

вид Рокфеллер, глава «Чейз Манхэттэн бэнк»; почетный председатель — Джон Макклой, один из надежнейших людей Рокфеллеров и одновременно бывший председатель (1960—1966 гг.) Фонда Форда; президент — Бэйлесс Мэннинг, бывший декан юридического института при Стэнфордском университете; вице-председатель — Грэйсон Керк, член правления нефтяной компании «Мобил ойл», бывший президент Колумбийского университета; исполнительный директор — Джордж Фрэнклин, друг Дэвида Рокфеллера со студенческой скамьи, а затем его родственник; заместитель исполнительного директора — Дэвид Макикрон из Фонда Форда; казначей — Габриэль Ходж, председатель правления «Мэнюфэкчурерз Хэновер траст».

Среди директорского состава СМО (совет директоров состоит из 25 человек, включая перечисленных) следует выделить также следующих лиц: Уильяма Банди — главного редактора журнала «Форин афферс», брата президента Фонда Форда Макджорджа Банди и бывшего заместителя государственного секретаря; Дугласа Диллона — также заместителя государственного секретаря (при Эйзенхауэре) и министра финансов (при Кеннеди), партнера банка «Диллон, Рид» и председателя Фонда Рокфеллера; Кэрила Хаскинса — президента Института Карнеги в Вашингтоне; Джозефа Джонсона — президента (1950—1971 гг.), а затем почетного президента Фонда Карнеги; Альфреда Нила — президента Комитета по экономическому развитию; Роберта Руза — бывшего заместителя министра финансов, партнера банка «Браун бразерс, Гарриман», попечителя фонда Рокфеллеров, главу совета попечителей Института Брукингса; Сайруса Вэнса — бывшего заместителя министра обороны, партнера нью-йоркской юридической фирмы «Симпсон, Тэчер энд Бартлет», попечителя (позднее председателя) Фонда Рокфеллера, а затем государственного секретаря США, члена «команды» Дж. Картера.

Иными словами, в руководстве СМО преобладает (14 постов из 25) тот же триумвират Карнеги — Морганов, Рокфеллеров и Форда с некоторым участием других групп ЦФК.

Есть и другие свидетельства засилья названного триумвирата в делах СМО. Так, 10 из 17 попечителей Фонда Форда, 13 из 24 попечителей Фонда Рокфеллера,

11 из 16 попечителей Корпорации Карнеги и 18 из 26 попечителей Фонда Карнеги являются членами СМО. Кроме того, банки «Чейз Манхэттэн», «Бэнкерз траст», «Браун бразерс, Гарриман», компания «Форд мотор» и др. делают ежегодные отчисления в бюджет совета (помимо взносов тройки фондов).

Сказать на этом основании, что руководство СМО отражает интересы триумвирата фондов, — значит сказать половину. Вторая половина заключается в том, что и в данном случае преобладающими являются позиции Рокфеллеров. Шесть представителей триумвирата в руководстве СМО (Д. Рокфеллер, Д. Макклой, Д. Фрэнклин, Д. Диллон, Р. Руза и С. Вэнс), о которых говорилось чуть выше, — прямые представители интересов Рокфеллеров. После второй мировой войны Рокфеллеры прочно перехватили у Морганов и номинальное руководство советом. В 1946—1950 годах их представитель Аллен Даллес был президентом СМО, в 1953—1970 годах пост председателя правления совета занял другой их представитель — Джон Макклой, который передал затем этот пост непосредственно Дэвиду Рокфеллеру (последний пребывал до того в течение 20 лет на менее заметном посту вице-президента совета). В дополнение к этому в 1973 году пост заместителя председателя правления СМО, созданный незадолго перед этим, был передан Сайрусу Вэнсу. Выводы совершенно очевидны. Вновь мы видим, как в рамках общего господства ЦФК Рокфеллеры все же умудрялись выкроить для себя особо возвышающиеся, по-настоящему командные посты.

Разумеется, Морганы, Рокфеллеры и Форды, совместно держащие в своих руках штурвал СМО, заинтересованы и в том, чтобы членский состав совета опирался по возможности на более широкую поддержку, как минимум, всего комплекса. Поэтому, хотя в составе СМО имеется 35 директоров моргановских компаний и 26 — рокфеллеровских, в нем представлены своими директорами и другие группы: Бостонская — 5 членов, «Мэню-фэкчурерз Хэновер траст» — 3, Меллоны — 2 члена и т. д.

В целом история создания и функционирования СМО еще раз подтверждает сращивание «восточных» групп американской финансовой олигархии и формирование на этой основе того, что в данной работе названо ЦФК. К аналогичному выводу приходят в результате деталь-

ного анализа деятельности СМО прогрессивные американские публицисты Л. Шуп и У. Минтер, которые пишут: «В то время как Меньшиков и другие авторы отметили разделение нью-йоркской финансовой олигархии на группы, между этими объединениями существуют связи. Их совместное участие в руководстве советом также указывает на определенную степень единства, переступающую границы разделения групп. Нью-йоркские финансовые круги указывают также на роль лидера, которую играют в этих кругах конкретные семейные группы — Морганы в начале века, а позже Рокфеллеры... Но всегда обеспечивалось и вовлечение участников, ассоциированных с другими центрами финансовой мощи Нью-Йорка... Представители всех главных нью-йоркских финансовых групп принимают участие в руководстве советом — некоторые из них довольно регулярно и на видных ролях»⁴. И здесь, таким образом, налицо вывод о смыкании целого ряда групп американской финансовой олигархии в единый национальный по масштабам комплекс.

Возвращаясь собственно к СМО как орудию господства ЦФК над внешней политикой США, можно также отметить следующее. Еще одним средством утверждения положения СМО как главного политического (точнее, внешнеполитического) органа финансовой элиты является личная уния, то есть переплетение его состава с составом других, более «общенациональных» по масштабам организаций бизнеса. Так, почти 20% (49 из 274) попечителей Комитета по экономическому развитию являются одновременно членами СМО. Его членами являются и 42 попечителя Совета бизнеса (примерно 1/5 состава). В числе членов СМО имеются даже (на правах меньшинства, которое представлено, но не имеет контроля) два директора конкурентной ЦФК калифорнийской группы «Бэнк оф Америка». Единственные, кого СМО упорно отстраняет от членства, — это тexasкие нефтяные группировки. За это СМО подвергается непрерывным нападкам с их стороны.

Следует иметь в виду и еще одно немаловажное обстоятельство. Несмотря на столь высокий уровень лиц, представляющих в совете ЦФК (а может быть, именно вследствие такого уровня), СМО является отнюдь не абстрактно теоретизирующей, а сугубо деловой и практически мыслящей организацией. Генерируемые им

идеи, вообще говоря, не имели бы того значения, которое они имеют, если бы их главной отличительной чертой не была связь теории и практики. Именно в том, что апробируемые СМО концепции и доктрины являются руководством к действию для тех, кто в качестве профессионалов делает внешнюю политику США, лежит одна из основополагающих причин его могущества.

Выдвигая те или иные новые направления или стратегические доктрины внешней политики американского империализма, СМО со времен второй мировой войны упорно насаждает в государственном аппарате нужных людей как необходимое условие осуществления желательных поворотов. Достаточно сказать, что в списке лиц, могущих занять высокопоставленные посты в госдепартаменте США при новой администрации в президентство Джона Кеннеди, из 82 кандидатов по крайней мере 63 (т. е. 77%) были членами СМО. Это — все что угодно, но не случайное совпадение.

Резюмируя завоеванное СМО уникальное место во внешней политике США, журнал «Нью-Йорк» писал в 1971 году: «Практически каждый юрист, банкир, профессор, генерал, журналист и чиновник, который имел какое-либо влияние на внешнюю политику последних шести президентов — от Франклина Рузвельта до Ричарда Никсона, — провел определенное время в доме Гарольда Пратта (этот дом является особняком СМО. — *P. O.*)»⁵.

Правда, в начале 70-х годов казалось, что могущество СМО покачнулось. Причина была прежде всего в обострившихся внутренних распрях в совете. Отзвуки войны во Вьетнаме, вызвавшей глубокий раскол в американском обществе, не могли не докатиться и до СМО, стоявшего у ее истоков. В 1970 году несколько молодых членов СМО, не удовлетворенных проинтервенционистским курсом журнала «Форин афферс», издаваемого советом, организовали собственный журнал «Форин полиси». Там они могли отвести душу, печатая критические статьи по поводу грязной войны. Но это было лишь начало мятежа.

В марте 1971 года правление директоров СМО во главе с Дэвидом Рокфеллером приняло решение о том, что через полтора года редактором журнала «Форин афферс» будет назначен Уильям Банди. Последний в качестве заместителя государственного секретаря США

по делам Юго-Восточной Азии и Тихого океана (1964—1969 гг.) был известен как один из наиболее ретивых сторонников и организаторов эскалации войны во Вьетнаме. Его назначение вызвало резкое недовольство группы молодых членов СМО. В июне 1971 года Р. Фолк, Р. Барнет, Р. Стил и Р. Уллман из лагеря «мятежников» встретились с Д. Рокфеллером и другими руководящими деятелями СМО и потребовали отставки У. Банди как «военного преступника».

Категорический отказ снимать кандидатуру У. Банди был обоснован Д. Рокфеллером прежде всего тем, что человек с таким «фоном», как у Банди, не может вообще подвергаться сомнению. «Петиционерам» было сказано, что семья Банди представляет в СМО Фонд Форда. Об общем значении этого фонда для СМО и о его взносах Д. Рокфеллер произнес целую речь. Было также сказано, что и сами Рокфеллеры давно и хорошо знают семью Банди. Отец его был, мол, одним из первых сотрудников СМО, ушедших в правительственный аппарат в Вашингтоне.

Фактически таким образом защищалась не личность Банди. Отстаивались принципы отбора в руководящее звено СМО. Еще точнее — декларировалось право Рокфеллеров и Фордов ставить во главе совета своих людей. В этом вопросе не могло быть компромисса. Через шесть дней после указанной встречи правление директоров СМО подтвердило свое решение о назначении У. Банди редактором журнала «Форин афферс». Попытка организовать референдум среди членов совета по этому вопросу была отведена правлением как «неуместная». На передачу «мятежниками» в прессу «бумаг Пентагона» правление ответило передачей в ФБР материалов на Д. Элсберга — организатора этой публикации. «Мятеж» был подавлен железной рукой.

Впрочем, это был даже не мятеж, а фронда. Созданный участниками бунта журнал «Форин полиси» оказался на финансовом содержании и под организационным руководством Фонда Карнеги, председатель правления которого Томас Хьюз возглавил его редколлегию. Круг замкнулся.

Твердость, проявленная руководством СМО в отстаивании своего самодержавного правления, объяснялась, разумеется, прежде всего стремлением сохранить неизблемость устоев. Но не только этим. Как раз в то

время СМО планировал значительное разрастание своей деятельности. Объявляя в апреле 1971 года о назначении Б. Мэннинга новым президентом СМО, Д. Рокфеллер, в частности, заявил: «В прошлом совет сделал важный вклад в понимание мировых проблем. В настоящий период, для которого характерны крупные изменения в области международных отношений, он ожидает повышения своей активности и расширения роли»⁶. Конкретно руководство совета имело в виду, что СМО должен активизировать свою деятельность по наиболее перспективным линиям, «вынюхивать новые направления и открывать новую клиентуру»⁷.

Именно этим и занялся с удвоенной энергией СМО, получив новый импульс. За несколько лет он заметно увеличил размах своей работы и в целом если не переживает второе рождение, то во всяком случае обрел второе дыхание.

Обзор деятельности совета, скажем, за 1975/76 отчетный год, начинающийся с 1 сентября, показывает следующие основные направления его усилий. Прежде всего возрастание числа заседаний совета до 190 в год (каждый второй день!). Предметом таких заседаний являлся обмен мнениями по узловым вопросам мировой экономики, политики, идеологии и военной стратегии. Их цель — выявление конкретных проблем, встающих перед американским империализмом в этой связи, и возможных путей их решения.

Активизировалась и работа создаваемых при нем исследовательских групп. В целом этот своего рода второй эшелон СМО проводит как бы углубленную разработку и проверку новых внешнеполитических «жил», найденных на заседаниях совета. При этом если часть групп заранее ориентирована на публикацию своей конечной продукции, то другие проводят сугубо закрытые исследования.

Наконец, поставленная задача выхода на более широкую аудиторию решается советом несколькими путями. Журнал «Форин афферс» имеет тираж в 75 тыс. экз. Путем организации радиопередач совет в 1975/76 году охватил более миллиона слушателей. В этих целях сотрудниками СМО была подготовлена за год 21 передача (речь идет о программе, номинально руководимой Ассоциацией внешней политики). СМО издает также книги по отдельным вопросам, назначение которых —

проводить идеологические установки СМО. Совет имеет свои филиалы — местные комитеты по международным отношениям — в 36 городах разных штатов США. В том же 1975/76 году эти комитеты провели в общей сложности 319 заседаний (рекордное число). Треть выступавших перед участниками этих заседаний лекторов были членами совета.

Иначе говоря, облегченные и отредактированные на широкую публику варианты продукции СМО подаются, как по конвейеру, в пропагандистскую и идеологическую машину внешней политики.

Наиболее амбициозным мероприятием СМО стал с 1973 года так называемый «Проект 80-е годы». ОП своим масштабам и нацеленности он может быть сравним лишь с программой «Исследования по вопросам войны и мира», разработки в рамках которой широко использовались при формировании политики США после второй мировой войны. На этот раз, пожалуй, налицо даже еще более крупная заявка совета.

Дело не просто в попытке заранее спроектировать наиболее вероятный ход основных событий на международной арене на 10—15 лет вперед, хотя эта сама по себе нелегкая попытка также имела место. По словам директора «Проекта 80-е годы» Р. Уллмана (бывшего «фрондера»), налицо и стремление подсказать «желательные и достижимые (с точки зрения США, конечно. — Р. О.) условия международных отношений и конкретизировать политические подходы, ведущие к таким условиям»⁸. Иными словами, налицо желание СМО воздействовать на главные тенденции на международной арене в ближайшем будущем, обуздать и направить их в русло, отвечающее интересам американского империализма вообще и финансовой элиты в частности.

Продукция проекта, как говорится в официальном перечне его задач, «нацелена на широкий круг читателей, включая лиц, делающих политику — реально или потенциально, — а также тех, кто способен оказывать влияние на процесс выработки политики». Выводы и рекомендации проекта должны заложить основу практической политики США на международной арене на предстоящие 10—15 лет.

О серьезности намерений авторов «Проекта 80-е годы» свидетельствуют не только масштабы этого мероприятия. В рамках проекта действительно готовится ог-

ромное количество материала — в общей сложности 80 отдельных исследований, построенных главным образом по проблемному принципу. Около 25 из этих исследований должны быть опубликованы, с тем чтобы «сфокусировать мышление научных и официальных кругов». Главное же, кто и как готовит эту продукцию: от этого в первую очередь будет зависеть ее воздействие.

С этой точки зрения следует отметить, что в числе основных доноров средств в пользу «Проекта 80-е годы», стоимость которого оценивается в 1,3 млн. долл., вновь оказались знакомые институты. Это Фонд Форда, Фонд Рокфеллера и три других частных фонда. Из десяти рабочих групп проекта и одной координационной, прокатывающих весь материал, три группы возглавлялись прямыми представителями Фонда Рокфеллеров и одна — вице-президентом «Ситибэнка». Руководители трех групп ушли на высшие посты в государственный департамент США при администрации Дж. Картера.

Кстати говоря, полезно знать и общие направления деятельности названных рабочих групп, ибо этим в значительной степени определяется принципиальная схема «Проекта 80-е годы». Эти рабочие группы рассматривали следующие проблемы: ядерное оружие и другое оружие массового уничтожения; вооруженные конфликты; международный терроризм и подрывная деятельность; права человека; политическая экономия отношений Север — Юг; экономическая политика и международные валютные отношения; принципы международной торговли; многонациональные предприятия; окружающая среда, мировое сообщество и экономический рост; политика в области промышленности. Легко заметить, как все эти направления органически сплетают воедино военнополитические и идеологические интересы американского империализма с задачей поддержания прибылей современных американских сверхмонополий. Это, так сказать, две стороны одной медали.

Остается добавить, что «Проект 80-е годы» задуман как «внешнеполитическая библия» не только для США, но и по возможности для всего западного мира. Четверть авторов исследований не являются американцами, что призвано придать «международный» характер всей данной операции и определить направление внешней политики Запада в целом.

Для того чтобы закончить раздел о роли СМО в фор-

мировании внешней политики США, осталось посмотреть на его членский состав в целом.

В июне 1979 года СМО насчитывал 1948 членов. Из них 813 человек проживали в Нью-Йорке и его непосредственных окрестностях, вписывающихся в 40-мильный радиус. Еще 543 члена СМО приходится на районы двух городов — Бостона и Вашингтона. Ниже мы еще столкнемся с понятием «коридор Бостон — Вашингтон», когда речь пойдет о территориальной концентрации основных институтов ЦФК. Пока же достаточно отметить, что на этот «коридор», включая Нью-Йорк, приходится $\frac{2}{3}$ членов совета.

Самую мощную прослойку в СМО составляли, как и следовало ожидать, прямые представители бизнеса — 42% (в том числе 277 — представители фондов) и правительственные чиновники — 15%. Несколько неожиданными на первый взгляд являются две другие цифры. Так, администраторы и сотрудники научных заведений в США составляли от всей численности членов СМО 19%, а юристы — 10%. Взаимодействие СМО с двумя последними категориями его членов четко прослеживается и по обратной связи. По подсчетам американских публицистов Л. Шупа и У. Минтера, доля членов СМО в руководстве, например, некоторыми высшими учебными и научно-исследовательскими заведениями США была потрясюще велика. Так, в правлениях Гарвардского и Колумбийского университетов она составляла в 1973 году соответственно 40 и 39%, среди попечителей Института Брукингса — 32, в руководстве корпорации РЭНД — 45 и Института оборонного анализа — 41%⁹.

Столь высокие цифры переплетения составов СМО и учреждений академического мира невольно наводят на мысль о том, что научные работники играют ныне структурно важную роль в механизме формирования внешней политики американского империализма. Посмотрим поэтому пристальнее на то, какова связь между интересами ЦФК в области внешней политики США и функциями американского академического мира.

2. Фабрики идей

Стратегия и тактика финансовой олигархии США в отношении высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, несомненно, заслуживает от-

дельного раздела в исследовании о воздействии этого комплекса на национальную политику, в том числе внешнюю.

Через институт «благотворительных» фондов финансовая олигархия издавна взяла прицел на подчинение своим интересам высших учебных заведений страны. В 1913 году все расходы федерального правительства США на образование составляли 5 млн. долл. В том же году «дары» одной Корпорации Карнеги, существенная часть которых шла как раз на эти цели, составили 5,6 млн. долл. В 20-х годах взносы Корпорации Карнеги и рокфеллеровского Управления по общему образованию составляли все еще солидную сумму — 20% поступлений всех американских университетов и колледжей. Однако к 70-м годам доля всех «филантропических» фондов в расходах на образование (к тому времени взятых на себя правительством США через бюджетные ассигнования) упала до 5%. Казалось бы, тем самым эра доминирования фондов США в системе образования безвозвратно закончилась. На деле же подобное заключение преждевременно.

Прежде всего из всех ступеней образования «благотворительные» фонды США предпочитают опекать высшую. Для них университеты остаются одним из основных направлений ассигнований — на это сейчас идет около $\frac{1}{3}$ всех «даров». Еще более важным является то обстоятельство, что фонды стремятся не распылять свои субсидии на эти цели. Наоборот, они концентрируют их в сравнительно ограниченном круге американских университетов. Уже в 20-х годах тогдашний президент Корпорации Карнеги Г. Притчет составил «Признанный список» колледжей и университетов, на которые было обращено особое внимание данного фонда. К кануну второй мировой войны Корпорация Карнеги и фонды Рокфеллеров превратились уже в доминирующую силу в основных университетах США.

Известно, что и сегодня $\frac{2}{3}$ всех вложений «филантропических» фондов в институты высшего образования США сосредоточены всего в 20 университетах. Концентрация «даров» фондов Карнеги — Моргана, Рокфеллеров и Форда носит еще более ярко выраженный характер.

По подсчетам С. В. Воронина, в 1965—1971 годах «дары», предоставленные фондами Форда, Рокфеллера

и Карнеги 11 ведущим американским университетам, составили 351 млн. долл. При этом половина (49,7%) из них приходилась всего на три университета — Колумбийский, Гарвардский и Чикагский¹⁰. На этом стоит остановиться подробнее.

Причин для пристального внимания ведущих филантропических фондов к американским университетам было несколько. Прежде всего это стремление финансовых магнатов поставить под свой контроль идеологическое воспитание молодежи. Но кроме этой общей социальной цели у них была и конкретная политическая задача. Как справедливо отмечается в одном уже упоминавшемся советском исследовании, фонды «отдают себе отчет в том, что университеты и колледжи — это кузницы кадров специалистов, от социальной позиции которых во многом зависит эффективность капиталистической системы»¹¹. То есть, готовя специалистов, фонды обеспечивают себя и проверенными кадрами для проведения своих интересов через правительственный аппарат, в том числе в области внешней политики.

Наконец, субсидируя научные исследования на кафедрах университетов, фонды первыми получают информацию о назревающих социальных и политических тенденциях и проблемах, о наиболее действенных рецептах их решения. Конкурентные ЦФК силы, прежде всего из числа техасских аутсайдеров, давно и четко осознали, что в этом кроется одна из причин могущества фондов. Они понимают, что сегодняшняя точка зрения профессуры завтра может превратиться во мнение широких кругов интеллигенции, а послезавтра стать правительственной политикой или основой законодательства.

Теперь посмотрим, как университеты США подпадали под неусыпное внимание тройки фондов-глобалистов. Пожалуй, первым в этом ряду (с точки зрения хронологической) должен быть назван Чикагский университет. Вложенные в него Джоном Рокфеллером I в 1891—1893 годах 35 млн. долл. быстро превратили этот университет из третьеразрядного высшего учебного заведения в перворазрядное.

Впрочем, до поры до времени Рокфеллеры все же уступали фондам Карнеги по широте охвата ключевых университетов США. В 1911—1941 годах, например, Корпорация Карнеги, предоставившая тому же Чикагскому университету 1,8 млн. долл., дала также крупные

субсидии Колумбийскому университету в Нью-Йорке (2,9 млн. долл.), Стэнфордскому университету в Калифорнии (1,8 млн. долл.), Гарвардскому университету близ Бостона (1,4 млн. долл.).

После этого последовала, однако, уже известная нам «передача эстафеты» от фондов Карнеги к фондам Рокфеллеров, включая и функцию «подкармливания» университетов. Фонд Рокфеллера, а также два других, впоследствии поглощенных им рокфеллеровских фонда (Управление по общему образованию и Мемориальный фонд Лауры Spellman-Рокфеллер) особо облюбовали Колумбийский университет, поставив его на «регулярное довольствие». Рокфеллеры вложили также крупные средства в финансирование ряда факультетов Принстонского университета в штате Пенсильвания.

С начала 50-х годов для американских университетов началась эра нового «благодетеля» — Фонда Форда. Повышение внимания последнего к субсидированию внешнеполитических программ и исследований бросалось в глаза. В 1954 году Фонд Форда выделил 5 млн. долл. на проведение исследований ряда международно-правовых проблем по заданным им направлениям на юридических факультетах Гарвардского, Колумбийского, Стэнфордского, Калифорнийского и Мичиганского университетов. Но это было лишь начало. В 1961 году Фонд Форда ассигновал на международные исследования, в основном в этих же университетах, уже 42 млн. долл. В 1968 году он дал на эти цели только Стэнфордскому университету 2 млн. долл.

Однако особым вниманием Фонда Форда в области международных и более широких социальных исследований пользуется Гарвардский университет. Гарвардская школа бизнеса при этом университете уже в 1954 году получила от него 2 млн. долл. Фонд Форда взял на себя у Корпорации Карнеги основное бремя финансирования Русского научно-исследовательского центра в Гарварде. Он предоставляет значительные средства Политическому институту и Школе имени Дж. Кеннеди по изучению правительственных проблем. С 1964 года в Гарвардской школе бизнеса на средства Фонда Форда осуществляется проект «Многонациональное предприятие» — исследование с помощью ЭВМ проблем, встающих перед транснациональными монополиями США и других капиталистических стран.

Перейдем к рассмотрению совместной деятельности триумvirата фондов после второй мировой войны в том, что касается использования американских университетов для разработки и насаждения внешнеполитической линии ЦФК. Сделать это помогает, в частности, вышедшее в 1965 году в США исследование Дж. Лайона и Л. Мортонa «Школы стратегии. Образование и научные исследования в вопросах национальной безопасности».

Легко убедиться в том, что усилиями тройки было вызвано две волны в создании при ведущих американских университетах специализированных внешнеполитических научно-исследовательских центров. Первая такого рода волна охватила 1950—1952 годы. Она началась с учреждения в Чикагском университете центра по изучению внешней политики США. Деньги на его содержание дали Корпорация Карнеги, Фонд Рокфеллера и Фонд Форда. В 1951 году основанный еще до второй мировой войны при Йельском университете центр международных исследований был передан Принстонскому университету, где он был радикально перестроен и расширен на средства тех же фондов. В том же году центр международных исследований был организован при Массачусетском технологическом институте. Он содержался на «дары» фондов Рокфеллера и Форда. Наконец, в 1952 году на деньги Корпорации Карнеги был создан Институт исследований проблем войны и мира при Колумбийском университете, взятый впоследствии на дотацию и Фондом Рокфеллера.

В 1957—1960 годах, после пятилетнего перерыва, прокатилась новая волна создания фондами тройки подопечных научно-исследовательских центров по внешнеполитическим проблемам при важнейших американских университетах. Фонд Форда финансировал создание при Гарвардском университете центра по международным проблемам, а также программу оборонных исследований, к субсидированию которой присоединилась и Корпорация Карнеги. Специфической целью последней из упомянутых программ была подготовка учебных материалов и «руководств» для всех других университетов США, которые пожелали бы в дальнейшем создать какие-либо курсы по политике в области обороны. Затем на деньги Фонда Рокфеллера при Гарвардском университете была создана дополнительная программа научных исследований. Фонды опекали в это время создание

научно-исследовательских внешнеполитических центров и при других американских университетах. Так, в 1957 году был создан вашингтонский центр научных исследований в области внешней политики, поставленный на ноги Фондом Рокфеллера и поддержанный Фондом Форда и Корпорацией Карнеги. В 1959 году Корпорация Карнеги помогла учреждению центра по исследованию проблем разрешения конфликтов при Мичиганском университете.

Особая роль фондов Карнеги — Морганов, Рокфеллеров и Форда в деле создания при американских университетах центров по разработке внешнеполитических альтернатив заведомо бросалась в глаза. Очевидны были, разумеется, и последствия. Дж. Лайонс и Л. Мортон писали об этом следующее: «Крупным источником поддержки для центров и институтов, базировавшихся при университетах, были частные фонды... Зависимость от внешних средств, будь то средства фондов или правительства, вызывает у колледжей и университетов острое соперничество по поводу даров и передает контроль над общими направлениями научных исследований в руки небольшой группы чиновников фондов или правительственных чиновников... Они (фонды. — *P.O.*) консультируют друг друга, чтобы избежать путаницы и дублирования...»¹².

В целом же триумвират фондов надежно прибрал к рукам основные направления внешнеполитических исследований в академическом мире и получил возможность пользоваться выводами этих исследований и корректировать их в случае необходимости. «Дары» фондов превратились в надежный рычаг контроля над всей деятельностью американских университетов. В одной из работ, опубликованных в США два десятилетия назад, говорилось в этой связи следующее: «Дары фондов стали настолько важным источником поддержки, что президенты колледжей и университетов зачастую не могут позволить себе игнорировать мнение и пожелания чиновников, распределяющих блага фондов... Они обычно не осмеливаются отказаться от дара, насколько бы несовместимым он ни был с их политикой»¹³.

Для воздействия на руководство университетов и колледжей фонды применяют ту же тактику, что и в отношении других получателей их «даров». Деньги выдаются не сразу, а по частям. Результатом, как пишет

Ф. Ландберг, является следующая ситуация: «Делая каждый год серийные подарки с доходов вечного главного фонда, донор может постоянно держать потенциальных получателей на положении своры голодных собак, ожидающих очередной подачки. При такой постановке дела организации-получатели едва ли будут высказывать нежелательные социально-экономические или политико-экономические идеи. Более вероятно, что они будут достаточно осторожны и ограничатся высказыванием только безупречно разумных идей, какие можно услышать в высших клубах»¹⁴. Известны близкие по смыслу признания самих руководителей высших учебных заведений США. Так, президент одного из колледжей, говоря о могуществе Джеймса Армси — чиновника Фонда Форда, ведавшего раздачей «даров» колледжам, заявил: «Многие из нас пробежали бы голыми по Пятой авеню (наиболее фешенебельная улица Нью-Йорка. — Р. О.), если бы Джеймс Армси сказал, что это поможет получить один из его даров»¹⁵.

Существует и другая сторона этой политики. Известен случай, когда Фонд братьев Рокфеллеров выдал одному из университетов деньги на проект с четкой инструкцией, на какие цели они должны быть истрачены. Однако конкретное лицо, которому это было поручено, не только не последовало инструкции, но и стало проявлять самостоятельность. По приказу фонда этот человек был уволен еще до того, как были истрачены деньги. И, разумеется, верхом цинизма является «дар», выданный Фондом Рокфеллера весной 1976 года некоему Э. Ладду из Коннектикутского университета. Деньги были даны ему для проведения исследования «идеологической ориентации» профессуры американских высших учебных заведений. Это была, так сказать, «оптимальная проверка» лояльности ученых.

Зато те лица, которые безропотно отрабатывают подачки фондов и выдают нужные результаты, могут рассчитывать на продвижение. Макс Мэйсон, назначенный в 1929 году президентом Фонда Рокфеллера, прошел предварительную апробацию в качестве президента Чикагского университета. О связях этого учебного заведения с Рокфеллерами мы уже говорили. Преемник Мэйсона на посту руководителя Чикагского университета Роберт Хатчинз после окончания своей длительной карьеры (1929—1951 гг.) перешел в Фонд Форда. Став-

ший в 1951 году президентом Фонда Форда Поль Гофман, глава автомобильной компании «Студебеккер», перед этим был попечителем того же Чикагского университета. Макджордж Банди, в свою очередь, перешел в 1966 году в президенты Фонда Форда с поста декана Гарвардского колледжа.

И наоборот, фонды насаждают своих людей в руководстве университетов. Дж. Перкинс, в 1955—1965 годах являвшийся главным помощником президента Корпорации Карнеги Джона Гарднера, стал президентом Корнелльского университета. Бывший руководящий работник компании «Форд мотор» А. Миллер является деканом факультета бизнеса Стэнфордского университета. Преемник Гарднера на посту президента Корпорации Карнеги А. Пайфер откровенно признавал, что он часто выносил рекомендации о том, кто именно должен стать президентом или деканом колледжа. В середине 60-х годов 1/3 попечителей 12 крупнейших «благотворительных» фондов США, то есть прежде всего фондов тройки, одновременно занимали посты президентов американских университетов либо входили в состав совета попечителей этих университетов.

Итак, значительная часть высших учебных заведений США превращена в заповедник фондов, и прежде всего тройки. Университеты и колледжи на протяжении многих лет надежно обеспечивают фондам Карнеги — Морганов, Рокфеллеров и Форда (и через них верхушке финансовой олигархии в целом) контроль над постановкой и направлением высшего образования и социального воспитания в стране. Но с течением времени одного этого стало недостаточно.

Развитие науки и техники постепенно превращало науку в силу, непосредственнодвигающую производство. Ее применение к анализу тенденций общества, эволюции в расстановке классовых сил, к экстраполированию возможного развития событий на международной арене открывало новые горизонты и во внешней политике. Оставить последние без контроля американская финансовая олигархия не могла.

Вначале функции обслуживания финансовой олигархии в новых условиях выполняли научные исследования, проводимые кафедрами университетов и колледжей. Однако прогрессирувавшее отпочкование научно-исследовательского направления в науке в специализированные

институты постепенно делало их, а не университетские кафедры, главным средоточием новых возможностей научного поиска.

Соответственно претерпела изменение и тактика финансовой олигархии. Теперь требовалось задать нужное направление работам научно-исследовательского характера, поставить под контроль важнейшие специализированные институты в этой области.

На первом этапе эту задачу были призваны выполнять созданные триумvirатом фондов собственные координационные центры в общественных науках. В начале 50-х годов уже функционировал целый ряд организаций этого типа: это Фонд наук по изучению поведения людей, Совет по научным исследованиям в области социальных наук, Американский совет по вопросам образования, Американский совет научных обществ и др. Все они находились под надежным контролем триумvirата фондов Карнеги — Морганов, Рокфеллеров и Форда и твердой рукой задавали направления развитию исследований в области социальных наук.

Совет по научным исследованиям в области социальных наук (СНИСН) был создан по инициативе директора Мемориального фонда Лауры Спеллман-Рокфеллер Б. Румла и главы отделения политических наук Чикагского университета Ч. Мерриам. Его учреждение значительно расширило влияние Рокфеллеров в академическом мире. К началу 50-х годов СНИСН получил 2 млн. долл. от Корпорации Карнеги, 4 млн. долл. от Мемориального фонда Лауры Спеллман-Рокфеллер и 8,5 млн. долл. от Фонда Рокфеллера. Кроме того, его субсидировали и многие другие члены триумvirата фондов, включая Фонд Форда. По мнению некоторых авторов, СНИСН стал «величайшей силой в области социальных научных исследований», превратившись в важнейший элемент «концентрации мощи в социальных науках». Судя по заявлениям, содержавшимся в некоторых публичных изданиях СНИСН, он и сам считал себя «центральным агентством по обеспечению единства усилий в решении социальных проблем», организацией «для обмена информацией, планирования и других функций сотрудничества» в деле социальных исследований¹⁶.

Учреждение Американского совета по вопросам образования (АСО) ставило задачу прибрать к рукам и научные исследования в области общественных наук,

ведущиеся не только на частные пожертвования, но и на субсидии правительства. Это была качественно новая заявка со стороны фондов. В одном из изданий АСО прямо говорилось, что он действует «в качестве агентства связи между общеобразовательными учреждениями страны и федеральным правительством». Отмечалось также, что он «взял на себя много значительных проектов по просьбе руководства армии и военно-морского флота, а также государственного департамента и других правительственных ведомств». В 1952 году АСО создал специальный Комитет по политике в области научно-исследовательских работ. Его нацеленность, по оценке самого АСО, состояла в том, чтобы «оценивать субсидируемые исследования с точки зрения федеральных агентств, промышленности и фондов, предоставляющих средства, а также их влияние на институты, проводящие эти исследования. Последний аспект включает в себя распределение даров среди таких институтов и концентрацию исследований в одних областях за счет других... Цель данного комитета... состоит в том, чтобы попытаться сформулировать политику на национальном уровне, основанную на отношениях сотрудничества»¹⁷.

Наконец, в следующем, 1953, году фонды добились того, что в кабинете Д. Эйзенхауэра было создано новое министерство — здравоохранения, образования и социального обеспечения. Оно было призвано официально координировать идеологическую и научно-исследовательскую работу в США. Рекомендация на этот счет была сделана Эйзенхауэру Консультативным комитетом по вопросам организации правительства, который он создал через неделю после своего вступления на пост президента США. Возглавлял этот комитет Нельсон Рокфеллер. Тот же Н. Рокфеллер стал и первым заместителем министра в рекомендованном им новом министерстве. Впоследствии, уже в администрации президента Л. Джонсона, непосредственно главой этого ведомства стал Джон Гарднер. Он пересел на этот пост из кресла президента Корпорации Карнеги. Таким образом, ЦФК и его главное политическое орудие — созвездие «благотворительных» фондов — с самого начала ставили новое министерство на прокатанные рельсы.

Создав, таким образом, с помощью координационных советов и особого министерства центральный пункт контроля за направлениями научно-исследовательских

работ в области общественных наук, фонды этим не ограничились. Ими была создана и собственная сеть непосредственно подчиненных им специализированных научно-исследовательских институтов.

Особую активность развил располагавший наибольшими средствами Фонд Форда. Богатая информация на этот счет содержится в вышедшей в США книге Поля Диксона «Резервуары мыслей»¹⁸.

Первой заявкой Фонда Форда на создание подопечных научно-исследовательских учреждений была его ключевая роль в преобразовании в 1948 году фирмы РЭНД (ранее эта фирма была фактически филиалом авиационной компании «Дуглас эркрафт»). Предоставленная тогда РЭНД Фондом Форда сумма в 1 млн. долл. явилась началом ее независимости от компании «Дуглас эркрафт» и первым шагом к подчинению тройке фондов. В составе попечителей РЭНД прочно осели представители самого Фонда Форда и его дочерних организаций, Фонда Рокфеллера, Корпорации Карнеги, Фонда Карнеги для международного мира и др. Показателем вхождения РЭНД в систему ЦФК является и тот факт, что почти половина попечителей РЭНД традиционно являются членами СМО.

Выполняя в основном заказы Пентагона, РЭНД таким образом обеспечивает должную ориентацию военных ведомств США. Вместе с тем она не забывает и своих «благодетелей», реализуя непосредственные научно-исследовательские задания Фонда Форда и Корпорации Карнеги. В числе «гражданской» продукции РЭНД можно назвать такие, например, исследования: подготовительные материалы к поездке Н. Рокфеллера в Латинскую Америку в качестве специального представителя Никсона (1969 г.), серию исследований по ряду внешнеполитических проблем для советника президента по вопросам национальной безопасности Киссинджера (1970 г.), возможные варианты решения ближневосточного кризиса — по специальному заказу Фонда Форда (в 1971—1972 и в 1975 гг.). В массе исследований, проводимых РЭНД, встречаются, разумеется, и курьезы, например выполненная по заказу Пентагона работа «Воздействие на коммунистов при помощи музыки».

В 1956 году на средства Фонда Форда (500 тыс. долл.) для обслуживания Пентагона был создан (вначале как отделение РЭНД) Институт оборонного ана-

лиза, получивший кадры из Чикагского, Колумбийского, Принстонского, Стэнфордского и других университетов, находящихся под эгидой фондов. В 1959 году на средства фордовского Фонда республики в Калифорнии был учрежден Центр для изучения демократических институтов, задачей которого является изучение социальных и политических тенденций внутри США. Такова же специализация созданного и финансируемого Фондом Форда Института политических исследований. Фактический сателлит последнего — Кембриджский институт — финансируется кроме Фонда Форда также Корпорацией Карнеги и Фондом братьев Рокфеллеров.

Список этих фактических дочерних компаний тройки фондов в области научно-исследовательских учреждений можно было бы продолжить. Но здесь полезнее остановиться на особой организации в мире этих научных учреждений — на Институте Брукингса в Вашингтоне. Роль его в разработке и планировании политики США, и прежде всего именно внешней политики, является едва ли не самой выдающейся.

Институт Брукингса был образован в 1927 году путем слияния трех самостоятельных научно-исследовательских учреждений: первым был созданный в 1916 году на средства Рокфеллеров Институт правительственных исследований, вторым — образованный в 1922 году Корпорацией Карнеги Институт экономики, третьим — организованный в 1924 году бизнесменом Робертом Брукингом Институт для подготовки аспирантов по экономическим проблемам и вопросам правительственной политики. Для социальных взглядов Р. Брукингса была характерна вера в то, что с помощью совершенствования техники управления можно отвратить США от «опасностей» социализма и коммунизма. Он также считал, что рост благосостояния населения ни в коем случае не должен достигаться за счет перераспределения доходов между различными слоями общества¹⁹.

Имея таких основателей, Институт Брукингса не мог быть не чем иным, как орудием проведения их классовых интересов. К тому же «вливания» фондов в него продолжались на систематической основе. В целом Институт Брукингса и его предшественники за тридцать с небольшим лет (1921—1952 гг.) получили от фондов Карнеги и Рокфеллеров 7,6 млн. долл. В 1954 году к ним присоединился Фонд Форда, выделивший институту в

Виде единовременного «дара» сразу 1 млн. долл. (всего с тех пор Фонд Форда вложил в Институт Брукингса 10 млн. долл.).

Именно с этого времени начался настоящий расцвет деятельности и влияния Института Брукингса, который продолжал оставаться регулярным получателем средств триумvirата. Соответственно произошло сращивание его руководства с другими делающими политику органами финансовой олигархии. В составе попечителей Института Брукингса в середине 70-х годов числилось десять членов СМО и восемь членов КЭР. В последние годы совет попечителей института возглавлял один из попечителей Фонда Рокфеллера Роберт Руза. В его состав входят бывший председатель Фонда Рокфеллера Д. Диллон и бывший председатель компании «Форд мотор» Р. Макнамара — иначе говоря, перворазрядные представители ЦФК.

Специальностью Института Брукингса является направление деятельности бюджетно-финансовых правительственных органов. При Трумэне главой Экономического совета при президенте был вице-президент Института Брукингса Э. Нурс. В 60-х годах президент института К. Гордон и один из руководящих деятелей института Ч. Шульце возглавляли правительственное Бюджетное бюро при президентах Кеннеди и Джонсоне. Главой Экономического совета при Никсоне был также сотрудник Института Брукингса Г. Стейн, а при Картере — вновь Ч. Шульце. С 1969 года Институт Брукингса, по инициативе того же Гордона, организовал публикацию ежегодных исследований, анализирующих бюджетные проблемы федерального правительства. По существу это была форма подсказывания правительственным чиновникам направлений решения тех или иных конкретных вопросов. Итак, можно без колебаний сказать, что после второй мировой войны бюджетно-экономическая политика всех президентов США направлялась Институтом Брукингса.

Попытка конгресса США в 1975 году создать собственный бюджетный отдел, с тем чтобы иметь независимое мнение о правительственных расходах, закончилась однозначно. Главой штата сотрудников этого отдела стала старший экономист Института Брукингса А. Ривлин. В отделе пристроился и еще один сотрудник института — Р. Рейсшауэр. Третий сотрудник, Н. Титерз,

стала старшим экономистом бюджетного комитета палаты представителей США.

Важно учитывать, что, специализируясь на бюджете США, Институт Брукингса вовсе не ограничивается разработкой технической стороны дела. Бюджет охватывает все стороны деятельности правительства США, и это дает институту возможности выносить рекомендации по существу по всем основным направлениям государственной политики.

Наглядным свидетельством этого является подготовленный Институтом Брукингса на средства Фонда Форда и Корпорации Карнеги и опубликованный в середине 1976 года седьмой ежегодник анализа бюджетных проблем США. Как по своему явно программному названию («Установление национальных приоритетов. Следующие десять лет»), так и по содержанию этот сборник представлял собой, под видом бюджетных рекомендаций, чуть ли не прямую инструкцию новой администрации США по основным внешнеполитическим и внутриполитическим проблемам. Один из двух редакторов этого тома — уже известный нам Ч. Шульце — долго примерялся Дж. Картером на важнейшие посты в своей администрации (министра обороны, министра финансов, государственного секретаря) и, наконец, был назначен главой Экономического совета при президенте. Другой редактор, Г. Оуэн (он же директор отдела внешнеполитических исследований в Институте Брукингса), планировался вначале на пост заместителя министра обороны США по политическим вопросам, а затем был назначен специальным советником президента по экономическим вопросам. Впрочем, это только один из показателей влияния института на формирование всей, в том числе внешней, политики США.

Прежде чем подводить итог суммарным позициям триумvirата фондов в американских академических кругах, следует сделать одну оговорку. Очерченный выше круг университетов и научно-исследовательских институтов, особо облюбованных тройкой для разработки и обслуживания своей линии в области внешней политики, в последние три десятилетия выглядел в целом довольно стабильным. Дело, конечно, не в слепой приверженности фондов однажды избранным «любимчикам», а скорее в том, что раз отобранная профессура в общем справлялась с обслуживанием запросов комплек-

са. Однако факты говорят и о том, что в целом фонды держат открытыми и другие возможности.

Газета «Нью-Йорк таймс» отмечала весной 1978 года, что массовая «утечка специалистов» из Института Брукингса и Фонда Карнеги в администрацию Картера не просто истощила силы этих двух «мозговых центров». Утечка породила надежды и создала перспективы для других на заполнение образовавшегося таким образом «вакуума». По оценке «Нью-Йорк таймс», на лидирующую роль в республиканском «внешнеполитическом контристеблишменте», критикующем действия Белого дома в области международной политики и ждущем возможности приобщиться к атрибутам власти, стал явно претендовать центр стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета в Вашингтоне.

Активизация указанного центра Джорджтаунского университета действительно налицо. Не менее известно его широко рекламируемое открыто «ястребиное» кредо в области внешней политики. Но глубоко ошибся бы тот, кто стал бы делать вывод о том, что данный центр «толкает» ЦФК к более агрессивной политике или что признанные ставленники комплекса в академическом мире списываются теперь за ненадобностью. Речь идет скорее о том, что финансовая олигархия США решила пустить в оборот и проверить ценность идей еще одного «резервуара мыслей». О его достаточной благонадежности свидетельствует тот факт, что и этот центр, по свидетельству «Нью-Йорк таймс», существует в значительной степени «благодаря щедрости частных фондов». С другой стороны, ведущей фигурой центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета является не кто иной, как Генри Киссинджер, бывший государственный секретарь США. Хотя он не вернулся в Колумбийский университет, с ним осталось благорасположение соответствующих доноров, являющихся патронами и Джорджтаунского университета. Круг вновь замыкается. Центральный финансовый комплекс вездесущ.

В целом воздействие фондов Карнеги — Морганов, Рокфеллеров и Форда на политику США через такой эффективный канал, как огромная сеть созданных ими научно-исследовательских центров, непрерывно консультирующих правительство, далеко превосходит возмож-

ное воздействие других монополистических групп через подобные организации. Это особенно касается области внешней политики, и прежде всего центров, специализирующихся на исследовании международных отношений. В рядах этих центров заведомо доминирующие позиции тройки несомненны — она финансирует $\frac{3}{4}$ подобных центров.

Таким образом, еще на одном важном направлении формирования внешней политики США — в подготовке научных рекомендаций — проглядываются почти монопольные позиции ЦФК.

3. Юрисконсульты и менеджеры

Разрастание государственного аппарата, характерное для ступени государственно-монополистического капитализма, вызвало значительное усложнение функций управления. Последние по необходимости превращались в поле деятельности подготовленных и тренированных специалистов. В области государственного управления появились такие же наемные менеджеры-профессионалы, какие взяли на себя технику управления компаниями.

Это отнюдь не привело к обособлению правительственных чиновников от частных фирм. Наоборот, непременными консультантами при правительстве США, подсказывающими управленческую специфику, стали прежде всего две категории частных компаний — юридические фирмы и так называемые управленческие фирмы (management firms). Однако с течением времени становилось все более ясным, что под видом необходимого «технического консультирования» финансовая олигархия создала еще одно орудие поддержания своего контроля над деятельностью государственного аппарата. Не была исключением в этом отношении и внешнеполитическая сфера.

Рассмотрим сначала функционирование крупнейших юридических фирм США. Основная масса этих фирм сосредоточена в Нью-Йорке, где они обслуживают многогранные потребности Уолл-стрита, и в Вашингтоне, где сконцентрированы правительственные ведомства. При этом вашингтонские фирмы нередко являются лишь конторами материнских нью-йоркских фирм. В свою

очередь, нью-йоркские учреждения, не имеющие таких контор, высылают своих юристов в столицу ежедневными рейсами авиалиний. Связь между Нью-Йорком и Вашингтоном поддерживается, таким образом, на повседневной основе. «Нью-йоркские и вашингтонские юристы, — писал американский историк Т. Уайт, — ...являются повивальными бабками решения важнейших государственных, национальных и промышленных проблем»²⁰. Показателем этой роли юристов в политической жизни США является тот факт, что юристами по образованию или первоначальному занятию являются $\frac{2}{5}$ всех чиновников госдепартамента, половина губернаторов штатов и членов палаты представителей, $\frac{2}{3}$ президентов и сенаторов США.

Первоначальная причина могущества юридических фирм — это обслуживание ими ключевых потребностей крупнейших финансовых и промышленных корпораций. Они представляют и защищают интересы корпораций во взаимоотношениях по разным направлениям — друг с другом, с правительством, с зарубежными агентами. Как часть этой общей функции юридических фирм выступает и обслуживание ими международных интересов американских корпораций и банков.

Среди самих юридических фирм имеет место определенное разделение труда. Одни фирмы (обычно вашингтонские) консультируют преимущественно администрации демократической партии. Другие (в основном нью-йоркские) фирмы больше тяготеют к республиканским правительствам. Ряд фирм вполне готов выступать в роли слуги двух господ.

Пожалуй, одной из наиболее известных является вашингтонская юридическая фирма «Ковингтон энд Берлинг». Она была создана в 1919 году, но расцвела лишь после второй мировой войны. В 1949 году в ней было занято 56 юристов, а в 1978 году — уже 185. Это — одна из наиболее аристократических компаний в своей области с точки зрения «солидности» обслуживаемых ею корпораций. На нее приходится $\frac{1}{5}$ крупнейших 200 промышленных компаний США, 7 из 15 ведущих компаний — подрядчиков Пентагона. В их числе такие гиганты, как автомобильная компания «Дженерал моторс», химическая — «Дюпон де Немур», «Америкэн телефон энд телеграф» и др. Характерен и тот факт, что большинство партнеров этой фирмы являются выпускниками юри-

дической школы Гарвардского университета. Обратная сторона медали состоит в том, что по крайней мере шесть ведущих профессоров этой школы являются бывшими партнерами или служащими «Ковингтон энд Берлинг».

Внешнеполитическая сфера является как будто довольно скромной частью операций «Ковингтон энд Берлинг», поглощая около 10% ее ресурсов. Впрочем, на деле роль фирмы в тех или иных реальных международных событиях являлась и зачастую является не просто активной, но и весьма весомой.

«Ковингтон энд Берлинг», в частности, выступила одним из главных застрельщиков разжигания «холодной войны» против Советского Союза и других социалистических стран. Ее юристы подталкивали и оформляли «жалобу Ирана» в 1946 году на Советский Союз в Совете Безопасности (она была снята Ираном из повестки дня Совета в 1977 г.). В эти же годы юристы фирмы взяли на себя подготовку антисоветских речей, с которыми выступали в Совете Безопасности представители Греции. При этом юристы не только писали речи. Они сидели в рядах греческой делегации, консультируя ее по ходу дела. Впоследствии «Ковингтон энд Берлинг» вела переговоры о компенсации американским владельцам сахарных заводов, национализированных на Кубе. Аналогичные услуги она оказала также акционерам компании «Серро», национализированной правительством Альенде в Чили.

Однако прежде чем делать окончательный вывод о роли «Ковингтон энд Берлинг» в формулировании внешней политики правительства США, следует ознакомиться с ее более чем существенным вкладом в состав руководящих чиновников государственной администрации.

Так, Дин Ачесон, являвшийся в 1921—1934 годах старшим партнером фирмы, ответственным за ее международные дела, в 1933 году был назначен заместителем министра финансов в правительстве США, в 1941—1945 годах являлся помощником, в 1945—1947 — заместителем государственного секретаря, а в 1949—1952 годах — государственным секретарем США. Промежутки между этими назначениями он заполнял работой в фирме, в которую вернулся окончательно в начале 1953 года, а также в составе совета попечителей. Зять Ачесона У. Банди, проработав три года в «Ковингтон

энд Берлинг», с 1951 года ушел на службу в правительство — вначале в ЦРУ, затем в Пентагон и, наконец, в госдепартамент США. Он увенчал свою карьеру постом редактора журнала «Форин афферс». Можно привести и другие примеры.

Особого упоминания заслуживает также вашингтонская юридическая фирма «Арнолд энд Портер», основанная в 1946 году. Несмотря на ее молодость, в последние годы от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ ее партнеров и сотрудников уже представляли собой ветеранов правительственной службы. Одним из первых в рядах высокопоставленных правительственных чиновников оказался основатель фирмы Пол Портер. Он был специальным внешнеполитическим эмиссаром президента Трумэна. Одним из последних рекрутов фирмы в правительственные ряды является Джозеф Калифано, занимавший до середины 1979 года пост министра здравоохранения, образования и социального обеспечения в кабинете Дж. Картера.

Довольно известной фирмой такого рода в Вашингтоне является также «Клиффорд, Уорнке, Глэс энд Макилуэйн». Первые два партнера ее начинали карьеру в «Ковингтон энд Берлинг».

В целом вашингтонские юридические фирмы, как и вашингтонские филиалы нью-йоркских фирм, видимо, более тесно связаны с повседневной деятельностью правительства США, чем сами нью-йоркские фирмы этого плана. Соответственно они более оперативны в воздействии на федеральную администрацию.

В то же время в плане возможности использовать преимущества непосредственной связи с основными средоточиями мощи ЦФК нью-йоркские фирмы, с их опорой на основные банки и финансовые компании, неизбежно играют более важную роль. Причем чем крупнее бизнес, тем более его руководство тяготеет к республиканской партии. Это закономерность, проверенная десятилетиями американской истории. Вот почему нью-йоркские юридические фирмы в основной своей массе обслуживают прежде всего республиканские администрации.

Пожалуй, наиболее известной и влиятельной из юридических фирм Нью-Йорка, в том что касается внешней политики, является «Крават, Свэйн энд Мур». Ее штаб-квартира находится в здании, являющемся главной резиденцией рокфеллеровского «Чейз Манхэттэн бэнк». Фирма традиционно сотрудничает с Рокфеллерами, а

также установила тесные связи с Генри Фордом II, став одним из наиболее рьяных адвокатов интересов контролируемой им автомобильной компании. Наконец, она связана общими партнерами с банком «Лазар бразерс» — еще одним членом ЦФК. Именно в «Крават, Свэйн энд Мур» начинал свою карьеру Джон Макклой — будущий председатель «Чейз Манхэттэн бэнк», глава СМО и председатель Фонда Форда. Другой юрист из «Крават, Свэйн энд Мур» — Карлайл Мо — в течение трех лет (1973—1976 гг.) находился на ведущих постах в государственном департаменте США. Сначала он был юридическим советником, а затем заместителем государственного секретаря по вопросам помощи и программе безопасности.

Вашингтонское отделение фирмы выступает под вывеской номинально независимой компании «Уилмер, Катлер энд Пикеринг». Оно не менее известно, чем материнская фирма. Его наиболее впечатляющими клиентами являются, разумеется, фонды Рокфеллера и Форда, ряд субсидируемых последними университетов и такие промышленные компании, как «Дженерал моторс», ИБМ и др. И уже знакомый штрих — значительная часть (около 30%) всех юристов, используемых «Уилмер, Катлер энд Пикеринг», являются выходцами из Гарвардского университета (общее число юристов фирмы в Вашингтоне в 1978 году достигло 110 человек). Один из партнеров «Уилмер, Катлер энд Пикеринг» Ллойд Катлер не только активно осуществлял целый ряд внешнеполитических миссий по поручению правительства США, но и неоднократно (в частности, в 1962 и в 1965 гг.) рассматривался в качестве серьезного кандидата на высшие посты в правительстве — как в государственном департаменте, так и в министерстве торговли США. Он стал советником президента в 1979 году. Бывший юрист «Уилмер, Катлер энд Пикеринг» Дина Симер стала главным юридическим советником министерства обороны США при Картере.

О нью-йоркской юридической фирме «Салливэн энд Кромвелл» мы уже говорили как о компании, тесно связанной и с Рокфеллерами, и с группой «Марин Мидленд бэнк» и образующей по существу мост между этими двумя финансовыми группами. Что касается роли этой фирмы во внешней политике, то, по словам американского исследователя юридических фирм

Дж. Гулдена, конец 20-х годов этого века в США «был эрой, когда можно было серьезно доказывать, что «Салливэн энд Кромвелл» затмил государственный департамент в проведении внешней политики Соединенных Штатов»²¹. Новый взлет фирмы пришелся на 1953—1958 годы, когда ее партнер Джон Фостер Даллес руководил внешнеполитическим ведомством США.

Характерной чертой «Салливэн энд Кромвелл» было то, что она никогда не проводила жесткой грани между республиканской и демократической партиями США. В 1949 году один из ее партнеров, Эдвард Миллер, стал помощником государственного секретаря США по меж-американским проблемам в правительстве демократа Г. Трумэна. Нынешний старший партнер формально «демократической» юридической фирмы «Ковингтон энд Берлинг», о которой мы уже говорили, Джон Лейлин вырос именно в «Салливэн энд Кромвелл» под опекой Дж. Ф. Даллеса. Лейлин, в свою очередь, свободно обслуживал республиканское правительство Р. Никсона и т. д.

В десятку крупнейших юридических фирм Нью-Йорка входит и фирма «Мадж, Роуз, Гутри энд Алексэндер», явившаяся трамплином к президентству и источником кадров для кабинета Р. Никсона. До того, представляя калифорнийские интересы, Р. Никсон не мог пробиться на самостоятельные политические роли. Он потерпел поражение в 1960 году в качестве кандидата в президенты США, а в 1962 году — даже на пост губернатора Калифорнии. Переезд Никсона в 1963 году в Нью-Йорк, подключение его к числу партнеров указанной фирмы и пятилетняя работа в ней полностью изменили его положение. Как резюмировал ситуацию друг Никсона, его партнер по фирме и впоследствии министр юстиции Дж. Митчелл, «это расширило всю его концепцию жизни в США. В Калифорнии он всегда должен был смотреть снизу вверх на председателей правлений из рядов восточного истеблишмента, а теперь он имел с ними дела»²².

Став президентом, Никсон, кроме упомянутого назначения Митчелла, устроил других партнеров «Мадж, Роуз, Гутри энд Алексэндер» на следующие посты: специальный консультант при Белом доме (Л. Гармент); высокопоставленные чиновники министерства финансов (М. Поллнер) и министерства юстиции (Дж. Алексэн-

дер) и по проблемам американского судостроения (А. Бекер). Можно добавить, что вашингтонское отделение фирмы и штаб-квартира комитета по переизбранию президента (в 1972 г.) располагались на одном этаже одного и того же здания. Впрочем, сколько-нибудь крупного вклада непосредственно во внешнюю политику США фирма не внесла.

С приходом к власти администрации Картера налицо попытка провинциальной юридической фирмы «Кинг энд Сполдинг», базирующейся на Атланту, столицу штата Джорджия, сделать заявку на приобретение в государственном аппарате позиций, соразмерных с теми, которыми ранее располагали вашингтонские и нью-йоркские юридические «короли». Ведущий юрист «Кинг энд Сполдинг» Г. Кирбо является одним из наиболее доверенных лиц Картера. Другой ее юрист (Дж. Уотсон) возглавил набор персонала на ключевые посты в новой администрации. Третий (Г. Белл) стал в ней министром юстиции. Впрочем, едва ли можно ожидать, чтобы эти временно приобретенные позиции смогли стать пропуском на включение «высочки» в ряды традиционно правящих юридических фирм.

Другим (кроме юридических фирм) направлением воздействия «специалистов» на государственный аппарат является сложившаяся в последние десятилетия в США система правительственных контрактов, выдаваемых частным компаниям на осуществление административно-управленческих функций.

Такие функции, вообще говоря, входят в прямые обязанности государственного аппарата. Но фактическая передача важных элементов политической власти в руки фирм-консультатов приобрела уже колоссальные масштабы. По данным 1966 года, например, 34% административно-управленческих расходов по федеральному бюджету США ушло на оплату частных фирм-консультантов и только 22% — на содержание государственных служащих, которые должны были, казалось бы, сами выполнять эту работу²³.

Существенная часть колоссальных сумм, связанных с научно-исследовательскими работами в области политических наук, уходит на те самые «фабрики идей», о которых уже говорилось в предыдущем параграфе как о находящихся в подавляющем большинстве под протекторатом «филантропических» фондов. Есть, однако, на

этом направлении и чисто управленческие по своему характеру фирмы-консультанты. Они подсказывают и прорабатывают организационную перестройку правительственного аппарата, создание новых агентств, наиболее эффективные принципы подбора чиновников и т. п.

Одной из наиболее могущественных фирм такого рода является компания «Маккинзи». Она имеет широкие международные операции и в этом плане известна, в частности, как главный консультант по модернизации структуры многих крупнейших, в том числе западноевропейских, транснациональных монополий. Непосредственно в США она выступает с весьма широким диапазоном управленческих рекомендаций. Это — вопросы эффективности военных расходов, направления космических исследований, транспортные проблемы, теории менеджизма. «Маккинзи» является давним консультантом Корпорации Карнеги и получает от этого фонда финансовую поддержку.

Другими известными фирмами данной категории являются «Буз, Аллен энд Гамильтон», «Пит, Маруик, Митчелл энд К°», «Куперз энд Лайбрэнд». Сотрудник первой из них П. Андерсон был отдан фирмой на год «напрокат» министру обороны Рамсфелду.

Эти фирмы взяли также себе на откуп подготовку рекомендаций правительству по кадровым вопросам. Еще в 1951 году один из ведущих экспертов «Маккинзи» по этим проблемам Джон Корсон на деньги Корпорации Карнеги подготовил исследование «Чиновники для правительственных ведомств». Главная идея этого опуса состояла в том, что для лучшего решения управленческих проблем на стадии «холодной войны» надо расширять привлечение на государственную службу бизнесменов. Будучи опубликовано в 1952 году в несколько отредактированном виде, указанное исследование стало настольной книгой для приходившей тогда к власти республиканской администрации Эйзенхауэра.

В 1962 году по инициативе демократической администрации Кеннеди и официальных лиц бывшей администрации Эйзенхауэра фирмы «Маккинзи» и «Буз, Аллен энд Гамильтон» взялись за повторное изучение данной проблемы. На этот раз они делали это под формальной эгидой КЭР. Опубликованный через четыре года итоговый доклад исследования под названием «Люди у вершины» откровенно вел дело к тому, что прежнее поколе-

ние высокопоставленных чиновников должно быть заменено экспертами типа консультантов, готовящихся самой фирмой «Маккинзи».

Итак, обе ветви специализированных фирм — и юридические, и управленческие, — созданные в основном для обслуживания интересов ЦФК, рассматривали и рассматривают свои взаимоотношения с правительством США как один из аспектов такого обслуживания.

Таким образом, мы закончили в общих чертах рассмотрение механизма влияния ЦФК на внешнюю политику США. Теперь посмотрим, как действует этот механизм на практике и к каким практическим последствиям это приводит.

НАПРАВЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ

1. «Свои люди»

До сих пор мы говорили в основном о разветвленном механизме, с помощью которого финансовые магнаты США имеют возможность оказывать решающее воздействие на разработку и проведение внешней политики крупнейшей империалистической державы. Создаваемые сложной системой взаимосвязанных частей этого механизма объективные предпосылки господства финансовой олигархии в стратегии и тактике США на международной арене сами по себе, казалось бы, бесспорны. Тем не менее полезно особо остановиться на том, как конкретно используется данный механизм этими силами. Практика — самый лучший способ проверки любых гипотез, их состоятельности.

В этом плане следует прежде всего отметить, что центральный финансовый комплекс США в лице своих главных столпов всегда отдает себе отчет в важности того, кто именно будет осуществлять на деле проведение внешней политики, контуры которой он сам разрабатывал. В 1946 году казначей рокфеллеровской компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси» Л. Уэлч выступил со следующим заявлением: «Поскольку наша страна начала разработку своей общей послевоенной внешней политики, то частное предпринимательство должно начать разработку собственной внешней и внутренней политики с самого важного вклада, который оно может сделать, — люди в правительстве»¹.

Это заявление было фактически программным. Американский бизнес действительно, причем в массовых масштабах, хлынул на должности в правительственном

аппарате, в том числе аппарате внешнеполитическом. Число конкретных примеров в этом отношении могло бы быть бесконечным. Здесь наиболее перспективным представляется аналитический подход, с помощью которого можно дать ответ на некоторые важные вопросы.

Небезынтересно знать, как вообще американский бизнес представлен в правительственном аппарате США, связанном с внешней политикой. Однако гораздо более существенным было бы установить, какие крупнейшие политические организации этого бизнеса приобрели наиболее весомые позиции в этом отношении. Наконец, чрезвычайно важно определить, кто именно из столпов ЦФК удерживает инициативу и главные рычаги в своих руках.

Что касается общего представительства бизнеса в государственном аппарате США, то имеется несколько подсчетов. Начнем с тех, которые были подготовлены самим финансовым комплексом.

Речь идет прежде всего об исследовании руководящих кадров правительства США, выполненном Институтом Брукингса на средства Корпорации Карнеги и Фонда Форда в середине 60-х годов. В 1967 году «облегченный» вариант этого исследования был опубликован под названием «Люди, которые правят» и стал достоянием гласности². При всех скидках на цензуру он все же представляет несомненный интерес. Исследование охватило треть века (1933—1965 гг.) функционирования высшего эшелона (180 постов) в правительстве США при пяти президентах (Рузвельте, Трумэне, Эйзенхауэре, Кеннеди и Джонсоне). На эти посты за данный период был назначен в общей сложности 1041 человек; подсчетами охвачены 10 министров кабинетного уровня, руководство 3 военных ведомств (армии, авиации и флота), 8 важнейших агентств и 7 правительственных комиссий и управлений.

Как видно из этого исследования, засилье частного сектора особенно чувствовалось на уровне министров, являвшихся членами кабинета, и их первых заместителей. В среднем за три с лишним десятилетия 69% членов кабинета перешли на свои посты из частных компаний (из них 23% — из юридических и 46% — из других фирм). Среди первых заместителей министра этот уровень доходил до 78% (соответственно 24 и 54%). Нако-

нец, министры в трех военных ведомствах были уже почти исключительно, на 96%, бизнесменами. В числе бизнесменов, становившихся высшими правительственными чиновниками, крупнейшей категорией (44% всех бизнесменов) были представители компаний обрабатывающей промышленности. Следующей по значению категорией (23%) являлись представители финансовых институтов — банков и компаний.

Среди представителей бизнеса в составе верхушки правительственных чиновников все более возрастала пропорция руководителей крупнейших корпораций. Со времени кабинета Рузвельта до правительства Кеннеди представительство 500 крупнейших американских компаний в числе чиновников-бизнесменов возросло с 44 до 65%. В начале президентства Джонсона эта пропорция несколько уменьшилась — до 61%. Однако тут же, в феврале 1964 года, прозвучал клич президента концерна Дюпона, призвавшего бизнесменов «принять гораздо более активное участие в повседневном процессе работы правительства»³. Достаточно вспомнить, как усилили свои позиции в правительстве Джонсона после этого, скажем, представители юридических фирм.

Остается только пожалеть, что работа «Люди, которые правят» содержала лишь намек на те, идущие еще дальше, но негласные результаты анализа, которыми располагали его авторы. Так, можно, в частности, понять, что штат Нью-Йорк с его финансовыми магнатами был представлен у штурвала федеральной власти втрое большим количеством дельцов, чем другие штаты. При этом нью-йоркскими бизнесменами особенно основательно была укомплектована верхушка военных ведомств, министерств финансов и торговли, госдепартамента и министерства обороны, то есть ведомств, тесно связанных с ведением внешней политики США. Но кто именно из нью-йоркских финансовых институтов наиболее последовательно располагал такими позициями — осталось за бортом опубликованного варианта исследования Института Брукингса, о котором в данном случае идет речь.

Фонды не дают денег на свое разоблачение. Поэтому приходится крупницей за крупницей уточнять представительство наиболее могущественных сил частнокапиталистической экономики в составе правительства США. Пока же посмотрим другие подсчеты, касающиеся об-

щего представительства американского бизнеса в правительстве.

Известный американский историк Г. Колко проследил, например, связи 234 лиц, которые в 1944—1960 годах занимали 678 постов в правительстве США, связанных с внешней политикой. По его подсчетам, 59,6% из этих лиц были представителями промышленных, инвестиционных и юридических фирм. Следующие 7,2% были представителями «филантропических» фондов, университетов и организаций «общественного обслуживания». Наконец, 16,3% являлись карьерными чиновниками, ушедшими затем в бизнес⁴. Еще один американец, Р. Барнет, подсчитал, что в 1940—1967 годах основные посты внешнеполитического плана занимали в США всего около 400 лиц. Он также проанализировал связи 91 лица из них — группы, занимавшей в тот период самые высшие посты в правительстве США. Их положение автоматически делало эту группу участником формулирования важнейших внешнеполитических решений. Речь идет о министрах и их первых заместителях в госдепартаменте, министерстве обороны и трех военных ведомствах, в Комиссии по атомной энергии и ЦРУ. Оказалось, что 70 из них (77% всей группы) были представителями крупнейших финансовых и промышленных компаний; ими были 8 из 10 министров обороны, 7 из 8 министров авиации, все военно-морские министры, 8 из 9 военных министров, все первые заместители министра обороны, 3 из 5 директоров ЦРУ и 3 из 5 председателей Комиссии по атомной энергии⁵.

Таким образом, тот факт, что высшие правительственные чиновники, принимающие непосредственное участие в формулировании и проведении внешней политики США, являются в основной своей массе представителями монополий, можно считать убедительно доказанным статистически.

Посмотрим теперь внимательнее, идет ли речь о вхождении в правительство США представителей отдельных, не связанных друг с другом компаний или, наоборот, представителей экономически ассоциированного и политически организованного капитала. Сопоставление данных различных исследований на этот счет дает возможность выявить следующую, достаточно красноречивую картину.

За первые полтора десятилетия существования Сове-

та бизнеса (1933—1949 гг.) почти 100 его членов, или примерно половина численного состава, были привлечены на высокопоставленные должности в кабинетах президентов Рузвельта и Трумэна. В свою очередь, Комитет по экономическому развитию (филиал СБ) за первую четверть века своей деятельности (1942—1967 гг.), то есть от Рузвельта до Джонсона, направил в правительство около 40 своих попечителей, в том числе поставил за это время 4 членов кабинета, 3 первых заместителей министра, 3 заместителей министра, 6 специальных помощников президента и членов кабинета и т. д. Еще одни суммарные данные: за первые два послевоенных десятилетия (1945—1966 гг.) на наиболее видных государственных должностях США побывало более 400 членов СМО.

Наконец, последняя цифра, сдвигающая представление об организованности финансовой олигархии и ее вездесущих позициях в государственном аппарате несколько в иную плоскость. Приводившиеся до сих пор цифры свидетельствовали в основном о последовательности основных политических организаций бизнеса в сохранении своего контроля над тем, как делается политика США. Нижеследующие данные свидетельствуют в первую очередь о глубоком проникновении и повседневности такого контроля. Так, в 1966 году 90 сотрудников уже известной нам компании РЭНД занимали 269 постов в государственном аппарате США. Это было в среднем по три поста на человека.

Вывод из приведенных фактических данных может быть только один: представительство бизнеса в правительстве США, в том числе на уровне политических объединений монополистического капитала, является собой стабильный и несомненно предопределяющий фактор.

Между численно преобладающим представительством бизнеса в государственном аппарате и характером конечного продукта этого аппарата — политики — просто не может не быть связи. Ведь в конечном счете, по замечанию одного американского автора, преобладание прямых представителей бизнеса на высших государственных должностях имеет свою логику. Большинство таких высокопоставленных чиновников — это люди, которые получили подготовку и опыт на обслуживании нужд крупнейших, в том числе транснациональных, аме-

риканских компаний и банков. В этом качестве они стали прежде всего экспертами по проблемам, с которыми американские корпорации сталкиваются за границей. Разве можно в таких условиях, заключает автор, поверить в то, что подобные эксперты корпораций вдруг, совершенно неожиданно, теряют эти свои ставшие врожденными качества, как только дело доходит до формулирования ими внешнеполитических решений⁶.

Именно потому, что в это поверить нельзя, важно не останавливаться на простой констатации зависимости политики от бизнеса. Необходимо установить, какие именно группы финансовой олигархии осуществляют в этих условиях доминирующее влияние, кто конкретно извлекает максимальные преимущества из господства класса.

С этой точки зрения полезно ознакомиться с тем, какие именно силы из правящего класса буржуазии доминировали в кабинетах каждого из семи послевоенных президентов США и есть ли определенная степень преемственности в этом отношении, независимо от партийной принадлежности президентов. При этом мы хотим проанализировать присутствие у правительственного кормила внешней политики США представителей самих штаб-квартир, а не периферийных интересов ЦФК.

В этом плане расстановка сил в государственном аппарате США при президенте Трумэне (1945—1952 гг.) дает только первые контуры картины, начавшей прорисовываться гораздо четче на последующих этапах. Обращает на себя внимание солидная представленность на внешнеполитических постах в эти годы партнеров и менеджеров банкирского дома «Диллон, Рид энд К°». Бывший президент этого банка Джеймс Форрестол, занимавший вначале пост министра военно-морского флота, был назначен затем на созданный впервые в истории США пост министра обороны, подмявшего под себя ведомства трех отдельных родов войск. Другой партнер банка, У. Дрейпер, стал главным советником верховного комиссара США в Западной Германии. Еще один партнер, Ф. Эберштадт, являлся одним из инициаторов создания Национального совета безопасности США — органа, влияние которого на внешнюю политику страны проявилось только позднее. Наконец, четвертый партнер «Диллон, Рид», П. Нитце, был назначен главой отдела планирования политики госдепартамента США.

Вторым банкирским домом Уолл-стрита, позиции которого в правительстве Трумэна также бросались в глаза, хотя и не в такой степени, как в предыдущем случае, был банк «Браун бразерс, Гарриман». Один из старших его партнеров — А. Гарриман — в 1946—1948 годах был министром торговли, другой — Р. Ловетт — с 1947 года стал заместителем государственного секретаря США.

Оба названных выше банкирских дома, чьи представители осели на внешнеполитических постах в кабинете Трумэна, были видными членами ЦФК, хотя и не самого его ядра. Главные силы комплекса — Морганы, Рокфеллеры, Форды — не выдвигались еще сами в крупных масштабах на авансцену, примеряясь пока в основном к эпизодическим и второстепенным постам этого рода. Люди Рокфеллеров, например, еще начинали восхождение к вершинам своего влияния в правительстве. Неоднократно упоминавшийся Дж. Макклой закрепился пока на посту верховного комиссара США в Западной Германии. Два директора «Чейз нэшнл бэнк» (предшественник банка «Чейз Манхэттэн»), в свою очередь, также не могли похвастаться еще ключевыми позициями. Один из них — Э. Локе — стал специальным эмиссаром Трумэна по азиатским вопросам, другой — Т. Маккитрик — был назначен советником при руководителе администрации «плана Маршалла».

Сами Рокфеллеры также перебивались еще на второстепенных постах. Нельсон Рокфеллер, ставший при Рузвельте координатором латиноамериканских проблем, в 1944—1945 годах кратковременно промелькнул на посту заместителя государственного секретаря США, а его брат Джон III побывал на аналогичном посту в министерстве военно-морского флота.

В целом непосредственное влияние представителей главных сил финансовой олигархии на формирование внешней политики США было еще неустойчивым. У некоторых их конкурентов в то время еще могли рождаться поэтому планы оттеснения их от власти. Советник Трумэна по внешнеполитическим вопросам К. Клиффорд, только начинавший в то время восхождение к вершинам корпоративной и политической власти, в представленном президенту в 1947 году меморандуме прямо предлагал ему «постепенно избавиться» от таких «уолл-стритовцев», как Гарриман, Форрестол, Ловетт и Мак-

клой⁷. Впрочем, само собой разумеется, что Трумэн игнорировал этот совет как политически незрелый.

Президентство Д. Эйзенхауэра (1953—1960 гг.) явилось началом массового выхода на авансцену внешней политики США основных столпов ЦФК.

Напомним, что сам механизм по реорганизации правительственного аппарата при Эйзенхауэре возглавлялся Нельсоном Рокфеллером. В 1954 году последний был назначен специальным помощником президента по вопросам стратегии «холодной войны». Это была первая заявка семейства.

Что касается государственного департамента США, то начальным выбором Эйзенхауэра на пост главы данного ведомства был все тот же Джон Макклой. Однако против этой кандидатуры (между прочим, по причине ее «чрезмерной близости к Рокфеллерам») выступил сенатор Тафт. Стремясь обеспечить единство рядов республиканской партии, взгляды правого крыла которой отражал Тафт, Эйзенхауэр отставил Макклоя. Но он не мог и не хотел отодвигать Рокфеллеров. Государственным секретарем в своем кабинете Эйзенхауэр назначил Джона Фостера Даллеса — председателя совета попечителей Фонда Рокфеллера, а также и Фонда Карнеги.

Продолжая перечисление позиций Рокфеллеров, полученных на этом направлении при Эйзенхауэре, следует отметить следующее. Тогдашний председатель «Чейз нэшнл бэнк» и прямой родственник Рокфеллеров У. Олдрич был назначен американским послом в Англии. Почти одновременно пост посла, на этот раз в Индонезии, был предложен Джону Рокфеллеру III, представлявшему в семье ее интересы в Азии. Тот, однако, не пожелал принять это назначение. В свою очередь, традиционный партнер Рокфеллеров Дуглас Диллон из «Диллон, Рид» занял место заместителя государственного секретаря.

В других важнейших ведомствах, участвующих в разработке и проведении внешней политики США, также осели ведущие представители элиты финансовой олигархии, в том числе тех же Рокфеллеров. Комиссию по атомной энергии при Эйзенхауэре возглавил Л. Страус, бывший партнер инвестиционного банка «Кун, Леб энд К°», уже находившийся на этом посту в 1946—1950 годах. Но теперь Страус вернулся на данный пост непосредственно из главного нервного узла империи Рокфел-

леров — комнаты 5600 в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке, где ему были доверены важнейшие тайны империи (после его ухода это место было занято Р. Дилуортом — другим партнером «Кун, Леб энд К°»). Прочные позиции закрепили за собой финансовые магнаты и в министерстве обороны США. Так, консультантами управления по научным исследованиям этого министерства стали люди Фонда Рокфеллера, Фонда Карнеги и Фонда Форда. В 1959 году и непосредственно министром обороны в правительстве Эйзенхауэра был назначен Томас Гейтс — член филладельфийского семейства, издавна являвшегося партнером Морганов.

Приход к власти правительства Джона Кеннеди (1961—1963 гг.) привел лишь к перестановке конкретных лиц. Закрепленность ключевых внешнеполитических постов за главными институтами ЦФК стала несомненной.

Как свидетельствует американский историк А. Шлезингер, из девяти кандидатов на пост государственного секретаря при новом президенте пять кандидатов были попечителями Фонда Рокфеллера. В конечном счете один из них, Дин Раск, являвшийся к тому же председателем совета попечителей фонда, и был назначен Кеннеди на пост государственного секретаря. Телефонный звонок с таким предложением Раск получил от Кеннеди, находясь на заседании Фонда Рокфеллера⁸. Уйдя в государственный департамент, Раск захватил с собой в качестве заместителя Честера Боулса — одного из попечителей Фонда Рокфеллера. Другим заместителем Раска стал Дж. Болл — партнер уолл-стритовского банка «Лимен бразерс».

Подыскание кандидатов на пост министра финансов США в кабинете Кеннеди впервые привело к предложению непосредственно члену семьи Рокфеллеров занять этот пост. Пост министра финансов был предложен Дэвиду Рокфеллеру, возглавлявшему главную финансовую цитадель семьи — «Чейз Манхэттэн бэнк». После того как он, будучи занят делами банка, отклонил это предложение, оно было сделано попечителю Фонда Рокфеллера и партнеру банка «Диллон, Рид» Д. Диллону и принято им. По целому ряду данных, у Диллона были наилучшие шансы получить этот же пост и в случае победы на выборах в 1960 году кандидата республиканцев Р. Никсона. Среди других кандидатов

на пост министра финансов при Кеннеди фигурировали такие представители ЦФК, как уже знакомый нам Р. Ловетт из «Браун Бразерс, Гарриман», Г. Александер из главного банка Морганов и тот же Д. Макклой из рокфеллеровского банка.

Наконец, министром обороны при Кеннеди стал Р. Макнамара, пришедший на это место с поста председателя компании «Форд мотор».

Джон Рокфеллер IV, которому в 1961 году было 24 года, стал при Кеннеди членом консультативного совета по «Корпусу мира» — организации, созданной для продвижения американского влияния в развивающихся странах. Затем, уже в 1963 году, он получил пост заведующего сектором Индонезии в госдепартаменте США (вспомним, что за десять лет до того пост посла в Индонезии предлагался его отцу). В свою очередь, семейный советник Рокфеллеров А. Берли был назначен Кеннеди главой специальной группы, разрабатывавшей политику США в Латинской Америке. Одним словом, при Кеннеди тенденция представителей ЦФК, его важнейших институтов самим принимать непосредственное участие в создании внешней политики США стала превращаться в традицию.

Прежде чем закончить краткий обзор представительства интересов ЦФК в правительстве Кеннеди, полезно сказать об одной особенности данной администрации — ее приверженности к «интеллектуалам», представителям «мира науки», и прежде всего к «людям Гарварда».

Действительно, из первых 100 человек, назначенных на видные посты в администрации Кеннеди, 21 являлся выпускником Гарвардского университета. В их числе были министр авиации Э. Цукерт, заместитель министра финансов С. Саррей, директор бюджетного бюро Д. Белл и др. Однако нельзя забывать о том, что Гарвардский научный комплекс — это место приоритетной концентрации средств и внимания как Фонда Форда, так и фондов Карнеги и Рокфеллеров. В этих условиях приверженность администрации Кеннеди к науке объективно означала ее готовность оказаться в зависимости от идей и кадров, производившихся на средства и под надзором трех фондов.

Президентство Л. Джонсона (1963—1968 гг.) лишь подтвердило и закрепило описанные тенденции. Положение при нем на ключевых постах практически оста-

лось неизменным. Так, Дин Раск продолжал оставаться на посту государственного секретаря до конца президентства Джонсона; Макнамара почти до конца был на посту министра обороны. На последнем этапе его сменил в качестве министра К. Клиффорд — бывший советник президента Трумэна, а к тому времени партнер вашингтонской юридической фирмы «Клиффорд, Уорнке, Глэс, Макилуэйн». Уход Макнамары из кабинета Джонсона отнюдь не привел к уменьшению воздействия империи Форда на политику правительства. Причина была проста — Генри Форд II сам был одним из наиболее влиятельных неофициальных советников Джонсона. Другим таким советником был К. Гринсуорлд, президент концерна «Дюпон де Немур».

Уход Диллона с поста министра финансов вызвал уже знакомую реакцию. Джонсон предложил этот пост Дэвиду Рокфеллеру. После отказа последнего министром финансов был назначен Г. Фаулер, партнер нью-йоркского банкирского дома «Гоулдмен, Закс». В этой связи следует напомнить, что пост министра здравоохранения, образования и социального обеспечения в правительстве Джонсона занял Джон Гарднер, председатель Корпорации Карнеги.

Наконец, в правительстве Джонсона на разных постах находилось в общей сложности 176 членов СМО — средоточия высших внешнеполитических менеджеров ЦФК.

Переходя к кабинетам Р. Никсона (1969—1974 гг.) и Дж. Форда (1974—1976 гг.), можно с самого начала отметить инерцию уже приобретенных государственным аппаратом привычек.

Пост государственного секретаря вначале был предложен Никсоном Джорджу Харрару, тогдашнему председателю совета попечителей Фонда Рокфеллера. Это дало основание авторам одного из исследований о Рокфеллерах отметить, что положение с постом государственного секретаря США дошло до того, «будто бы он принадлежал Фонду Рокфеллера по праву наследства»⁹. Харрар, однако, не принял предложения. Тогда Никсон назначил на этот пост партнера уолл-стритовской юридической фирмы «Кеннет Ройалл» Уильяма Роджерса.

Впрочем, тот, кто на этом основании стал бы делать вывод об отстранении Рокфеллеров от кормила внешней политики США при Никсоне, сделал бы грубую ошибку.

Прежде всего первым заместителем Роджерса по госдепартаменту вскоре был назначен Джон Эрвин II, являвшийся до того советником Фонда Рокфеллера и партнером юридической фирмы «Салливэн энд Кромвелл», известной главным образом по связям с Рокфеллерами. Так что и в самом госдепартаменте Рокфеллеры получили необходимый контрольный пост.

Но главное было в том, что подлинное руководство внешней политикой США при Р. Никсоне переместилось в Национальный совет безопасности при президенте. Последний же возглавил Г. Киссинджер — человек, вся карьера которого была связана с поддержкой Рокфеллеров. В конце 50-х годов он был одним из ведущих внешнеполитических экспертов Фонда братьев Рокфеллеров, затем (в 1964 и 1968 гг.) — внешнеполитическим советником Н. Рокфеллера, когда тот прорывался в кандидаты на пост президента США от республиканской партии. После провала этой попытки Рокфеллера в 1968 году Киссинджер был передан им победившему кандидату — Р. Никсону (после своего ухода с поста государственного секретаря США Киссинджер занял две должности — консультанта рокфеллеровского «Чейз Манхэттэн бэнк» и попечителя Фонда братьев Рокфеллеров).

Собственно говоря, как только начались прикидки будущего кабинета нового президента, замелькали имена и самих Рокфеллеров. Имя Нельсона Рокфеллера называлось в качестве кандидата на пост министра обороны, имя Дэвида Рокфеллера — уже на привычный для него пост министра финансов. Вначале Никсон, с трудом одолевший конкуренцию Н. Рокфеллера на пост президента США от республиканской партии, делал вид, что он не понимает, в чем дело. «Черт побери, — восклицал он, — не знаю, почему там (в правительстве. — Р. О.) обязательно должен быть хотя бы один Рокфеллер»¹⁰. Вскоре, однако, он сам предложил Д. Рокфеллеру сразу несколько постов на выбор — министра финансов, министра обороны и посла в Москве. Характерно, что кандидат демократической партии на президентских выборах 1968 года Г. Хэмфри в ходе предвыборной кампании открыто заявлял, что он хотел бы иметь и Дэвида, и Нельсона Рокфеллеров в своем кабинете¹¹.

Таким образом, если на выборах 1960 года, независимо от их результатов, один из важнейших постов в

кабинете должен был получить ближайший союзник Рокфеллеров Д. Диллон, то на выборах 1968 года место в кабинете настойчиво прикидывалось уже непосредственно для прямого представителя семейства Рокфеллеров.

В качестве промежуточных деталей к прослеживанию этой главной линии можно добавить следующее. В кабинете Никсона были представлены, разумеется, и другие составные части ЦФК кроме Рокфеллеров. Вездесущий банк «Диллон, Рид» был теперь представлен советником президента по внешнеэкономическим вопросам П. Флэниганом (его отец был президентом «Мэнюфэкчурерз Хэновер траст»). Показательно также, что в правительстве Никсона было представлено 110 членов СМО. И все же главным и в этом правительстве было наращивание позиций Рокфеллеров.

Один из попечителей Фонда Рокфеллера К. Хардин получил в правительстве Никсона пост министра сельского хозяйства. Весной 1970 года Никсон назначил Джона Рокфеллера III президентом Комиссии по вопросам населения, роста экономики и будущего США. Через некоторое время другой из братьев Рокфеллеров, Нельсон, сам создал комиссию по проблемам будущего США, по существу не только дублирующую правительственный орган, но и бросающую ему конкурентный вызов. Это было особенно опасно для Никсона в условиях расшатывания его личных позиций из-за разрастания «уотергейтского дела». Будучи загнан в тупик, Никсон попытался опереться прямо на Рокфеллеров. В феврале 1974 года он вновь сделал Д. Рокфеллеру предложение занять пост министра финансов, но безуспешно.

Сменивший Никсона Джеральд Форд также предлагал Д. Рокфеллеру этот пост, но вновь безрезультатно. Зато Н. Рокфеллер принял предложение Форда стать его вице-президентом.

В целом, таким образом, продолжалось нарастание официальных предложений Рокфеллерам и повышение уровня присутствия их в государственном аппарате США.

Осталось посмотреть только, как представлены интересы Рокфеллеров в нынешнем правительстве Дж. Картера. Государственным секретарем в этом кабинете является Сайрус Вэнс, лишь за несколько дней до своего вступления на эту должность ушедший с поста

председателя совета попечителей Фонда Рокфеллера. Вэнс являлся также заместителем председателя СМО. Министр финансов М. Блюменталь, помимо того что он был президентом «Бендикс корп.», являлся попечителем Фонда Рокфеллера. Сменивший его в 1979 году новый министр финансов У. Миллер — выходец из уже известной нам рокфеллеровской юридической фирмы «Крават, Свэйн энд Мур». Л. Катлер — другой представитель вашингтонского филиала этой фирмы «Уилмер, Катлер энд Пикеринг». Пост министра торговли был предложен вначале Джейн Пфайфер, еще одному попечителю Фонда Рокфеллера, и только личные причины заставили ее отказаться от такого назначения. Министр жилищного и городского строительства, а с середины 1979 года — министр здравоохранения, образования и социального обеспечения, Патриция Хэррис является директором «Чейз Манхэттэн бэнк». Министр труда Фредди Маршал подготовил и защитил докторскую диссертацию на субсидию, предоставленную ему Фондом Рокфеллера. Наконец, советник президента по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский был подготовлен к этой роли на службе у Д. Рокфеллера в качестве внешнеполитического советника и доверенного лица. В то же время он обиженно заметил как-то одному из американских журналистов: «Генри (Киссинджер. — *Р. О.*) работал на Нельсона (Рокфеллера. — *Р. О.*) в качестве служащего, а я работаю с Дэвидом (Рокфеллером. — *Р. О.*) как сотрудник»¹². Назначенный в 1979 году послом США в Москве Т. Уотсон, глава известной компании ИБМ, является попечителем Фонда Рокфеллера и директором моргановского банка «Бэнкерз траст». Наконец, известно, что в связи с реорганизацией своего правительства в 1979 году президент Картер предлагал Д. Рокфеллеру занять пост председателя совета управляющих Федеральной резервной системой (фактического центрального банка) США; но безуспешно.

К этому списку позиций Рокфеллеров в правительстве Картера можно добавить и некоторые дополнительные штрихи, чтобы получилась более объемная картина.

Вообще говоря, было бы просто неверно считать, что другие члены и институты ЦФК повсеместно подменены только ставленниками Рокфеллеров. Не обладая абсолютным экономическим господством в комплексе, Рок-

феллеры не могут являться единоличными диктаторами и в политике. Они преобладают, но не царствуют. Соответственно и представители других групп и группировок всего комплекса имеют представительство непосредственно на уровне формулирования политики, в том числе внешней.

Морганы — Карнеги, например, занимают в правительстве Картера весьма видные посты. Бывший директор головных моргановских банков «Дж. П. Морган энд К°» и «Морган гаранти траст» Грэхэм Клейтор (он являлся также партнером юридической фирмы «Ковингтон энд Берлинг») был назначен министром военно-морского флота, а в 1979 году стал заместителем министра обороны. Фонд Карнеги представлен еще более весомо. Р. Холбрук, бывший редактор журнала «Форин полиси», превратившегося из органа фронды против СМО в рупор Фонда Карнеги, является заместителем государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана, а еще один редактор этого журнала, С. Хантингтон, стал сотрудником Национального совета безопасности США. Секретарь Фонда Карнеги Ч. Мэйнс назначен заместителем государственного секретаря по делам международных организаций. Сотрудник этого фонда (и по совместительству Института Брукингса) Д. Макгенри стал заместителем постоянного председателя США при ООН, а в 1979 году был назначен постоянным представителем. Другой сотрудник Фонда Карнеги, Т. Холстед, — руководитель отдела в Агентстве по контролю над вооружениями и разоружению. Нынешний директор отдела планирования политики в госдепартаменте США А. Лейк, ушедший в 1970 году из аппарата Национального совета безопасности США, также прошел школу Фонда Карнеги — в 1972—1974 годах он возглавлял специальный проект этого фонда по санкциям в отношении Южной Родезии.

Что касается Фонда Форда, то бывший заместитель главы его отдела по Ближнему Востоку и Африке Лемелль стал послом в Кении, а консультант фонда по вопросам индийского высшего образования Р. Гохин — в Индии. Исполнительному директору компании «Форд мотор» по вопросам связи с иностранными правительствами У. Фредериксу президентом Картером был предложен пост заместителя государственного секретаря США по вопросам Африки, и только оппозиция со сто-

роны сената помешала этому назначению. Назначенный в 1979 году старшим советником президента Картера Х. Доновен—попечитель Фонда Форда и Фонда Карнеги.

Не оказались обделенными и другие представители интересов ЦФК, в том числе его специализированные институты, которые широко представлены в правительстве Картера. Так, бывшие сотрудники Института Брукинкса получили в нем следующие посты: главы Экономического совета при президенте (Ч. Шульце); специального советника президента по экономическим вопросам (Г. Оуэн); заместителя и заместителя заместителя министра финансов (Ф. Бергстен и Э. Санли); заместителя министра здравоохранения, образования и социального обеспечения (Г. Аарон), а также заместителя заместителя (К. Дэвис) и специального помощника (Т. Моррис) в этом же министерстве. С другой стороны, если взять государственный департамент США, то начальником одного из отделов в нем стал Лесли Гелб — еще один бывший сотрудник Института Брукинкса (в 1979 г. он ушел с этого поста в Фонд Карнеги). Барри Блехман, нынешний помощник директора Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, также пришел из Института Брукинкса с поста руководителя отдела военных исследований этого института. Из партнеров известных юридических фирм, использованных в качестве министров в правительстве Картера, следует назвать партнера фирмы «Арнолд энд Портер» Джозефа Калифано, являвшегося (до середины 1979 г.) министром здравоохранения, образования и социального обеспечения. Другой партнер «Арнолд энд Портер» К. Алексэндер стал военным министром.

Этот фон полного засилья представителей ЦФК и его интересов в государственном аппарате США является более чем красноречивым. Шум, поднятый американской прессой в первые недели правления администрации Картера по поводу того, что значительная часть особо ответственных постов в этой администрации занята, мол, выходцами из двух компаний — ИБМ и «Кока-кола», скорее всего, является отвлекающим маневром. На деле директорские посты в этих двух компаниях были не главными, а второстепенными связями с бизнесом соответствующих министров и их заместителей. Поэтому упор на тезис о «перепредставленности» этих двух компаний фактически заслонял факты о том, какие ин-

ституты финансовой олигархии заняли подлинно доминирующие позиции в правительстве. Еще важнее то обстоятельство, что и ИБМ и «Кока-кола» являются всего лишь объектом кондоминиума того же ЦФК.

Обзором связей правительства Картера с миром американского бизнеса мы заканчиваем анализ представительства «внешнеполитических» интересов американской финансовой олигархии непосредственно в правительствах США после второй мировой войны.

Два вывода представляются неоспоримыми: 1) центральный финансовый комплекс направлял и направляет внешнюю политику США не только в социальном и общеполитическом плане. Это воздействие мы уже видели раньше. Он руководит ею и в плане практическом, оперативном. Это обеспечивается закреплением за представителями комплекса ключевых постов данного профиля в государственном аппарате; 2) из всех представителей ЦФК, специализирующихся на внешней политике, реально доминирующими представляются позиции семейства Рокфеллеров. Тот факт, что за последнюю четверть века с лишним из шести государственных секретарей США пятеро оказались так или иначе тесно связанными с Рокфеллерами (Даллес, Гертер, Раск, Киссинджер, Вэнс), не объяснишь случайностью. То, что при этом трое из них (Даллес, Раск, Вэнс) пришли к кормилу правления госдепартаментом с поста главы Фонда Рокфеллера, едва ли может быть сочтено совпадением. То обстоятельство, что из пяти последних президентов США четверо (Кеннеди, Джонсон, Никсон, Форд) предлагали главе «Чейз Манхэттэн бэнк» Д. Рокфеллеру пост министра финансов, а пятый (Картер) — пост главы Федеральной резервной системы, также можно считать закономерностью.

Таким образом, внешняя политика США была и является в основном политикой, проводимой через государственный аппарат от имени и во имя интересов ЦФК, и прежде всего Рокфеллеров.

2. Как воспитывают будущих президентов

Почему же виднейшие представители финансовой олигархии и ее главных институтов с такой легкостью получают ключевые посты в государственном аппарате

США? Почему в то же время президенты, избираемые голосами миллионов и миллионов избирателей, проявляют неизменную готовность верить внешнеполитические судьбы страны столь избранному — и постоянно му — слою?

Главной закономерностью в этом отношении является то, что у президентов не остается иной альтернативы, кроме как назначать на эти должности людей определенного круга. Затем им остается в целом следовать политике, разработанной опять-таки людьми этого круга. И именно для обеспечения такого развития событий и существует целая система воспитания будущих президентов США. Эта система является сама по себе одним из наиболее удивительных и четко действующих порождений ЦФК.

Функционирование этой системы мало заметно на ординарных президентских выборах, когда переизбирающийся президент опирается в целом на уже имеющийся набор высокопоставленных правительственных чиновников. Оно бросается в глаза на более крутых поворотах — при смене администрации одной буржуазной партии США администрацией другой партии. Именно тогда становится очевидным, что сама такая смена используется ЦФК для тактической корректировки. Происходит своего рода подытоживание опыта одного набора государственных деятелей с целью выдачи рекомендаций, вытекающих из этого опыта, другому подобному набору. В этот процесс переоценки ценностей и должен вписываться любой кандидат на пост президента США, во всяком случае кандидат, могущий быть действительно серьезным претендентом.

Но посмотрим, как действует эта система в послевоенные годы, начиная со смены на выборах 1952 года демократической администрации Г. Трумэна республиканской администрацией Д. Эйзенхауэра.

Человеком, сыгравшим ключевую роль в том, чтобы убедить генерала Эйзенхауэра (популярного военачальника второй мировой войны, а затем главнокомандующего НАТО) выставить свою кандидатуру на пост президента, был глава семейного банка Рокфеллеров «Чейз нэшнл бэнк» У. Олдрич. Он же обеспечил мобилизацию необходимой финансовой поддержки кандидатуре Эйзенхауэра против другой кандидатуры от республиканской партии — «неоизоляциониста» сенатора Р. Тафта.

Политическое образование кандидата взял на себя Совет по международным отношениям — этот главный внешнеполитический инструмент тройки фондов. Нужно было поднатаскать и сориентировать военного, который всю жизнь был далек от «чистой» политики. Эта задача также была выполнена. «Все, что генерал Эйзенхауэр знал по экономике, — отмечал один из членов СМО, — он выучил на заседаниях исследовательской группы (имеется в виду группа совета, заседавшая в 1949 г. — *Р. О.*)»¹³. В целях придания гражданского лоска кандидатуре Эйзенхауэра он был пристроен на пост президента Колумбийского университета — опять-таки одного из излюбленных объектов внимания тройки.

Когда предвыборная кампания 1952 года вышла на финишную прямую, к штату лиц, ратовавших за избрание Эйзенхауэра, подключился лично президент Фонда Форда Пол Гоффман, взявший с этой целью четырехмесячный отпуск. Наконец, Рокфеллеры и Форды обеспечили себе отдельные ложи на республиканской конференции 1952 года, с тем чтобы оперативно способствовать выдвижению кандидатуры Эйзенхауэра. Одним словом, генерал во всех отношениях продвигался Рокфеллерами и Фордами. Заодно ему прививались и соответствующие взгляды. И то, и другое не могло не сказаться на мировоззрении, планах и действиях будущего президента.

Были приняты и другие меры, призванные обеспечить отсутствие неожиданностей для ЦФК. В частности, Эйзенхауэру оперативно подсунули критерии, которыми нужно было руководствоваться при подборе высших правительственных чиновников, а затем и кандидатур таких чиновников.

Сделано это было через уже известную нам фирму консультантов по проблемам менеджериума «Маккинзи». Заказ на подобные изыскания был выдан «Маккинзи» председателем финансового комитета республиканской партии Г. Толботтом. В октябре 1952 года, еще до президентских выборов, папки с соответствующими рекомендациями фирмы уже лежали у Толботта на столе — по папке на каждое крупное правительственное ведомство. В своих выводах фирма «Маккинзи» рекомендовала ограничиться заменой 610 правительственных чиновников из более чем двухмиллионной армии государственных служащих, из них 204 поста предлага-

лось заполнить новыми лицами немедленно. На первом заседании кабинета помощник президента Ш. Адамс вручил каждому министру папку «Маккинзи» по его ведомству. В каждом случае фирма предлагала свои услуги и для подыскания нужных людей на посты, которые она предлагала заместить. Около половины новопеченных министров не преминули воспользоваться этим приглашением.

Через восемь лет, в ходе предвыборной президентской кампании 1960 года, накопленный опыт был использован финансовой олигархией для того, чтобы наладить еще более надежную систему натаскивания кандидатов.

Головной организацией в данном случае выступил Институт Брукингса. Он предложил сразу и республиканцам, и демократам воспользоваться его услугами, с тем чтобы ознакомиться (в его интерпретации, конечно) с проблемами, которые встанут перед новым президентом. Институтом была создана специальная группа экспертов для консультирования конкурирующих лагерей, в которую вошли также и сотрудники «Маккинзи». Деньги на это мероприятие отпустила Корпорация Карнеги.

Оба кандидата в президенты — Кеннеди и Никсон — заинтересовались предложением. На встречи с экспертами, проводившиеся Институтом Брукингса, Кеннеди выделил в качестве своего представителя Кларка Клиффорда. Клиффорд сразу же попросил «Маккинзи» подготовить исследование, подобное тому, которое республиканцы получили от этой фирмы в 1952 году. Заказ был выполнен в ноябре 1960 года формально по запросу Института Брукингса. В результате на следующий день после выборов, как свидетельствует один из советников Кеннеди А. Шлезингер, Кеннеди получил меморандум Клиффорда об организации правительства¹⁴. Меморандум был основан на объединенных усилиях Института Брукингса и «Маккинзи».

К этому следует только добавить, что советник Кеннеди (и несостоявшийся директор ЦРУ при Картере) Т. Соренсен в своей книге «Кеннеди» в высшей степени высоко отозвался о той «повестке дня», которую подготовили для нового президента указанные учреждения. По его словам, именно этим в значительной степени объясняется самая гладкая в истории передача власти между двумя главными политическими партиями США¹⁵.

Этим же объясняется и то, почему специалисты Института Брукингса участвовали в выполнении целого ряда программ нового правительства.

Обеспечив себе, таким образом, должное воздействие на нового президента через Институт Брукингса (основную продукцию которого они четко направляли), фонды Карнеги — Морганов, Рокфеллеров и Форда отнюдь не спешили отойти сами в сторону. Напротив, они считали весьма полезным держать под непосредственным контролем начинавшийся набор руководящего состава новой администрации. Один из помощников Кеннеди вспоминал впоследствии, как через пару недель после выборов избранный президент восклицал: «Люди, люди, люди! Не знаю я никаких людей. Я знаю только избирателей. Как это я заполню все эти 1200 постов?... И все, что я слышу, это имя Джима Перкинса. Кто, черт побери, этот Перкинс?» Между тем, Перкинс занимал в то время пост вице-президента Корпорации Карнеги. Имя его, как свидетельствует А. Шлезингер, «выскакивало автоматически в период этого междуцарствия, о каком бы poste ни шла речь»¹⁶.

Кеннеди после победы на выборах сознательно пошел на установление тесных контактов с партнером банка «Браун бразерс, Гарриман» Р. Ловеттом. Последний как бы осуществлял связь с нью-йоркскими банковскими и юридическими фирмами. Для «аутсайдера», каким в известной степени считался Кеннеди, признание этих кругов было просто необходимым. «Конечно, Ловетт открыл для него новые источники талантов и в течение последующих нескольких недель оказал незаметное влияние на его вкусы»¹⁷, — пишет Шлезингер. Тот же Ловетт, между прочим, рекомендовал новому президенту назначить Р. Макнамару, только что избранного президента компании Форда, на пост министра обороны.

Назначенные Кеннеди (еще в качестве кандидата) специальные группы по подготовке позиций в случае победы также изобиловали представителями ключевых с точки зрения представительства ЦФК фирм. Так, группу, подсказывавшую кандидату позицию по проблемам национальной безопасности, возглавлял П. Нитце из «Диллон, Рид». Один из главных аргументов этой группы при представлении Кеннеди предложений звучал таким образом: «Все те, с кем мы консультировались среди нью-йоркских бизнесменов...» В другой группе, раз-

рабатывавшей предложения для Кеннеди по внешнеполитическим проблемам, видную роль играли Дж. Болл (партнер «Лимен бразерс»), Ч. Боулс (попечитель Фонда Рокфеллера) и другие представители финансовой олигархии Нью-Йорка. Естественно, что рельсы, на которые ставилась всеми этими рекомендациями политика будущего президента, могли вести эту политику только в одном направлении — обеспечения интересов этой олигархии.

Одним словом, идеи и люди, окружавшие кандидата в президенты, а затем и избранного президента США Джона Кеннеди, оказывались в основном тем же проверенным набором, обеспечивающим доминирование в политике ЦФК и его ядра — триумvirата Морганов — Карнеги, Рокфеллеров и Форда.

1968 год, когда началось восхождение к власти Ричарда Никсона, не отличался особой оригинальностью в том, что касалось методов продвижения ЦФК своих интересов.

На представленный Фондом Форда «дар» в 175 тыс. долл. Институт Брукингса подготовил для аппарата Никсона объемистый меморандум. В нем обрисовывались наиболее актуальные проблемы, с которыми должен был столкнуться новый президент. Предлагались, разумеется, и конкретные шаги к их решению. Впоследствии этот документ был опубликован в виде книги в 600 с лишним страниц под названием «Повестка дня нации». Но главное — он тщательно штудировался в оригинале членами новой администрации.

Фонд Форда позаботился и о том, чтобы внешнеполитическая позиция ЦФК, в том числе по отдельным вопросам, дошла до администрации Никсона и по другим дублирующим каналам. Так, корпорация РЭНД в конце 1968 года подготовила для Никсона, избранного президентом, набор возможных вариантов модификации политики США во Вьетнаме, где к этому времени американский империализм завяз окончательно. В свою очередь, рожденный Фондом Форда Институт оборонного анализа представил Никсону сразу после его вступления в должность специальный доклад о «международных и внутренних источниках угрозы национальной безопасности» США¹⁸.

К этому можно добавить, что и в дальнейшем администрация Никсона не выпадала из установленных ка-

налов приобретения идей и персонала. Известно, например, что главную контору Никсона по вербовке чиновников в новое правительство возглавлял впоследствии некто Ф. Малек, работавший до того в лос-анджелесском отделении все той же управленческой фирмы «Маккинзи».

Выборы президента США в 1976 году представляют особый интерес не только в силу хронологической близости. Кандидат в президенты — южанин Джимми Картер являлся человеком, который по сравнению со всеми своими непосредственными предшественниками на посту президента США отстоял, казалось бы, наиболее далеко от прямых контактов и связей с центральным финансовым комплексом. Вообще говоря, он был провинциалом. С этой точки зрения с выдвижением его кандидатуры проверялась на прочность, причем с максимальными нагрузками, сама система воздействия на кандидатов, ее эффективность.

Система оказалась безотказной. Как поведал задним числом американский журнал «Тайм», еще в июле 1975 года Картер впервые обратился к Институту Брукинга с просьбой предоставить соответствующую ориентировку¹⁹. Затем он посетил два «рабочих завтрака», на которых сотрудники института анализировали внешнеполитические и внешнеэкономические проблемы. Ко времени победы Картера на выборах в его аппарате работали уже десять старших научных сотрудников Института Брукинга — почти четверть их числа по штатному расписанию (половина из них осела затем в правительстве Картера).

Но вернемся снова непосредственно к кандидату на пост президента США Джимми Картеру. Его предвыборная кампания на начальных стадиях, помимо прочего, включала в себя популистские лозунги и ставила под сомнение установившиеся центры власти. Руководитель штаба этой кампании Г. Джордан однажды в сердцах выдал корреспондентам мало продуманную тираду. По его словам, популизм Картера можно было бы считать обанкротившимся, если бы Картеру пришлось обращаться для заполнения высших постов в своей администрации к таким людям (и здесь Джордан был очень конкретен), как С. Вэнс и З. Бжезинский. Таким образом, Джордан как бы бросал вызов ЦФК и, по стечению обстоятельств, в наиболее неизбежной до того час-

ти господства последнего — в области внешнеполитической. Посмотрим, однако, чем все это кончилось.

Мы сейчас не будем останавливаться на той весьма важной роли, которую сыграла в эволюции взглядов Дж. Картера и его ближайшего окружения такая, например, организация данного комплекса, как созданная в 1973 году по инициативе Д. Рокфеллера так называемая Трехсторонняя комиссия. К ней мы еще вернемся отдельно. Пока же мы рассмотрим, как осуществлялась корректировка мировоззрения будущего президента США (по введению его в должные рамки установок комплекса) со стороны более традиционных организаций и сил ЦФК.

Одним из таких ординарных методов «воспитания» любого кандидата давно уже стала поставка в его окружение советников-экспертов по всем, в том числе внешнеполитическим, проблемам. Так, вашингтонская юридическая фирма «Ковингтон энд Берлинг» в предвыборной кампании 1968 года ввела своего консультанта (Ч. Хорски) в окружение Р. Кеннеди. В кампании 1972 года ее эксперты консультировали двух кандидатов — сенатора Маски, у которого советником выступал К. Клиффорд, и сенатора Макговерна, ставшего официальным кандидатом демократической партии (в его аппарате осел партнер той же фирмы Дж. Дуглас). Не удивительно, что в 1976 году внешнеполитическим советником Картера стал бывший партнер «Ковингтон энд Берлинг» П. Уорнке.

Известно также, что в роли такого рода консультантов кандидатов в президенты выступают не только юридические, но и банкирские фирмы и другие институты финансовой олигархии. Причем один и тот же эксперт обслуживает зачастую не одного, а нескольких кандидатов. В предвыборной президентской кампании 1976 года тот же П. Уорнке обслуживал кроме Картера и другого кандидата — М. Юдола, а Джордж Болл («Лимен бразерс»), помимо Картера, консультировал и сенатора Джексона, пока у того были шансы.

То, что такие консультанты призваны натаскивать желающих попасть в президенты США, обтесывать острые углы их позиций и приводить их к общему знаменателю, уже настолько очевидно, что никем в США не оспаривается. Где, однако, делается подтасовка — так это в попытках представить этих консультантов членами не-

когого «сообщества внешнеполитических специалистов», оторванного от всякой почвы. Утверждается, что ныне, мол, не в пример тем временам, когда политическую платформу диктовали кандидатам банковские и юридические фирмы, «внешнеполитические менеджеры» бескорыстно делают лишь «техническую» работу. Над установлением этой дымовой идеологической завесы на выборах 1976 года особенно поработал корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Л. Гелб, регулярно дававший в своих статьях эту направленную информацию²⁰. Бывший сотрудник Института Брукингса, он закончил серию этих статей тем, что в январе 1977 года получил пост директора отдела военно-политических проблем госдепартамента.

На самом деле, разумеется, мнимо независимые внешнеполитические советники кандидатов являлись и являются частью структуры ЦФК. В непосредственном окружении, в частности, кандидата Картера были представлены кроме упомянутых выше Уорнке и Болла следующие лица и соответственно институты комплекса: прошлый, настоящий (в то время) и будущий (с января 1977 г.) председатели правления Фонда Рокфеллера — Раск, Вэнс, Хесбург; два старших научных сотрудника Института Брукингса (Шульце и Оуэн); президент Совета по международным отношениям Мэннинг; партнер «Браун бразерс, Гарриман» А. Гарриман; партнер «Диллон, Рид» Нитце; партнер «Крават, Свэйн энд Мур» Гинзберг. Итак, в общей сложности 11 почти исключительно перворазрядных представителей комплекса.

В этих условиях провинциальный аппарат самого Картера был подмят. За три недели до выборов один из членов этого аппарата — так называемого Бюро планирования политики — Джек Уотсон заявил прессе: «Мы не даем советы Джимми, и мы не будем давать ему советы в подлинном смысле этого слова, если он победит. Что мы делаем, так это пытаемся складировать информацию, которую должен иметь любой президент, чтобы принимать решения. Мы собираем разумные варианты, а не делаем политику»²¹. Кустарный характер этого доморощенного бюро был очевиден. Оно организовало, например, дотошный опрос сотен бывших чиновников госаппарата, бизнесменов и т. д. с целью получить их оценку и предложения по внешнеполитическим проблемам. Собрав, таким образом, в общей слож-

ности 135 отдельных бумаг-предложений, оно занялось нелепым выделением чего-то среднеарифметического — «подлинного синтеза», как выражался Уотсон.

Но уже было ясно, что будущее не за провинциалами и не за популистами. На первой же пресс-конференции после избрания его президентом Дж. Картер заявил, что в отношении примерно 75 высших постов в его правительстве он будет в каждом случае «спрашивать рекомендации у знающих людей в стране». Через месяц на другой пресс-конференции он рассказывал: «Я трачу по 6—8 часов в день, обзванивая различных людей в стране, которым я доверяю и которые имеют особые знания в том, что касается, например, внешней политики или оборонных возможностей, или финансов, или международной и внутренней торговли, или здравоохранения, образования и социального обеспечения, или чего там еще, спрашивая их совета о том, чью кандидатуру следует рассмотреть на пост в кабинете или на более низкий пост». От себя американская пресса добавляла, что речь идет о звонках Картера группе примерно в 25 лиц. На последующей пресс-конференции Картер, все еще не вступивший к тому времени на президентский пост, начал одну из фраз следующим образом: «Когда несколько недель тому назад я стал обзванивать *руководителей нашей страны* (выделено нами. — Р. О.), чтобы попросить их рекомендаций на посты министра обороны, государственного секретаря, директора Административно-бюджетного управления, министра финансов и на многие другие посты...»²².

Кому конкретно звонил избранный президентом Картер, так и осталось тайной. Впрочем, некоторое представление об отражении этих интересов дает анализ состава тех групп, с которыми Картер встречался в те же дни и с теми же целями — подобрать министров и наметить политику. 1 декабря 1976 г., например, он встретился с 16 «советниками по вопросам экономики»; среди них были 4 сотрудника Института Брукингса, попечитель Фонда Рокфеллера, партнер «Браун Бразерс, Гарриман», председатель правления концерна «Дюпон» и 3 профессора из Гарварда. Через неделю Картер имел встречу с 15 ведущими бизнесменами, среди которых были Генри Форд II, председатель банка «Морган гаранти» Э. Паттерсон (являющийся также попечителем Фонда Карнеги), еще один директор «Морган гаранти»

П. Остин — глава компании «Кока-кола», снова председатель правления концерна «Дюпон» И. Шапиро и главы таких крупнейших компаний, совместно контролируемых ЦФК, как «Америкэн телефон энд телеграф», «Дженерал электрик», ИБМ и др.

Вскоре как прямой результат всех этих контактов «длинные списки» кандидатов, в которых числилось по 12—15 лиц почти на каждый из 75 ключевых постов в администрации, стали превращаться в «короткие списки» (по 2—5 кандидатов). По мере прояснения ситуации становилось все более очевидным, что предвыборные обещания Картера о появлении «новых лиц» в его кабинете придется отложить.

Это особенно касалось двух таких категорий постов, как внешнеполитические и военные. Назначенный помощником избранного президента Г. Джордан заявил прессе, что его прежние замечания о невозможности появления Вэнса и Бжезинского в правительстве Картера были «довольно глупыми». В свою очередь, газета «Нью-Йорк таймс», анализируя в редакционной статье назначения в кабинет Картера, с удовлетворением отмечала, что вообще-то «он мог бы символизировать свержение старого Восточного истеблишмента — юридических фирм, фондов, банкирских домов и университетов, расположенных в коридоре Бостон — Вашингтон, — если бы (в его кабинете. — *Р. О.*) была собрана группа, не имеющая связей с этими институтами»²³. Констатируя, что этого не произошло и что Картер предпочел новым лицам опытных людей, газета, в частности, подчеркивала: «Именно потому, что внешняя политика является областью, в которой Картер имеет меньше всего опыта, советы, которые будут даваться ему его новой внешнеполитической командой, будут иметь критическое значение»²⁴.

К тому времени ключевые внешнеполитические посты прочно оказались в руках представителей головных организаций ЦФК, и прежде всего Рокфеллеров. Подбор кандидатов на должности, меньшие министерского калибра, как и разработка политической линии министерств, также происходил либо под надзором, либо под прямым руководством представителей комплекса. Так, Картером была создана «команда на переходный период» между двумя администрациями, которая должна была готовить позиции и кадры в области внешней и во-

енной политики. Она состояла из примерно полутора десятков экспертов. Задача этой ударной группы, по словам газеты «Вашингтон пост», состояла в подготовке папок-инструкций для будущих «делателей» политики в администрации Картера. Такие разработки должны были содержать, во-первых, указания на важнейшие проблемы, стоящие перед каждым министерством, и, во-вторых, рекомендации о вариантах их возможного решения²⁵. Руководителем секции по международным экономическим проблемам в этой группе стал сотрудник Института Брукингса Ф. Бергстен, а в секцию по внешнеполитическим вопросам вошли секретарь Фонда Карнеги Ч. Мэйнс и один из старших научных сотрудников этого фонда Д. Макгенри (все трое затем заняли высокопоставленные должности в администрации Картера). Инструкции будущим министрам, таким образом, вновь готовились под прямым присмотром представителей интересов ЦФК, а сами кандидаты на эти посты представляли те же интересы.

Прежде чем закончить данный раздел, следовало бы особо подчеркнуть, что один из признанных столпов данного воздействия — Институт Брукингса стал готовиться к новому раунду такого консультирования сразу после президентских выборов 1976 года.

Если до окончания упомянутых выборов институт зачастую именовался «теневым кабинетом» демократов или их «правительством в изгнании», то немедленно после выборов положение изменилось. Газета «Нью-Йорк таймс» выступила в те дни со статьей «Начинается формирование следующего теневого кабинета». В ней говорилось: «Представляется более чем вероятным, что некоторые из беженцев — ученых из умирающей республиканской администрации могут обрести крышу в Институте Брукингса... Таким образом, кажется вероятным, что в дальнейшем в Институте Брукингса будут ученые, которые обеспечат критику политики администрации Картера»²⁶. Итак, институт, не теряя времени, снова сменил свою партийную вывеску. Теперь он готовит будущую администрацию республиканцев.

Впрочем, остается не столько сам Институт Брукингса — он лишь производное, — а прежде всего его неизменные доноры. Остаются фонды, воздействующие на государственный аппарат (и на тех, кто собирается становиться во главе его) не только через этот институт, но

и через всю систему такого воздействия, созданную ими и отработанную десятилетиями. Остается и держит в своих руках важнейшие узлы политики крупнейшей империалистической державы ее центральный финансовый комплекс.

Конечно, при этом контроле данного комплекса, несущем доминирующий характер, присутствуют и выкраивают себе эпизодическое влияние и позиции и другие организации правящего класса. Ниже мы увидим, что это за организации и насколько ощутимо их воздействие на внешнюю политику США. А пока посмотрим на новейшее детище ЦФК, и прежде всего Рокфеллеров, в области обеспечения новых тактических разворотов внешней политики США.

3. Новое оружие

Система подбора идей и людей для проведения внешнеполитического курса, отработанная ЦФК, способна по мере надобности порождать варианты такого воздействия. Наглядным свидетельством этого является созданная в июле 1973 года по инициативе Д. Рокфеллера Трехсторонняя комиссия.

Само рождение ее было фактическим признанием того, что американский империализм, считавший некогда свои возможности безграничными, не может уже в одиночку противостоять новым тенденциям и силам на международной арене. Была объявлена мобилизация совместных усилий сразу трех центров мощи системы империализма — США, Западной Европы и Японии. Существование новой доктрины «трехсторонности» было сформулировано журналом «Форин афферс» следующим образом: «Объединенный фронт развитых промышленных обществ Запада представлялся многим наблюдателям единственным эффективным путем — как для того, чтобы противостоять новым требованиям и воинственным действиям третьего мира (таким, как бойкот в 1973 г. со стороны ОПЕК), так и для того также, чтобы ответить на перспективную угрозу такого Советского Союза, который имеет новосозданные глобальные военные возможности»²⁷.

Нас, впрочем, интересует сейчас не столько стратегическое существо новой доктрины, сколько механизм

принятия ее на вооружение Запада. Будучи рождена частной империей Рокфеллеров, она в течение двух-трех лет проделала путь до официальной внешнеполитической доктрины США. Если нужен был пример полного господства центрального финансового комплекса над внешней политикой крупнейшей империалистической державы, то история Трехсторонней комиссии, несомненно, является одним из наиболее убедительных.

Генезис «трехсторонности» берет свое начало с книги З. Бжезинского «Между двумя веками», опубликованной в 1970 году. Именно в ней впервые была выдвинута идея «сообщества развитых стран». Однако для того, чтобы эта идея привлекла внимание, ей не хватало солидной поддержки. Только после того, как в конце 1971 года ею заинтересовался Институт Брукингса, она стала набирать силу. Институт не только посадил за ее разработку собственных научных работников, но и привлек к этому японский центр экономических исследований и институт университетских исследований «Общего рынка». Результаты этих предварительных изысканий обратили на себя внимание главы «Чейз Манхэттэн бэнк» Д. Рокфеллера.

В течение 1972 года Д. Рокфеллер трижды прокатывал идею «трехсторонности» на расширенных заседаниях правления банка, стремясь привлечь к ней интерес, но безуспешно. Стоило, однако, ему вынести ее на заседания так называемой Бильдербергской группы — системы традиционных встреч представителей крупнейших компаний капиталистического мира, как положение резко изменилось. Идея «трехсторонности» была принята на вооружение. Трехсторонняя комиссия родилась, получив деньги от Фонда Форда и Фонда братьев Рокфеллеров.

Характер источников финансирования не допускал, чтобы доктрина «трехсторонности» имела партийные ограничения. Она адресовалась в одинаковой степени как республиканской администрации, находившейся у власти, так и демократической партии, пребывавшей тогда в оппозиции. Действительно, обе стороны не только откликнулись на нее, но между ними началось настоящее соревнование за бóльшую лояльность новой доктрине. Накануне президентских выборов 1976 года журнал «Форин афферс» с удовлетворением констатировал: «В Соединенных Штатах — во всяком случае, в том, что ка-

сается высших слоев — трехсторонность стала почти согласованной позицией в области внешней политики... В этом отношении едины и администрация Форда, и бросающий ей вызов губернатор-демократ Картер»²⁸.

Во всяком случае, находившаяся у власти администрация Форда—Киссинджера подавала все признаки полной готовности подстроиться под «трехсторонность», скорректировав «ошибки» Никсона.

В свой первый официальный вояж за границу в качестве президента Форд отправился в Японию. Организованные им встречи на высшем уровне лидеров западных стран в Рамбуйе и Пуэрто-Рико не менее явно отдавали приверженностью идее «трехсторонности». Форд немедленно последовал и рекомендации Трехсторонней комиссии о необходимости срочной нормализации американо-французских отношений. В качестве показателя своей лояльности он пригласил Д. Рокфеллера быть свидетелем его встречи с президентом Франции Жискаром д'Эстэнном в 1975 году на острове Мартиника.

Киссинджер, в свою очередь, всячески демонстрировал собственную приверженность идее «трехсторонности». В мае 1976 года он принял делегацию Трехсторонней комиссии, представившую ему свои рекомендации. В июне 1976 года, выступая в Лондоне в Международном институте стратегических исследований, он активно следовал основным установкам «трехсторонности». Одним словом, правящая партия республиканцев свидетельствовала свою полную готовность принять на вооружение подновленные внешнеполитические установки Рокфеллеров.

Последние, однако, предпочитали придерживаться беспримысленной линии. Доктрину «трехсторонности» следовало обезопасить от всяких случайностей на президентских выборах. А для этого нужно было заблаговременно сплотить вокруг ее устоев и демократов.

В этом плане губернатор штата Джорджия демократ Джимми Картер давно уже привлекал к себе внимание Рокфеллера. Прежде всего, сам штат Джорджия и его столица Атланта имели проверенные слуховые посты ЦФК. Атланта была штаб-квартирой одного из 36 филиалов Совета по международным отношениям и одного из четырех региональных отделений Ассоциации внешней политики. Крупные интересы в Атланте имели и непосредственно Рокфеллеры. Одним из высших учеб-

ных заведений США, вложения Рокфеллеров в которое превратили его в «наиболее вызывающий символ рокфеллеровского патернализма»²⁹, является Спеллмановский колледж в Атланте. Рокфеллеры вложили также миллионы долларов в Атланте на образование и подготовку кадров из местного черного населения. Только в 1967—1971 годах фонды Рокфеллера и Форда предоставили около 500 тыс. долл. негритянскому университетскому центру в Атланте. В целом, таким образом, именно в столице штата Джорджия ЦФК и прежде всего Рокфеллеры имели один из своих важных опорных пунктов на Юге страны.

Избранный губернатором штата Джорджия в 1970 году Дж. Картер, вскоре после того как он принял присягу на должность, вступил в контакт с Д. Рокфеллером. С помощью Рокфеллера Картер встретился с видными нью-йоркскими банкирами. Необходимость такой встречи была мотивирована тем, что штат Джорджия разместил много ценных бумаг в Нью-Йорке. Картер имел возможность продемонстрировать свой «интернационализм», открыв деловые конторы штата Джорджия в Брюсселе и Токио. В этих условиях неудивительно, что когда создавшаяся Трехсторонняя комиссия решила «для представительности» включить в свои ряды губернатора одного из южных штатов США, то выбор пал именно на Картера.

В качестве члена Трехсторонней комиссии Картер к началу 1975 года посетил четыре из шести ее заседаний. В своей книге «Почему не самое лучшее», выпущенной уже в разгар его предвыборной кампании, Картер писал: «Для обеспечения постоянной возможности глубокого анализа сложных, важных и современных вопросов внешней политики действует организация — так называемая Трехсторонняя комиссия... Темы, такие как мировая валютная система, экономические отношения между бедными и богатыми странами, мировая торговля, энергетика, будущее морей, помощь менее развитым странам и другие возможности понимания и сотрудничества, вначале исследуются учеными, затем обсуждаются членами комиссии, и, наконец, анализ публикуется и рассылается лидерам мира. Членство в этой комиссии дало мне превосходную возможность учебы, а многие из других членов помогли мне изучить внешнюю политику»³⁰.

«Обучение» кандидата в президенты в Трехсторонней комиссии проходило настолько успешно, что уже в мае 1975 года, в ходе заседания комиссии в Токио, ее председатель З. Бжезинский приветствовал губернатора как «политического лидера, у которого есть мужество прямо выступать по трудным политическим вопросам»³¹.

23 июня 1976 г. кандидату в президенты США от демократической партии Картеру была предоставлена возможность выступить перед самой квалифицированной аудиторией. Встреча с крупными бизнесменами в респектабельном нью-йоркском отеле «Уолдорф—Астория» была организована Ассоциацией внешней политики. Кандидат в президенты успешно сдал внешнеполитический экзамен. «Настало время, — заявил он, — установить партнерство между Северной Америкой, Западной Европой и Японией»³². Это был лозунг Трехсторонней комиссии. Остальная часть речи также была выдержана в духе кредо комиссии.

История подготовки этой речи, ставшая известной позже, лучше всего объясняет ее содержание. Первый ее проект был написан директором-основателем Трехсторонней комиссии З. Бжезинским. Он был согласован с А. Гарриманом из «Браун бразерс, Гарриман» и с председателем Фонда Рокфеллера С. Вэнсом. Затем речь дорабатывалась с участием Джорджа Болла из «Линмен бразерс».

Впрочем, кроме текста речи Картер получил от Трехсторонней комиссии и полный комплект экспертов, ориентировавших его по внешнеполитическим вопросам в ходе предвыборной кампании: 16 из 80 американских членов комиссии стали его внешнеполитическими советниками. После победы Картера на выборах все эти лица (плюс еще некоторые члены комиссии) получили видные посты в его администрации, связанные с внешней политикой. Ниже следует перечисление этих постов, занятых членами Трехсторонней комиссии: вице-президент США (У. Мондейл); государственный секретарь (С. Вэнс), два его первых заместителя (У. Кристофер и Р. Купер) и три заместителя (Р. Холбрук, Л. Джарвис и Л. Бенсон); министр финансов (М. Блюменталь) и два его заместителя (Ф. Бергстен и А. Соломон), министр обороны (Г. Браун); помощник президента по вопросам национальной безопасности (З. Бжезинский) и сотрудник Совета национальной безопасности (С. Хан-

тингтон); советник президента по экономическим вопросам (Г. Оуэн); директор Агентства по контролю за вооружениями и разоружению (П. Уорнке); послы — в Италии (Р. Гарднер), Китае (Л. Вудкок), представители США при ООН (Э. Янг) и на Конференции ООН по морскому праву (Э. Ричардсон), а также заместитель директора ЦРУ (Р. Боуи).

В этом списке бросается в глаза одна особенность: все перечисленные выше 20 членов Трехсторонней комиссии и соответственно внешнеполитического аппарата Картера, кроме двух — Л. Бенсон и Э. Янга, являются одновременно членами СМО, а четверо — даже членами руководства СМО (его директорами). Иначе говоря, сама Трехсторонняя комиссия — это всего лишь новый филиал все того же внешнеполитического механизма ЦФК.

Особенность Трехсторонней комиссии состоит лишь в том, что ее назначение — скоординировать не только политику самих США за рубежом, но и других западных стран. Соответственно в числе неамериканских членов Трехсторонней комиссии представлены такие известные неамериканские монополии, как англо-голландские тресты «Ройал датч-Шелл» и «Юнилевер», западногерманский концерн Тиссена, итальянская автомобильная компания ФИАТ, японская Федерация экономических организаций и т. п.

Все это так, и удивляться можно только одному — безраздельному, абсолютному господству, которым располагает над внешней политикой США центральный финансовый комплекс. Любые нюансы его пожеланий, любая подсказываемая им корректировка внешнеполитического курса неизбежно становятся реальностью внешней политики США. И опять — на этот раз в «трехсторонности» — отчетливо выступает ведущая роль Рокфеллеров.

После всего сказанного не требует пояснений тот факт, что одной из первых внешнеполитических акций нового президента была посылка им вице-президента Мондейла с визитом в страны Западной Европы и Японию. Трехсторонняя комиссия и ее инициаторы могли быть удовлетворены.

4. Послы бизнеса в Вашингтоне

Перейдем к рассмотрению такой формы воздействия американских монополий на политику государственной власти, как оказание ими влияния на нее с помощью своих специальных представителей в Вашингтоне. Без анализа этого наиболее распространенного метода воздействия обойтись просто невозможно. Тем более что именно о нем больше всего говорят и пишут в США. Речь идет как о собственных «посольствах» корпораций в американской столице, так и об услугах профессиональных «толкачей», каждый из которых представляет интересы многих компаний. Те и другие могут быть объединены общим понятием «лоббисты монополий».

В данном случае для экономии времени лучше всего идти дедуктивным путем.

Довольно шумная огласка, которой давно уже подвергается деятельность лоббистов (людей, которые, казалось бы, заинтересованы в отсутствии рекламы), — это своего рода «прикрывающая операция». На самом деле лоббисты — своего рода парии большого бизнеса. Каждый из них должен регистрироваться, получив таким образом публичное клеймо. В то же время куда более могущественные институты финансовой олигархии, выполняющие аналогичные функции, регистрироваться ни подобным, ни иным образом не обязаны. Не подвержены они и опасности оказаться на скамье подсудимых, на которую попадают время от времени незадачливые лоббисты.

Три факта позволяют сразу верно вписать лоббистов на принадлежащее им место в механизме доведения воли правящего класса до сознания правительственных чиновников, управляющих, так сказать, по доверенности класса.

Первый из них состоит в том, что наиболее могущественные представители и ассоциации частного капитала, как правило, либо вообще не обращаются к услугам лоббистов, либо используют их лишь в качестве дополнительного, подсобного орудия. Так, хорошо знакомая нам гильдия «благотворительных» фондов вообще пренебрегает лоббистами, предпочитая им, почти исключительно, сервис юридических фирм как более солидных организаций. Большинство промышленных компаний также обходится без услуг лоббистов, адресуясь или

к тем же юридическим фирмам, или к более широким политическим организациям бизнесменов. Как бы то ни было, лоббизм — это не орудие главных хозяев капиталистической Америки, хотя это и, несомненно, орудие класса буржуазии.

Второе критически важное обстоятельство — это, что лоббисты вообще располагают далеко не ключевыми каналами воздействия на государственную политику. Они больше контактируют с законодательной (конгресс), чем исполнительной (правительство) властью. Они имеют скорее не постоянные, а периодические, если не эпизодические, контакты. Они действуют чаще на среднем и низком, чем на высшем, уровне. В целом, таким образом, лоббизм не в состоянии обеспечить ни крупномасштабного, ни стабильного, ни по-настоящему эффективного воздействия.

Наконец, внешняя политика, со всем огромным числом вовлеченных в нее факторов, вообще плохо поддается воздействию лоббистских методов. Лоббистские организации по своей природе приспособлены к отстаиванию интересов, связанных, как правило, с получением конкретных правительственных контрактов и имеющих, таким образом, узкоприкладной характер. Они не в состоянии ни предвидеть влияния лежащих впереди внешнеполитических зигзагов на конкретные интересы представляемых ими компаний, ни предвосхитить сами эти зигзаги, ни тем более повлиять на разработку генерального курса государственного корабля. Для этого есть другие, специализированные институты — юридические фирмы, фабрики идей и т. д. Лоббисты в этом отношении просто кустари.

Несмотря на все высказанные оговорки, посмотрим все же на некоторые суммированные данные о том, как функционируют в Вашингтоне посольства компаний и каста лоббистов. Тем более что такой интерес к ним считает нужным проявить «старший брат» лоббистов — институт филантропических фондов с подопечными ему организациями.

В 1957—1959 годах фирма «Маккинзи», Институт Брукингса и Гарвардский университет объединили усилия, для того чтобы исследовать три элемента, воздействующих на разработку правительственной политики. Это были, во-первых, деятельность собственно правительственных чиновников, во-вторых, активность пред-

ставителей бизнеса и, в-третьих, работа членов американского конгресса.

В опубликованной Институтом Брукингса книге «Представитель бизнеса в Вашингтоне», подводившей итоги второго из упомянутых исследований, подчеркивалось следующее³³: «Послы бизнеса» развивают активность в столице по таким четырем направлениям, как 1) осуществление функций «подслушивания», то есть получения информации; 2) предложение собственных услуг правительственным агентствам; 3) подталкивание действий правительства; 4) доведение точки зрения компании до правительственных чиновников по широкому спектру проблем. Хотя при этом отмечалось важное значение всех четырех функций, в исследовании неоднократно делались ссылки на то, что во многих случаях представители компаний в Вашингтоне для придания большей эффективности своим действиям не полагались только на свои собственные усилия. Они предпочитали обращаться к более широким организациям бизнесменов — их торговым и другим ассоциациям, к юридическим фирмам и, наконец, к лоббистам-профессионалам, или наемным лоббистам. Если что и следовало из такого исследования, так это то, что активность, даже самая кипучая, отдельных компаний в американской столице никак не могла представить сколько-нибудь серьезной конкуренции доминирующему влиянию ЦФК. Они собирали лишь крохи с правительственного стола.

Более того, изучение положения в этом отношении было использовано его инициаторами, для того чтобы укрепить свой контроль над «самодеятельностью» отдельных компаний. В 1963 году «Маккинзи» и Институт Брукингса предложили поставить эпизодические до того встречи представителей корпораций и правительственных чиновников на регулярную основу. Возникшая из этого система регулярных семинаров финансировалась Фондом Карнеги и руководилась Институтом Брукингса. Из нее впоследствии выросла (при президенте Джонсоне) президентская комиссия по обмену персоналом. Это было постоянное агентство, направлявшее ежегодно несколько десятков бизнесменов на посты в государственном аппарате, а несколько десятков чиновников — на повышение квалификации в делах частного бизнеса. Институт Брукингса во всей этой программе организовывал instructивные лекции для тех и других.

Что касается лоббистов и лоббистских организаций в американской столице, то они не могли идти ни в какое сравнение с подшефными институтами комплекса. В принципе одних зарегистрированных лоббистских организаций в Вашингтоне около полутора тысяч. Деятельности американских лоббистов, направленной, например, на конгресс США, посвящена интересная работа Н. Г. Зяблюка «США: лоббизм и политика». В ней справедливо отмечается, что самой мощной организационной структурой лоббизма располагает большой бизнес³⁴. Можно согласиться с автором, что воздействие лоббистов на исполнительные органы США — это область, особенно скрываемая заинтересованными сторонами. Нельзя только забывать о том, что лоббизм — это вообще не орудие ЦФК во взаимоотношениях с правительством США. Это, в крайнем случае, — либо средство отдельных составных элементов комплекса в обеспечении гораздо более узких интересов, либо метод воздействия аутсайдеров на второстепенные эшелоны государственного аппарата. В том и другом случае — это далеко не самое действенное средство воздействия на политику США, тем более внешнюю политику.

Максимум того, на что могут рассчитывать самые солидные лоббисты, — это что им удастся установить тесный контакт с кем-либо из видных деятелей конгресса США. Министры и их заместители для них малодоступны. Известно, в частности, что когда Дж. Форд, будущий президент США, был лидером республиканского меньшинства в палате представителей США, то в числе своих давних друзей он имел лоббистов с весьма солидным стажем. Среди них были Родни Маркли, вашингтонский вице-президент компании «Форд мотор», находившийся на этом посту в течение 25 лет, и У. Уайт, являвшийся вашингтонским вице-президентом «Юнайтед Стейтс стил корп.» в течение 22 лет, а также Б. Харлоу, лоббист компании «Проктер энд Гэмбл». Один из более мелких лоббистов, Р. Уинтер-Бергер, заплатил своему коллеге 500 долл., чтобы быть представленным Дж. Форду. При одной из первых же встреч он услышал от него: «В Вашингтоне все решают деньги. Без них вы — труп». Несколько позже, когда у них уже сложились деловые отношения, Дж. Форд все же счел нужным предупредить Уинтер-Бергера следующим образом: «Как только вы сделаете первую ошибку, то, как бы близки мы ни были

к тому времени, между нами все будет кончено. Я скажу, что я даже не знаю вас»³⁵.

В числе лоббистов нередко оказываются и лица, обслуживавшие ранее видных конгрессменов. Так, Гэри Эвери, являвшийся вначале помощником сенатора У. Мондейла, нынешнего вице-президента США, затем стал лоббистом рокфеллеровского «Чейз Манхэттэн бэнк».

В целом, однако, лоббисты так и остаются в нижнем эшелоне средств давления крупного бизнеса на государственный аппарат США. Даже такие организации американского бизнеса, как Национальная ассоциация промышленников или Торговая палата США, хотя они и имеют собственных лоббистов, все же предпочитают опираться не столько на их услуги, сколько на мобилизацию поддержки со стороны входящих в них компаний.

Неплохую иллюстрацию ограниченности самих целей лоббизма дали разоблачения системы взяточничества американских компаний за границей, ставшие достоянием гласности в последние годы. К весне 1976 года 85 американских компаний признали, что они занимались такими взятками преимущественно в своих операциях за границей. К весне 1977 года число компаний, так или иначе подтвердивших подобные действия, перевалило за 300. Даже подтвержденные случаи таких взяток нередко превышали сумму в 10 млн. долл. Рокфеллеровская «Экссон», в частности, признала, что она истратила на взятки за границей порядка 50 млн. долл., «Нортроп» — 30 млн., «Локхид» — 22 млн. долл. и т. д.³⁶ Но лишь в меньшинстве из этих ситуаций деньги шли на политические цели — например, на финансирование деятельности буржуазных партий против коммунистов на выборах в Италии или на поддержку правых сил в Японии. В основном же эти взятки давались на проталкивание продукции данной компании на рынки той или иной страны.

Это лишний раз свидетельствует о том, что лоббизм обслуживает больше коммерческие, чем политические интересы американского бизнеса.

Своеобразной отраслью внешнеполитического лоббизма является отстаивание перед законодательной, а иногда и исполнительной властью США тех или иных иностранных интересов. По большей части эта деятельность осуществляется гражданами США. В одних слу-

чаях такие американцы непосредственно представляют за деньги интересы той или иной иностранной державы (или компании). В других случаях они косвенно обеспечивают эти интересы путем доведения до сведения соответствующих властей США «сочувственной» такой иностранной державе (компании) точки зрения американских граждан, являющихся выходцами из данной страны.

В 1977 году в США вышла книга на эту тему под броским названием «Продающие власть с лотка. Как лоббисты формируют внешнюю политику Америки»³⁷. Впрочем, прежде всего эта книга свидетельствует о том, что и данный вид лоббизма становится силой, лишь если он опирается на серьезные интересы правящего класса американской буржуазии. В целом же и такой лоббизм является уделом тех, кто не имеет альтернативных, более мощных средств давления.

Подлинным хозяевам экономики и политики США лоббировать ни к чему. Продажа в розницу мелких кусков власти их как оптовых покупателей просто не интересует.

Новым, однако, является то, что отстаивание лоббистами узких интересов своих клиентов вызывает уже прямое раздражение тех, кто присвоил себе право говорить от имени национальных интересов США — представителей ЦФК. Нельсон Рокфеллер в качестве вице-президента США неоднократно позволял себе проходить на этот счет. «Соединенные Штаты, — говорил он, — не могут представлять весь свой народ или собственные национальные интересы, если они будут пытаться — или если их будут принуждать — представлять специальные группы больше, чем национальные интересы в целом»³⁸.

Этими общими «антилоббистскими» заявлениями представителей ЦФК дело не ограничилось. Началась кампания по сведению до минимума самой возможности конкуренции во внешней политике со стороны кустарного лоббизма.

Средний и мелкий бизнес США традиционно обеспечивал защиту своих интересов через конгресс. Его сила была в том, что любой сенатор, и тем более член палаты представителей, зависит прежде всего от поддержки деловых кругов своего избирательного округа. Эту ограниченность конгресса, представляющего в первую оче-

редь узкие локальные интересы, и поставил целью обуздать ЦФК.

Первые залпы по институту лоббизма в конгрессе были даны в начале 1977 года на высшем уровне внешнеполитической машины комплекса. В январском номере журнала «Форин афферс» была опубликована программная статья президента СМО Мэннинга. Смысл ее состоял в следующем. Многие международные, прежде всего экономические, проблемы — такие, как, скажем, вопросы морского права и рыболовных зон, — стали все больше испытывать на себе ненужно усложняющее влияние близоруких интересов отдельных компаний, отстаивающих свои интересы через конгресс. Предупредить безответственность со стороны конгресса стало в таких условиях, по оценке Мэннинга, одной из важных внутренних задач США во имя обеспечения дальновидной внешней политики. Выдвинув ряд собственных конкретных предложений на этот счет, Мэннинг заключил достаточно откровенно: «Важной целью любой организационной реформы конгресса должно быть усиление институциональной поддержки и стимулов, с тем чтобы члены конгресса реагировали бы на перспективы национальной политики, а не просто на перспективы локальной политики»³⁹.

В целом, по его оценке, требовалось, чтобы частные интересы отдельных компаний, гипертрофированно выраженные через конгресс, не могли более срывать действия правительства США в «национальных» интересах.

Как видно, это было лишь развитие той темы, которая была начата Н. Рокфеллером. Но, раз начавшись, кампания разворачивалась все шире. В середине 1977 года СМО опубликовал апробированную им книгу Г. Аллисона и П. Зантона «Перестройка внешней политики: организационная часть». Одним из главных ее тезисов также был упор на необходимость усиления полномочий исполнительной, в противовес законодательной, власти США во внешней политике. Президент Фонда Карнеги Т. Хьюз тут же отозвался об этой книге как о последнем слове в реорганизации внешнеполитической машины США. Тщательная оркестровка кампании налицо.

Пока трудно сказать, чем конкретно закончится заявка ЦФК на то, чтобы подмять полностью лоббистов — во всяком случае, в том, что касается интересов и по-

зиций американского империализма на международной арене. Скорее всего, на ее реализацию потребуется значительное время. Но направленность этой заявки не вызывает никаких сомнений в серьезности ее авторов.

Более того, в данном случае вновь подтверждается та истина, что если ЦФК ставит какую-либо важную политическую задачу, то государственный аппарат США незамедлительно подключается к ее осуществлению. Когда летом 1978 года президент Картер официально выступил за отмену права вето, которым располагает конгресс США над действиями исполнительной власти внутри и вовне страны, то это мотивировалось в том числе и целесообразностью развязать руки правительству США во внешнеполитической области. Решительная позиция администрации против вето законодательной власти объяснялась весомостью поддержки, на которую она опиралась в этом отношении. Центральный финансовый комплекс вновь выступил подлинным вдохновителем инициатив администрации.

КАК ДЕЛАЕТСЯ ПОЛИТИКА

1. Под знаменем антисоветизма

Предыдущие главы дали нам понимание глубинных пружин внешней политики ведущей державы капиталистического мира. Мы ознакомились со всем сложным механизмом, обеспечивающим решающую роль центрального финансового комплекса в принятии и проведении важнейших внешнеполитических решений. Задача состоит теперь в том, чтобы проанализировать, как именно делается внешняя политика США под воздействием указанных факторов в тех или иных конкретных условиях.

Учитывая, что рассматриваемые нами хронологические рамки охватывают более трех десятков лет, данная глава по необходимости должна носить фрагментарный характер. Мы остановимся в основном лишь на некоторых узловых направлениях и проблемах внешней политики США после второй мировой войны, с тем чтобы проследить конкретную направляющую деятельность во внешней политике США американских финансовых магнатов — их интересов, их институтов и их людей.

Основной вопрос, с которым сталкивается любой историк послевоенного периода, состоит в том, как именно от сотрудничества с Советским Союзом в антифашистской коалиции Соединенные Штаты повернули к политике почти патологической вражды и военной конфронтации. Политическая история данного периода уже достаточно изучена. Поэтому имеет смысл рассмотреть, каковы были установки и практические акции в этой связи американских монополий.

В конечном счете именно интересы американского

монополистического капитала и его ведущих групп придавали с самого начала двойственный характер участию США во второй мировой войне. Если для американского народа это была прежде всего антифашистская война, то для американских монополий это было также и нечто другое. Это была борьба за поражение опасно усилившихся империалистических конкурентов — Германии и Японии, борьба за подчинение себе ослабленных союзников — Англии и Франции, борьба за установление на этой базе мирового господства самого американского финансового капитала.

Планировавшееся финансовыми магнатами США послевоенное устройство мира имело все характеристики новоявленной империи. Об этом говорит проведенное американскими публицистами Л. Шупом и У. Минтером исследование установок, разрабатывавшихся главным оперативным штабом американской финансовой олигархии — Советом по международным отношениям в 1940—1941 годах, накануне вступления США во вторую мировую войну. Такой анализ содержится в опубликованной ими в 1977 году книге «Имперский мозговой трест. Совет по международным отношениям и внешняя политика Соединенных Штатов». Вот конкретные факты, приводимые Л. Шупом и У. Минтером ¹.

В рамках начатого СМО летом 1940 года исследования мир был разделен на своего рода группировки, или блоки, — Западное полушарие, Британская империя, континентальная Европа и район Тихого океана. Были составлены схемы расположения, производства и торговли всеми важнейшими сырьевыми товарами и продукцией обрабатывающей промышленности. Об основательности анализа свидетельствовал тот факт, что схемы охватывали 95% всей мировой торговли по каждому товару. Конечным результатом исследования был вывод о том, что «континентальному европейскому блоку», включавшему в себя территории европейских стран, оккупированных к тому времени фашистской Германией, должен был быть противопоставлен блок, охватывающий сразу и Западное полушарие, и Британскую империю, и Дальний Восток. К рынкам такого объединения должен был быть обеспечен свободный доступ американских монополий. В меморандуме, венчавшем исследование на эту тему, прямо говорилось, что цель политики США в создании подобного блока под своей эги-

дой должна была состоять в том, чтобы достигнуть военного и экономического превосходства США в «негерманском мире».

В течение 1941 года эта идея была углублена и отшлифована. Частью ее стала также необходимость заставить Японию смириться с этими американскими планами. В конце концов охватываемый щупальцами США блок получил название «Великого района». В нем «пространство для расталкивания локтями» должны были обеспечить для США Западное полушарие, Англия и Британская империя, голландская Ост-Индия, Китай и Япония.

Созданный госдепартаментом США в сентябре 1941 года по предложению СМО Консультативный комитет по послевоенной внешней политике, как показывают Л. Шуп и У. Минтер, принял доктрину «Великого района» к практическому руководству. Через неделю после вступления США во вторую мировую войну один из лидеров этого проекта писал своему коллеге о том, что США «должны принять на себя мировую ответственность... Степень нашей (США. — Р. О.) победы будет степенью нашего господства после победы».

Таким образом, разработанный СМО план мирового господства США по происхождению и целям отражал установки главных групп американской финансовой олигархии. Органической составной частью этого плана не мог не стать (и вскоре действительно стал) антисоветизм. Советский Союз был, конечно, очевидным препятствием на пути создания всемирной американской империи.

Уже в мае 1942 года тогдашний председатель СМО Норман Дэвис заявил о том, что в Восточной Европе должен быть создан «буфер» против СССР. Более детальные разработки этой идеи, осуществленные совместно СМО и госдепартаментом США к октябрю 1942 года, предусматривали создание в этих целях некоей «восточноевропейской федерации». Предполагалось связать ее таможенным союзом, иметь единый центральный банк и объединенную транспортную систему. Конечной целью было создание политического образования от Балтики до Греции, которое должно было быть сколочено вопреки возражениям Советского Союза и направлено против него. То, что данные планы оказались химерой, отнюдь не перечеркивает того факта, что, по за-

мыслам американской финансовой олигархии, антисоветизм должен был стать одной из главных черт строительства послевоенной империи США.

Антисоветские выкладки, делавшиеся СМО в самый разгар войны с фашизмом, не были ни единственными, ни случайными. В этой связи весьма любопытна одна «частная» внешнеполитическая доктрина, касавшаяся послевоенного устройства мира. Она была разработана также в разгар войны крупнейшей автомобильной компанией США «Дженерал моторс». Являясь кондоминиумом ряда американских финансовых групп (Морганов, Дюпонов и др.), эта компания, как можно полагать, тем самым довольно правомерно отражала взгляды Уолл-стрита в целом.

Еще в 1942 году в рамках «Дженерал моторс» была создана некая «Группа планирования послевоенной политики». Перед ней была поставлена задача дать оценку того, как должен был выглядеть в политическом и экономическом отношении послевоенный мир. 23 февраля 1943 г. (ровно через три недели после завершения переломной для второй мировой войны Сталинградской битвы) группа закончила свою работу и представила руководству компании доклад, отрывки из которого приводятся в мемуарах многолетнего главы «Дженерал моторс» А. Слоуна². Они стоят того, чтобы их процитировать, тем более что, по признанию Слоуна, данный документ «был руководящим принципом значительной части нашего (руководства компании. — Р. О.) мышления» относительно послевоенного устройства мира.

Одним из важнейших выводов доклада было положение о том, что после второй мировой войны США должны от изоляционизма перейти к интервенционизму. «С учетом опыта последней четверти века, — говорилось в документе, — Америка не уйдет вновь в положение изоляции от мировых проблем и деятельности, которые, если им будет позволено остаться без американского руководства, вмешательства и поддержки, уже обернулись и могут снова обернуться в направлении, совершенно противоположном нашим интересам». Далее в докладе обращалось внимание на возможности и целесообразность послевоенного блокирования США с Англией. В отношении самой Англии отмечалось «несомненно растущее понимание того, что будущее благосостояние и безопасность Британского содружества могут быть

наилучшим образом ограждены путем более тесного политического сотрудничества с Соединенными Штатами».

Наиболее показательна, однако, часть доклада, касавшаяся непосредственно Советского Союза. Вначале, как нечто само собой разумеющееся, констатировались миролюбивые устремления СССР: «В свете имеющейся сегодня информации мы полагаем, что доминирующая центральная линия русской политической мысли будет по-прежнему выражаться в категориях мирного развития». Тревога выражалась лишь по поводу вероятного дальнейшего распространения в мире коммунистической идеологии. «Мы полагаем, — говорилось в этом отношении, — ...что русская социальная и политическая философия... будет продолжать распространяться за границы России в те районы, где условия благоприятствуют их принятию и развитию...»,

Вот здесь-то и начинается главное в докладе. В нем в качестве «наиболее эффективного средства противодействия распространению этой русской философии» рекомендовалось установить «определенные линии демаркации или раздела к западу, югу и к востоку от Советского Союза.,, вовне которых будет преобладать точка зрения США и Англии». Откровенно приводились и причины противодействия социальному вызову Советского Союза: «Основываясь на прошлом опыте, можно сказать, что районы, находящиеся под сильным влиянием России, после войны, вероятно, не будут представлять собой благоприятную почву для нашего типа бизнеса».

Приводя в своих мемуарах эти выдержки из названного документа, А. Слоун заключает: «Я думаю, что могу суммировать наше видение военного времени, сказав, что мы ожидали нечто вроде „холодной войны“». Но эти цитаты свидетельствуют о большем. Враждебная СССР политика со всеми ее ставшими позднее очевидными атрибутами (англо-американская «ось», упор на «сдерживание» СССР за «линиями демаркации» и т. п.) сознательно планировалась и активно выдвигалась одной из крупнейших американских монополий в качестве основы послевоенной политики США, несмотря на то что в миролюбии СССР у нее самой не было никаких сомнений. Военное противодействие социальному вызову коммунизма было, таким образом, продуманной инициативной установкой тех кругов в США, которые были озабочены прежде всего расширением сфер для

своего «типа бизнеса», планированием мирового господства американского империализма.

Итак, «холодная война» была тайно рождена задолго до ее официального крещения, которым более или менее единодушно считается фултонская речь У. Черчилля в марте 1946 года. Свидетельство этого — не только в выкладках из планов СМО и «Дженерал моторс». Подобные установки на послевоенный период были присущи значительному большинству представителей американского монополистического капитала.

Политика «с позиции силы», являвшаяся другой стороной той же медали, откровенная ставка на военную мощь США также выявились заранее. Президент компании «Дженерал электрик» Чарлз Вильсон, являвшийся в годы второй мировой войны одним из координаторов мобилизационных усилий США в промышленности (а позднее министром обороны при Трумэне), уже в 1944 году высказался за налаживание тесного сотрудничества между американскими военными и монополиями на основе создания «постоянной военной экономики»³. В свою очередь, партнер «Кун, Леб» Страус без труда убедил в том же, 1944, году партнера «Диллон, Рид» Дж. Форрестала, оказавшегося к тому времени у кормила разраставшегося Пентагона, в том, что запрашивать дальнейшие военные ассигнования у конгресса нужно до окончания второй мировой войны, пока эмоции военного времени еще сильны⁴.

Разумеется, Рокфеллеры также не могли остаться в стороне от искушения опереться на грубую силу во внешнеполитической стратегии. Более того, из всех членов американской финансовой олигархии они, пожалуй, более чем какое-либо иное семейство приложили для этого максимум усилий. Известно, что 23 руководящих участника проекта «Манхэттэн» (таково было кодовое название проекта создания американской атомной бомбы), в том числе такие ученые, как Аллисон, Кэмптон, Смит, получили подготовку на средства Фонда Рокфеллера.

Конечно, вся эта подготовка к послевоенной экспансии американского империализма велась под отвлекающими и прикрывающими лозунгами. Тем не менее подлинные устремления правящих кругов США время от времени становились достоянием гласности.

В сентябре 1944 года, выступая в клубе менеджеров американских компаний в Чикаго, председатель правле-

ния рокфеллеровского «Чейз нэшил бэнк» Уинтроп Олдрич сделал откровенную заявку на то, что в деле послевоенного устройства мира США должны взять на себя руководство, соразмерное с их материальной мощью. «Наиболее важной экономической проблемой послевоенного мира, — заявил он, — является устранение торговых барьеров»⁵. Этот подход, при котором генеральной установкой американского империализма объявлялся захват мировых рынков, был точкой зрения отнюдь не одних Рокфеллеров. Это было кредо монополистического капитала США в целом.

В том же сентябре 1944 года заместитель государственного секретаря США Д. Ачесон, один из руководителей юридической фирмы «Ковингтон энд Берлинг», следующим образом представил на заслушиваниях в конгрессе мотивы послевоенной политики Соединенных Штатов. По его оценке, главной задачей было избежать нового экономического кризиса в США. «...Вглядевшись в эту проблему, — заявил Ачесон, — можно сказать, что это — проблема рынков... Нужно смотреть на внешние рынки»⁶.

Такая постановка вопроса явно перекликалась с подходом двух американских сенаторов — Дж. Таннела и Г. Бертон. Докладывая в начале 1945 года одной из сенатских комиссий о своей поездке на Ближний Восток, они следующим образом аргументировали «право» американских монополий на рынки этого района: «Для США было бы ненормальным положением, если бы после того, как они мобилизовали столько людей и денег и вынесли все связанные с этим жертвы, нашей стране помешали бы иметь рынки, которые мы освободили»⁷. Иначе говоря, с этой точки зрения, в ходе второй мировой войны освобождались не народы от фашистской чумы, а рынки от конкурентов США.

Подобные заявления вскоре были оформлены в установку всего американского монополистического капитала. Координирующей организацией выступил известный нам Комитет по экономическому развитию (КЭР). В мае 1945 года научно-исследовательская группа КЭР, в которую вошли, в частности, менеджер Рокфеллеров Б. Румл и будущий глава Фонда Форда П. Гофман, подготовила программный документ под названием «Международная торговля, иностранное инвестирование и внутренняя занятость». В ней, по словам исследователя

КЭР К. Шриффтгиссера, были изложены «некоторые принципы, которым предстояло задать направление международной деятельности КЭР и заставить те эшелоны в правительстве, которые делают политику, услышать его голос»⁸. Главная из этих рекомендаций состояла в том, что нужно добиться «существенного уменьшения ограничений в мировой торговле, включая сокращение как тарифных, так и нетарифных барьеров».

Голос КЭР был, как и предполагалось, услышан правительством США незамедлительно. Государственный департамент США в прямой консультации с КЭР и другими организациями американского бизнеса подготовил опубликованные через полгода, в ноябре 1945 года, официальные «Предложения о расширении мировой торговли и занятости». Одним из двух главных авторов этих предложений в стенах государственного департамента был заместитель государственного секретаря США У. Клейтон, который несколькими годами ранее в качестве главы крупнейшей в мире компании по экспорту хлопка «Андерсон, Клейтон» входил в число инициаторов создания КЭР. Не удивительно, что официальная линия правительства США во внешнеэкономической области как две капли воды напоминала кредо КЭР в этом отношении. Она также нацеливалась на максимальное содействие экспансии американского капитала за границей.

За всеми этими экспансионистскими настроениями американских монополий в целом стояло в первую очередь стремление столпов ЦФК пожать главные плоды усиления мировых позиций США в результате разгрома Германии и Японии и ослабления Англии и Франции. Фонды Карнеги — Морганов, Рокфеллеров и Форда были наиболее яркими пропагандистами «глобализации» американского бизнеса. Фонд Рокфеллера в своем годовом отчете за 1946 год не делал из этого никакого секрета, выступив за такой «единый» мир, в котором не было бы никаких стесняющих препон для американского капитала. Еще более открыто высказался на эту тему Л. Уэлч, казначей (позднее председатель) главной рокфеллеровской нефтяной компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Выступая в ноябре 1946 года перед американской Национальной конвенцией по внешней торговле, он заявил следующее: «Американское частное предпринимательство стоит перед следующим выбором — оно

может вырваться вонне и спасти свои позиции по всему миру либо сидеть сложа руки и наблюдать собственные похороны. Эта ответственность состоит в позитивном и энергичном руководстве делами мира — политическими, социальными и экономическими, и оно должно быть осуществлено в самом широком смысле этого слова. В качестве крупнейшего производителя, крупнейшего источника капитала и крупнейшего вкладчика в глобальный механизм мы должны задать темп и принять ответственность акционера с пакетом большинства акций в корпорации, известной под названием мир... Это не должно являться также чем-то ограниченным во времени. Это — постоянное обязательство»⁹. Тот же самый Уэлч, как мы отмечали ранее, высказался за то, что проводить такую политику могут лучше всего сами бизнесмены, которые и должны направить своих представителей в представительный аппарат.

Рекомендации, исходящие из самого средоточия ЦФК, были приняты к руководству. В декабре 1946 года министр торговли США (и старший партнер банкирского дома «Браун бразерс, Гарриман») А. Гарриман, чье министерство в то время было главным каналом связи с Советом бизнеса, направил письмо всем членам совета. Он просил сообщить фамилии «пяти служащих высшего эшелона, которые могли бы помочь главнокомандующим в Германии и Японии в управлении этими странами»¹⁰. История не сохранила свидетельств того, как конкретно откликнулся Совет бизнеса на это обращение. Зато известно, что аппарат верховного комиссара США в Западной Германии Джона Макклоя, который был назначен на этот пост в 1949 году, был укомплектован почти исключительно людьми, занимавшимися «германскими делами» в СМО. С точки зрения ЦФК США это было надежное представительство.

Вслед за тем представители ведущих финансовых групп США хлынули и на другие руководящие посты в администрации Трумэна, особенно связанные с внешней политикой и внешнеэкономическими операциями, и на должности консультантов и советников по этим вопросам. Механизм администрации «плана Маршалла», например, разрабатывался и укомплектовывался именно ими. Генезис этого плана явно проглядывается в деятельности одной из рабочих групп СМО, занимавшейся вопросами реконструкции в Западной Европе. Она засе-

дала в 1946—1947 годах, и ее секретарем был не кто иной, как Дэвид Рокфеллер. Годовой доклад СМО за 1948 год разъяснял, что еще до того, как государственный секретарь США Джордж Маршалл выступил в июне 1947 года со своим предложением о программе помощи Западной Европе, названная группа СМО уже «открыла» необходимость оказания такой помощи и «помогла объяснить необходимость плана Маршалла»¹¹.

Первоначальный законопроект о структуре администрации «плана Маршалла» был внесен в конгресс США членом палаты представителей К. Гертером, давним знакомым Рокфеллеров и будущим государственным секретарем США. Дорабатывался он Институтом Брукингса. В созданный государственным департаментом Комитет за план Маршалла вошли такие фигуры, как Т. Ламонт («Дж. П. Морган бэнк»), У. Олдрич («Чейз нэшнл бэнк»), А. Даллес («Салливэн энд Кромвелл»), А. Слоан («Дженерал моторс»), Ф. Рид («Дженерал электрик»), Г. Лимен («Лимен бразерс»), Т. Меррил (крупнейшая брокерская фирма «Меррил Линч») и, наконец, Д. Ачесон («Ковингтон энд Берлинг»). Главой администрации «плана Маршалла» стал П. Гофман, ее операции в Западной Европе возглавил А. Гарриман, а советником по торговым и валютным вопросам был назначен Т. Маккиттрик, взявший для этих целей отпуск в «Чейз нэшнл бэнк».

Нацеливая таким образом внешнюю политику США на обслуживание своих экспансионистских планов, ЦФК усматривал основную угрозу своим расчетам на установление мирового господства США в Советском Союзе. Поэтому одной из главных установок американского империализма на мировой арене стал ярый и откровенный антисоветизм. Пока США располагали монополией на атомное оружие, их правящие круги вообще не считали нужным ограничивать свою фантазию по поводу возможного применения силы против СССР. Так, в сентябре 1946 года советник президента Кларк Клиффорд («Ковингтон энд Берлинг») представил Трумэну меморандум по поводу советско-американских отношений на ближайшее будущее. В меморандуме, в частности, утверждалось, что «язык военной мощи» — это единственный язык, который, мол, понимает Советский Союз. Клиффорд заявлял, что США должны быть готовы к ведению атомной и биологической войны против СССР и

что они не должны разрабатывать никаких предложений по разоружению или по ограничению вооружений. В сопроводительном письме Трумэну Клиффорд отмечал, что по существу его меморандума имеется «замечательное согласие» между государственным секретарем США, военными ведомствами и Центральным разведывательным управлением¹².

Империалистическая политика — вообще крайне циничная вещь. Особого внимания заслуживает идеологическая подготовка войны против Советского Союза и откровенный обман широких кругов американской общественности в этой связи.

В отчете Фонда Рокфеллера за 1947 год о деятельности опекаемого им Совета по международным отношениям говорилось, что в исследовательской группе СМО по вопросам общественного мнения и внешней политики идет обсуждение роли конфликтующих идеологий в международных отношениях. Стоявшая перед группой центральная проблема касалась того, как должна функционировать пропаганда при проведении внешней политики. Только много лет спустя стал известен подлинный смысл работы, проводившейся в то время в СМО. Речь шла о разработке такого пропагандистского обоснования для всей послевоенной политики США, которое было призвано оправдать в глазах общественного мнения США политику антисоветизма и тем самым прикрыть откровенный экспансионизм американской финансовой олигархии.

Удачный, с точки зрения подлинных хозяев экономики и политики США, подход в этом отношении был найден уже в начале января 1947 года, когда один из видных американских дипломатов и специалистов по Советскому Союзу Дж. Кеннан выступил в СМО по вопросу о возможной политике США в отношении СССР. Высказанные им идеи не просто понравились руководству Совета. Кеннану было предложено подготовить статью на эту тему в один из ближайших номеров органа СМО — журнала «Форин афферс». В этом и состоял главный расчет СМО — навязать данный подход путем публикации в качестве главного обоснования экспансионистской внешней политики США. Кеннан послал докладную записку на эту тему тогдашнему министру военно-морского флота США Дж. Форрестолу (банк «Диллон, Рид»). После одобрения ее последним, а также

государственным департаментом США он представил статью в редакцию «Форин афферс».

Статья Кеннана¹³ была напечатана немедленно (июль 1947 г.) под заголовком «Истоки советского поведения» и получила с помощью пропагандистской машины США колоссальный резонанс. Центральным тезисом статьи было утверждение о якобы агрессивных намерениях СССР, перед лицом которых США, мол, нужна «политика жесткого сдерживания, нацеленного на то, чтобы противопоставить русским неизменную контрсилу в каждом пункте». Увлечшись, Кеннан вскрывал подлинную сущность предлагавшегося им курса как явно интервенционистского. «Для Соединенных Штатов, — писал он, — вполне возможно оказать своими действиями влияние на внутреннее развитие как в России, так и во всем международном коммунистическом движении», «заставить потрясти Советскую власть до ее основания», «привести к скорому падению Советской власти в России».

Все эти выпиравшие из доктрины «сдерживания» откровенно экспансионистские углы были быстро приглажены американской пропагандой. Остался лишь тезис об агрессивности СССР, которой, дескать, нужно противостоять. Именно это и требовалось власть предержащим в США.

Сам Кеннан, перешедший позднее на более реалистические позиции, в своих мемуарах, вышедших через 20 лет после появления упомянутой статьи, пытался всячески обелить сформулированную им в 1947 году доктрину. В частности, он утверждал, что, говоря в статье о «сдерживании» Советского Союза, он имел в виду «не сдерживание военными средствами военной угрозы, а политическое сдерживание политической угрозы»¹⁴. В свою очередь, журнал «Форин афферс» в статье, опубликованной в октябре 1977 года, признавал, что эта доктрина была излишне «роковой и прямолинейной» по духу. Но, несмотря на все эти позднейшие попытки переписать историю, пресловутая доктрина «сдерживания» ясна. Она навсегда останется красноречивым показателем крайне агрессивных, особенно в отношении СССР, устремлений ЦФК. Более того, тезисы Кеннана были подняты на щит именно потому, что, как это видно из приводившегося внутреннего документа компании «Дженерал моторс», они отвечали задаче прикрытия экспан-

сионистских устремлений магнатов американского капитала.

Насаждение антисоветизма, антикоммунистическая истерия вовне и внутри США вообще стали (тогда и на последующие два с лишним десятилетия) самой характерной чертой политики американского империализма. И во главе этой кампании, тщательно направляя ее, шли мощнейшие силы американской финансовой олигархии.

Под руководством и на деньги Фонда Рокфеллера в 1946 году в рамках Колумбийского университета в Нью-Йорке был создан Русский институт — своеобразный рассадник антисоветизма в США. В годовом отчете фонда за 1949 год отмечалось, что за первые пять лет функционирования двухгодичные курсы Русского института дали госдепартаменту и военным ведомствам США более 100 специалистов. Все эти эксперты, воспитанные на худших канонах «холодной войны», толкали и могли толкать внешнюю политику США только в направлении дальнейшего антисоветизма. Вслед за тем на средства Фонда Карнеги был создан Русский научно-исследовательский центр при Гарвардском университете. В целом из 22 главных научно-исследовательских центров в США, созданных для изучения Советского Союза, 17 финансировались полностью или частично ведущими фондами, и прежде всего фондами Форда, Рокфеллеров, Карнеги и др.

Выход Фонда Форда на арену крупномасштабной «филантропии» знаменовался прежде всего именно ярким антисоветизмом. Так, в 1951 году Фондом Форда был создан Восточноевропейский фонд, предназначенный для эмигрантов из социалистических стран, специализировавшихся на антикоммунистической клевете. Фонд помог этим отщепенцам написать и опубликовать в США серию антисоветских книг. Фонд Форда наладил также финансирование исследований в ряде ведущих американских университетов, охватывавших широкий круг географических районов и проблем, но концентрировавшихся главным образом опять-таки на антисоветских измышлениях. Наконец, субсидировавшиеся Фондом Форда «программы развития» для ряда развивающихся стран также по существу базировались прежде всего на антикоммунизме, делая ставку на поддержание в этих странах «свободных», то есть прозападных, правительств.

Антисоветская направленность всей международной деятельности Фонда Форда в общем-то не скрывалась и его руководством. Пол Гофман начал свое председательствование в этом фонде в 1951 году с заявления о том, что одной из главных задач фонда является установление намерений СССР и давление на него в целях приведения мира в соответствие с интересами США¹⁵.

Подготовка исследований и специалистов для нужд «холодной войны» была активизирована фондами и через Институт Брукингса. В 1947 году Фонд Рокфеллера выделил этому институту 225 тыс. долл. на программу исследований в следующих пяти областях: «происхождение и интерпретация Устава ООН», «внешнеполитические цели великих держав», «факторы в международных отношениях, способствующие экономической войне или экономическому миру», «новые концепции международной безопасности», «международные организации и конференции как новые средства дипломатии». Институт обязался также наладить систему двухнедельных семинаров с охватом 100 преподавателей международных отношений на каждом. За первые шесть лет функционирования этих семинаров на них было обработано более 800 соответствующих преподавателей. Программа обошлась Фонду Рокфеллера в 480 тыс. долл., или около 600 долл. на каждого «перекованного» преподавателя.

Таким путем тщательно поддерживались шоры, надетые на общественное мнение США в том, что касалось подачи ему внешнеполитических событий. Внешняя политика страны, как и политика внутренняя, была призвана обслуживать интересы власть имущих. А последнее, упиваясь безудержным, как им казалось, расширением мировых позиций американского империализма, прицеливались уже на новые рубежи на путях к мировому господству.

2. К грани ядерной войны

Начало войны в Корее в 1950 году знаменовало собой качественно новый этап во внешней экспансии американского империализма. Период подготовки вооруженных акций против социализма как системы закончился. Произошел переход к прямому применению силы против социализма. Вместе с тем началась гонка

вооружений в порядке мобилизации сил американского империализма к тотальной военной конфронтации с социалистическим миром.

Всего через два месяца после начала корейской войны созданный в рамках Комитета по экономическому развитию особый «программный комитет» подготовил специальный доклад «Экономическая политика для перевооружения». Доклад ратовал за увеличение военных расходов США в течение года более чем вдвое — с 15 млрд. до 35 млрд. долл. Он также содержал рекомендации о предоставлении приоритета резкому увеличению производства вооружений и о радикальном сокращении всех гражданских программ. Членами «программного комитета», подготовившего эти рекомендации, были председатель правления «Дженерал электрик» Ф. Рид, один из главных менеджеров Рокфеллеров Б. Румл, председатель КЭР М. Фолсом и пять других бизнесменов. Едва ли простым совпадением было то, что в течение года военные расходы США, как того и требовал КЭР, возросли более чем вдвое. Финансовый капитал США, сделавший ставку на гонку вооружений, тщательно следил за тем, чтобы оперативная деятельность американских ведомств соответствовала этим установкам.

Начался наиболее авантюристический период в истории американского империализма, когда уверенность США в своем военном превосходстве лишала правящие круги этой страны почти всех сдерживающих начал.

Можно, конечно, сделать упор на то, что наиболее воинственные лозунги того периода («отбрасывание коммунизма», «балансирование на грани войны», «массированное возмездие») были выдвинуты государственными деятелями США. Можно указать, что пришедшая к власти в начале 1953 года администрация Эйзенхауэра, как это видно из мемуаров самого президента, активно обдумывала возможности применения атомного оружия в Корее¹⁶. Несомненным показателем рискованных установок этой администрации были ее неоднократные поползновения в 1953—1954 годах к развязыванию «превентивной» войны против СССР с использованием ядерного оружия. В ходе Бермудской конференции в декабре 1953 года Эйзенхауэр, например, прямо высказался против переговоров с СССР и заявил, что «логично» рассмотреть возможность развязывания войны против

СССР. В следующем, 1954 году эти настроения Эйзенхауэра настолько укрепились, что даже Черчилль стал серьезно опасаться того, что США вполне могут, «пока не поздно», начать войну против Советского Союза. Такие опасения он высказывал дважды в мае 1954 года. В секретном документе, подготовленном для рассмотрения английским кабинетом в августе 1954 года, также говорилось о том, что США, располагавшие в то время превосходством в атомном оружии, «вполне могут подвергнуться искушению» воспользоваться этим преимуществом, пока СССР не ликвидировал разрыв, и что именно в этом состоит «очень большой риск» развязывания третьей мировой войны¹⁷.

И тем не менее правительство США по существу выступало не инициатором, а исполнителем заранее заданного курса. Он закладывался, разрабатывался и воплощался в реальную политику прежде всего ЦФК США. Вспомним о том, что государственным секретарем США при Эйзенхауэре стал человек, отражавший далеко не личные взгляды. Джон Фостер Даллес перешел на этот пост с кресла главы Фонда Рокфеллера. Это было отражением резкой общей активизации американского финансового капитала на международной арене.

В 1951 году сделал прямую заявку на разработку внешнеполитических установок США Фонд Форда. В 1952—1953 годах радикальные изменения в свою деятельность внес СМО, принявший, в частности, решение, что «исследовательские группы совета должны концентрироваться в первую очередь на проблемах долгосрочного значения, в особенности на только возникающих проблемах, позиции по которым еще не выкристаллизовались, с тем чтобы они (группы. — *Р. О.*) могли определять возможности для действий США достаточно заблаговременно»¹⁸. Таким образом, и СМО нацеливался на резкую активизацию своей роли во внешней политике США. Соответственно была произведена реорганизация его руководства: председателем правления СМО стал глава рокфеллеровского «Чейз нэшнл бэнк» и затем Фонда Форда Джон Макклрой.

Важнейшей из акций реорганизованного СМО стало создание исследовательской группы по американско-советским отношениям. Ее целью было «исследовать возможности Советского Союза, а также воздействие создания нового оружия на стратегические предпосылки, лежащие

в основе внешней политики США, и в свете этого... рассмотреть проблемы наших отношений с Советским Союзом во всех жизненно важных районах мира, а также в целом»¹⁹. Итак, фактически исследовались возможности реализации политики «с позиции силы». Возглавил группу сам Макклой, в нее вошли также Джон Рокфеллер III, президент Фонда Рокфеллера Дин Раск и десять (почти половина) директоров СМО. Средства на работу группы выделил Фонд Форда. Осталось только сказать, что всего через год после этого, в январе 1954 года, выступая на заседании СМО, государственный секретарь США и бывший председатель Фонда Рокфеллера Дж. Даллес провозгласил свою печально известную доктрину «массированного возмездия». Исследование начинало давать о себе знать. Впрочем, это было только одно из немногих направлений воздействия ЦФК на формирование внешней политики США.

Следует напомнить, что на новосозданной должности «специального советника по стратегии холодной войны» при президенте Эйзенхауэре оказался не кто иной, как Нельсон Рокфеллер. Его первой крупной продукцией на этом посту стал так называемый план «Открытое небо». Суть этого плана состояла в том, чтобы подменить подлинное разоружение или хотя бы сокращение вооружений воздушной инспекцией за состоянием гонки вооружений. Принятый к руководству Эйзенхауэром и выдвинутый им от своего имени на совещании в верхах 1955 года с участием СССР, США, Англии и Франции план «Открытое небо», по признанию американских авторов²⁰, тактически помог американской дипломатии отказать от своих прежних предложений по разоружению, которые к тому времени были приняты СССР.

После окончания этого совещания в верхах Н. Рокфеллер добился согласия Эйзенхауэра на дальнейшую углубленную разработку стратегии «холодной войны». Результаты этих изысканий были представлены президенту в отдельном меморандуме. Будучи до сих пор засекреченным, этот меморандум, насколько известно, представлял собой всеобъемлющий план дальнейшего ведения «холодной войны», что должно было обойтись американскому налогоплательщику дополнительно в 18 млрд. долл. за шесть предстоявших лет²¹. Когда против столь обременительных новых расходов запротестовал министр финансов в правительстве Эйзенхауэра

Джордж Хэмфри, Н. Рокфеллер в последний день 1955 года подал в отставку со своего поста.

Однако машина воздействия на политику правительства уже работала на максимальную нагрузку. Меморандум Н. Рокфеллера был лишь одним из ее звеньев.

Группа СМО по американо-советским отношениям спешно представила правительству свои рекомендации. Об их существовании можно судить по опубликованной СМО в 1956 году книге «Россия и Америка: опасности и перспективы». Представляя собой отредактированный вариант секретного доклада группы, книга тем не менее отражала главную нацеленность этого доклада. США и их союзники, подчеркивалось в книге, рассчитанной на публичную кампанию, должны накапливать силу во всех отношениях — в плане атомного оружия, увеличения военных расходов в целом, а также в экономическом и политическом отношениях.

В 1956 году Фонд братьев Рокфеллеров начал готовить собственное исследование на эту тему, к которому мы еще вернемся. В январе 1957 года в палату представителей США был внесен законопроект, призывавший принять программу массового строительства в США атомных бомбоубежищ. Законопроект был подробно рассмотрен на специальной конференции, деньги на которую дал Фонд братьев Рокфеллеров. Руководил конференцией Генри Киссинджер. Как можно было ожидать, конференция не потратила деньги зря — она высказалась за строительство таких бомбоубежищ.

Хотя оркестровка новой волны антисоветизма и призывов к усилению гонки вооружений была уже очевидной, главным инструментам кампании предстояло еще подключиться. Ими стали два «научно обоснованных» доклада по заранее заданной теме — так называемый доклад Гейтера и серия докладов, подготовленных Фондом братьев Рокфеллеров.

Доклад Гейтера, составленный специально созданной «экспертной группой» за полгода и представленный правительству США осенью 1957 года, был назван так по имени председателя группы Роуэна Гейтера. Настоящее название документа было «Сдерживание и выживание в ядерный век». Основной смысл доклада как призыва к усилению темпов гонки вооружений в США просочился в прессу почти сразу вслед за его появлением. Более достоверно его общее содержание стало известно лишь

через восемь лет — из второго тома мемуаров Эйзенхауэра. Доклад, по словам президента, содержал «радикальный набор рекомендаций»: начать массовое строительство атомных бомбоубежищ в США, произвести форсированное укрепление ПВО страны, повысить «наступательную мощь» Командования стратегической авиацией США с его армадами атомных бомбардировщиков, увеличить численность американских войск, предназначенных для ведения «ограниченных войн», реорганизовать Пентагон и т. п.

Подлинные масштабы той откровенной ставки на гонку вооружений, которая содержалась в докладе Гейтера, выявились полностью лишь в 1973 году, когда был, наконец, предан гласности полный текст этого доклада. Оказалось, что доклад Гейтера рекомендовал израсходовать за пять предстоявших лет дополнительно 19 млрд. долл. непосредственно на вооружения и еще 25 млрд. долл. на программы гражданской обороны. Все это предлагалось осуществить под предлогом парирования «советской угрозы». В докладе утверждалось, что все якобы «ясно указывает на растущую угрозу (со стороны СССР. — Р. О.), которая может приобрести критический характер в 1959 году или в начале 1960 года»²².

Доклад Гейтера был по существу продукцией элиты ЦФК США, представляя все его важнейшие институты. Сам Р. Гейтер являлся председателем правления Фонда Форда. Среди членов группы, готовивших доклад, шестеро были членами СМО. Джеймс Перкинс являлся вице-президентом Корпорации Карнеги, Джон Корсон — советником Фонда Карнеги и представителем фирмы «Маккинзи», Джером Визнер — совладельцем фирмы «ИТЕК корп.», финансируемой Рокфеллерами, Роберт Калкинс — консультантом КЭР, а затем — главой Института Брукинса. Консультантами группы были также Роберт Ловетт, занявший к тому времени также и пост председателя финансового комитета Фонда Рокфеллера, и Джон Макклой, не нуждающийся в рекомендациях. Все это послужило причиной того, что доклад, подготовленный формально «группой частных лиц», был самым серьезным образом рассмотрен правительством США.

Доклад Гейтера был обсужден на заседании Национального совета безопасности США в ноябре 1957 года с участием более сорока человек. Не все его рекоменда-

ции встретили одобрение Эйзенхауэра. Государственный секретарь Даллес, в свою очередь, высказал сомнение по поводу ставки на широкое строительство атомных бомбоубежищ в США. По его словам, в таком случае от США могли бы отшатнуться их союзники в Европе. Даллес также опасался, что чрезмерные военные расходы США приведут к тому, что они проиграют экономическое соревнование за рынки со своими империалистическими конкурентами.

Тем не менее Эйзенхауэр принял решение, что конкретные рекомендации доклада Гейтера должны быть последовательно изучены «одна за другой». Соответственно в начале 1958 года эти рекомендации были детально рассмотрены Пентагоном, государственным департаментом и другими ведомствами. Некоторые из рекомендаций, как вспоминал Эйзенхауэр впоследствии, были приняты вообще без изменений. Так, было решено, что на постоянном патрулировании в воздухе должно находиться большее число американских атомных бомбардировщиков, чем ранее. Другие рекомендации были приняты к руководству с некоторыми изменениями, например рекомендация об увеличении численности межконтинентальных ракет. Наконец, по словам Эйзенхауэра, одну рекомендацию правительство отвергло — это дорогостоящее предложение о том, что взлетные дорожки для атомных бомбардировщиков следует скрыть в туннелях, пробитых в горах. Неоднократно обсуждался правительством и вопрос о строительстве в США атомных бомбоубежищ. Было, однако, все же решено отказаться от них, ибо, мол, «трудно поддерживать среди населения одновременно и наступательное, и оборонительное настроение». Поэтому решили «не отклоняться» от варианта наступательного²³.

Одним словом, установки ЦФК, как они были выражены в докладе Гейтера, были внимательно изучены правительством США и в основной своей массе приняты к практическому руководству. Тем не менее магнаты финансового капитала были все же недовольны: правительство США, по их мнению, проявило ненужную осторожность, не приняв некоторые из рекомендаций. За докладом Гейтера шла уже другая волна давления на правительство — заканчивался проект «специальных исследований», проводившихся на деньги и под эгидой Фонда братьев Рокфеллеров. По словам газеты «Нью-

Йорк таймс», это была «попытка взвесить крупнейшие проблемы и возможности, которые, вероятно, встанут перед Америкой в течение следующих 10—15 лет»²⁴.

Указанный проект был гораздо более всеобъемлющим, чем доклад Гейтера, хотя цели его были аналогичными. Прежде всего, если доклад Гейтера готовила одна группа, то Фонд братьев Рокфеллеров создал группы по каждому из основных исследовавшихся направлений. Состав групп также был весьма представительным. Так, группу по проблеме «Международная безопасность: военные аспекты» возглавлял Н. Рокфеллер. В числе ее членов были: Джон Гарднер — президент Корпорации Карнеги, Кэрил Хаскинс — президент Института Карнеги, Дин Раск — президент Фонда Рокфеллера, Детлев Бронк — президент Рокфеллеровского университета, Лоренс Рокфеллер — президент Фонда братьев Рокфеллеров, Фрэнк Олтшул — вице-президент СМО, а также Честер Боулс — член совета попечителей Фонда Рокфеллера, Генри Киссинджер, являвшийся руководителем всего проекта «специальных исследований», и другие известные лица. Это был более чем внушительный авторский коллектив.

Рекомендации, содержащиеся в проекте «специальных исследований», в конечном виде не вызывали никаких сомнений относительно их направленности. Наибольшей агрессивностью отличался доклад упомянутой группы. Он недвусмысленно подстегивал гонку вооружений в США с помощью следующих тезисов: «Представляется, что Соединенные Штаты быстро теряют свое преимущество перед СССР в военной гонке. В течение двух предстоящих лет мы, возможно, будем еще обладать превосходством в стратегической ударной мощи... Но через год или два наше положение будет зависеть от решений, которые нужно принять немедленно... Явно еще не поздно, если мы готовы предпринять крупные усилия сейчас и в предстоящие годы». В практических рамках доклад рекомендовал увеличивать военные расходы США ежегодно на 3 млрд. долл., вплоть до 1965 года. Доклад перемежался и такими утверждениями, как: «Когда безопасность Соединенных Штатов и свободного мира находится на ставке, то стоимость не может быть главным соображением» или: «Готовность вступить, когда это необходимо, в ядерную войну является частью цены за нашу свободу»²⁵.

В целом, таким образом, Фонд братьев Рокфеллеров проповедовал ту же самую линию, что и доклад Гейтера. Главные выводы внешнеполитической группы были в спешном порядке представлены Н. Рокфеллером президенту Эйзенхауэру почти одновременно с докладом Гейтера, хотя в окончательном виде ее доклад был завершен лишь с шумной публикацией его в конце 1957 года. В публичной огласке было важное отличие назначения доклада Фонда братьев Рокфеллеров от доклада Гейтера: он был призван, помимо прочего, воздействовать на умы широких кругов населения США. Как заявил Н. Рокфеллер в связи с публикацией доклада, «несомненно самым важным является стимулировать интерес публики и тщательно сфокусировать ее внимание на том, что наша страна стоит перед лицом проблемы, которая может затрагивать само наше выживание»²⁶. В этих целях, в частности, продукция Фонда братьев Рокфеллеров была издана невиданным для США тиражом: к концу 1961 года было продано или распределено бесплатно почти 600 тыс. экз. шести докладов фонда, но прежде всего первого.

Доклады Гейтера и Фонда братьев Рокфеллеров означали, помимо прочего, что могущественные силы ЦФК США сделали выбор в пользу безудержной гонки вооружений и готовы были идти на риск термоядерной войны во имя достижения своих целей. Кое-что из докладов Фонда братьев Рокфеллеров правительство Эйзенхауэра без особых дискуссий приняло немедленно к исполнению. Так, уже в 1958 году была произведена рекомендованная в нем реорганизация Пентагона, а военный бюджет США был увеличен на 2 млрд. долл.

К рекомендациям только что названных «экспертных групп» ЦФК примкнул и более широкий по своей классовой опоре среди американской буржуазии Комитет по экономическому развитию. В опубликованном в 1958 году докладе «Проблема национальной безопасности — некоторые экономические и административные аспекты» КЭР (его возглавлял тогда вице-председатель Фонда Форда Дональд Дэвид) также высказался за рост военных расходов. «Риск того, — беззаботно утверждалось в докладе, — что расходы на оборону в размере 10—15% валового национального продукта или, при необходимости, даже больше разрушат американский образ жизни, является, право, небольшим»²⁷.

Тем не менее, несмотря на всеисилие авторов этого курса, связанные с ним конечные ставки были настолько велики, что последующие два—два с половиной года прошли в США в упорной борьбе. Классовому инстинкту крупной американской буржуазии впервые были противопоставлены доводы элементарного разума. К тому же бремя военных расходов, которые уже несла к тому времени экономика США, было и без того настолько крупным, что вопрос о дальнейшем внешнеполитическом курсе США неизбежно превращался и в экономическую проблему. На этом вопросе поэтому следует остановиться особо.

3. Колебания и выбор

К концу 50 — началу 60-х годов финансовая олигархия США оказалась по существу на перепутье в том, что касалось отношений с Советским Союзом. С одной стороны, возросший научно-технический и военный потенциал СССР, выразившийся в запуске первого в мире искусственного спутника и создании баллистических ракет, заставлял правящие круги США более ответственно подходить к возможности военной конфронтации, с другой — активизация мирных инициатив СССР, включая предложения о всеобщем и полном разоружении и расширении советско-американской торговли, представляла собой привлекательные альтернативы «балансированию на грани войны». Но все эти сдвиги неизбежно преломлялись в призме устоявшихся позиций определенных монополистических групп США.

Семейство Рокфеллеров, например, выступило в роли поборника не только продолжения, но и интенсификации «холодной войны». Наибольшую активность из всех членов семьи в деле защиты политики «с позиции силы» в отношении СССР проявил Нельсон Рокфеллер. Удобным трамплином для этого стал для него пост губернатора штата Нью-Йорк, на который он был избран в 1958 году. С этой позиции он выступил против обмена визитами между Председателем Совета Министров СССР и президентом США, когда о возможности таких визитов было только объявлено осенью 1959 года. Посетив тогда же Белый дом, Н. Рокфеллер выразил президенту Эйзенхауэру «личные сомнения» по этому поводу.

Вслед за тем Н. Рокфеллер избрал мишенью для нападок советские предложения о расширении советско-американской торговли. Выступая перед членами нью-йоркской торговой палаты, он решительно высказался против принятия этих предложений, если СССР не выполнит ряда «предварительных условий». При этом Н. Рокфеллер многозначительно пояснил, что подобный подход должен быть применен и ко многим другим аспектам американо-советских отношений²⁸. Кстати, такое отношение к торговле с СССР и другими социалистическими странами было в то время весьма характерно для всей рокфеллеровской группы. Выступавший несколько ранее по этому вопросу вице-президент «Стандард ойл оф Нью-Джерси» О. Трейси так же категорически высказался против всякой торговли с Советским Союзом²⁹.

Развертывая нападки на политику мирного сосуществования, Н. Рокфеллер выступил далее с открытым призывом к возобновлению испытаний ядерного оружия в США. Разжигая военную истерию, он высказался за развертывание строительства атомных бомбоубежищ в США. Вслед за тем правление компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси» пригласило руководителей 43 американских корпораций и правительственных чиновников осмотреть уже законченную подземную штаб-квартиру компании, откуда она должна была руководить своими делами в случае атомной войны.

Наконец, в декабре 1959 года Н. Рокфеллер выступил в Милуоки, где он потребовал создания Соединенными Штатами «максимальной военной мощи» и заявил, что «только с такой позиции силы можно успешно вести переговоры с коммунистами»³⁰. Опубликованная Н. Рокфеллером в журнале «Форин афферс» в апреле 1960 года статья была выдержана в том же духе. Условием прекращения «холодной войны» Н. Рокфеллер выдвинул «существенное изменение» внешней политики Советского Союза. Он также пространно рассуждал в ней об «угрозе» расширяющейся торговли между Востоком и Западом³¹.

Если, таким образом, на том историческом этапе Рокфеллеры не могли отождествлять свои интересы ни с чем иным, кроме политики «с позиции силы» и гонки вооружений, то надо сказать, что в США были и другие весьма влиятельные банковские и промышленные круги,

придерживавшиеся таких же взглядов. Это были прежде всего компании, связанные с производством вооружений.

И все же обстановка «холодной войны» и гонки вооружений оказалась бесспорно выгодной отнюдь не для всех групп американского монополистического капитала и далеко не во всех своих проявлениях. На ряд объединений и фирм, особенно из числа тех, которые в силу ряда причин оказались в стороне от наиболее выгодных военных заказов, она оказала довольно противоречивое воздействие.

Весьма крупные сомнения относительно целесообразности продолжения этой политики начали выражаться, в частности, руководителями ряда ведущих компаний, входящих в Кливлендскую финансовую группу. Экономической основой известной оппозиции кливлендских магнатов курсу на безудержную гонку вооружений являлся тот факт, что большинство компаний этой группы в силу характера производимой ими продукции с самого начала оказались вне русла главного потока военных заказов. Это в определенной степени противопоставляло их интересы интересам военных концернов и заведомо настраивало их на критический лад.

Кливлендская финансовая группа находилась, однако, в стороне от основного направления развития американского финансового капитала. Гораздо больше значило то обстоятельство, что число компаний и групп, имевших те или иные оговорки в отношении гонки вооружений, стало пополняться даже самыми «правоверными» из магнатов капитала. Оказался расколотым финансовый комплекс в целом.

Прогресс военной техники, повлекший за собой перемещение центра тяжести военного производства США на новые виды оружия (ядерное оружие, реактивная авиация, управляемые снаряды, ракеты), и отставание ряда старых отраслей в связи со снижением металлоемкости военной продукции резко усилили конкурентную борьбу монополий. В головной группе корпораций, получающих наиболее выгодные военные заказы, произошли весьма существенные, если не драматические, изменения. Потерпели поражение и были отодвинуты на задний план крупнейшие промышленные гиганты. Так, с 1950 по 1958 год моргановско-дюпоновский автомобильный концерн «Дженерал моторс» перешел в список 25 компаний, яв-

ляющихся ведущими поставщиками военных ведомств США, с 1-го места на 17-е, компания «Крайслер» — с 4-го на 20-е, а компания Форда, стоявшая на 7-м месте, совсем исчезла из списка ³².

Это обстоятельство не могло не вызвать у «обделенных» корпораций определенного ослабления их некогда безоговорочной готовности следовать канонам «холодной войны», хотя само по себе это, разумеется, не имело ничего общего с миролюбием. Все же определенное их отрезвление было налицо. Показателем этого был, в частности, тот факт, что руководители «Дженерал моторс», а также компании Форда стали высказываться за нормализацию отношений с социалистическими странами. Интересно, что даже вице-президент одного из филиалов Фонда Форда, так называемого Фонда республики, выступил с прямой критикой политики гонки вооружений.

Впрочем, гораздо более важное значение имел тот факт, что в силу ряда причин умерила тот энтузиазм, с которым она ранее поддерживала политику «холодной войны», одна из доминирующих сил Уолл-стрита — группа Моргана.

Дело даже не в том, что портфель военных заказов некоторых ведущих моргановских корпораций несколько отошел (например, у компании «Дженерал электрик» он был в 1958 г. на $\frac{1}{3}$ меньше, чем за шесть-семь лет до того). Солидные позиции, занимавшиеся группой Моргана в электротехнической промышленности (та же «Дженерал электрик» и др.), играющей важную роль в производстве ракетной техники, давали ей достаточные шансы на то, чтобы уверенно вести борьбу за новые военные заказы.

Главной причиной тревоги этой группы было то обстоятельство, что обстановка «холодной войны» оказалась в целом более благоприятной для ее конкурентов, в том числе главных из них — Рокфеллеров. Традиционная ассоциация Морганов со сталелитейной промышленностью уже не могла обеспечить им преимущества в гонке вооружений, уходящей в основном в иные отрасли. К тому же большая часть моргановских предприятий, в отличие от нефтяных компаний рокфеллеровской группы, не имела налоговых льгот. Поэтому они вынуждены были нести значительно большее бремя налогов, связанных с необходимостью финансирования «холодной войны», чем Рокфеллеры, — 52% от всех прибылей по

сравнению с 24% в среднем для нефтяных компаний. Это положение, объяснявшее в значительной степени причины стремительного взлета мощи рокфеллеровской группы, являлось вместе с тем важным источником колебаний, имевших место в рядах группы Моргана.

Логика подсказывала, что в случае нормализации международной обстановки и уменьшения военных расходов Морганы оказались бы в большем выигрыше по сравнению с Рокфеллерами. Конкретные подсчеты, опубликованные в то время на страницах журнала «Ю. С. ньюс энд Уолл стрит», свидетельствовали о том, что при уменьшении военных расходов в США на 15 млрд. долл. в год налог на корпорации мог бы быть снижен с 52 до 47%, то есть целиком в пользу Морганов. Рокфеллеры от этой операции фактически ничего бы не получили.

С другой стороны, следование антисоветским канонам затруднялось для Морганов также и тем, что ряд промышленных корпораций, входящих в их сферу влияния, проявлял серьезный интерес к торговле с социалистическими странами. С пожеланиями развития торговых отношений между Западом и Востоком выступили, в частности, руководящие деятели компаний «Дженерал электрик», «Андерсон, Клейтон энд К°», «Сент-Джозеф» и других моргановских корпораций.

Группа Моргана высказала также открытое несогласие с позицией рокфеллеровской группы в важнейших внешнеполитических вопросах, и прежде всего в вопросах разоружения. В статье «Можем ли мы позволить себе разоружиться?», помещенной в ноябрьском номере за 1959 год бюллетеня «Морган гаранти сервей» (орган моргановского банка «Морган гаранти траст оф Нью-Йорк»), прямо констатировалось, что расходы на вооружение с точки зрения группы являются «обременительной необходимостью, а не стимулом процветания». Бюллетень заявлял, что «перспективы ограниченного и постепенного сокращения вооружений не должны вызывать страха перед экономическими последствиями. Наоборот... это принесло бы большие и длительные экономические выгоды».

Морганы, правда, были озабочены прежде всего тем, чтобы, используя стремление американского народа жить в мире, вернуть себе утраченные позиции и обеспечить собственные корыстные интересы. Они рассчитывали, что

снижение уровня военных расходов позволит им сбросить с себя часть налогового бремени. Это, в свою очередь, должно было привести к повышению конкурентоспособности их товаров на внутренних и внешних рынках и к появлению в руках группы дополнительных источников капитала.

Практический результат тренировок, возникших, таким образом, в рядах ЦФК США по вопросу об американо-советских отношениях, вначале был довольно неясен. К тому времени Морган, казалось бы, сосредоточили в своих руках достаточно важные посты, дававшие им эффективный контроль над возможным пересмотром позиции США в вопросах разоружения. Так, партнер видной бостонской юридической фирмы Ч. Кулидж, возглавлявший специальный правительственный комитет по подготовке позиции США в Комитете (тогда десяти государств) по разоружению, занимал директорские посты в моргановской страховой компании «Нью-Йорк лайф иншуренс», а также в компании «Нью Ингленд электрик систем», находившейся под сильным влиянием Морган. Выводы возглавлявшегося им комитета ограничивались, правда, рекомендацией минимальных мероприятий по разоружению в направлении некоторого сокращения численности вооруженных сил США. И все же это была иная постановка вопроса, чем в докладах Гейтера и Фонда братьев Рокфеллеров. В свою очередь, Ф. Итон, в то время представитель США в Комитете по разоружению, занимая директорский пост в той же «Нью-Йорк лайф иншуренс», одновременно отражал интересы группы «Ферст нэшнл сити бэнк». Наконец, министром обороны США был в то время Т. Гейтс, состоявший партнером фирмы «Дрексел энд К°», издавна представлявшей собой верного союзника Морганов среди филаделфийских капиталистов.

И все же неясным было главное — захотят ли Морган, исходя из своих собственных интересов, добиваться каких-либо существенных изменений во внешней политике США или ограничатся борьбой с Рокфеллерами за преобладание в комплексе на основе продолжения прежней политики. На известные размышления наводило то обстоятельство, что союзная Морганам Корпорация Карнеги финансировала программу, изучавшую экономические последствия возможного разоружения («Исследования приспособления экономики к разоружению»).

Затем это направление разработок было подхвачено Фондом Форда, под эгидой и на средства которого была организована еще более широкая программа под названием «Исследование международной экономики разоружения и ограничения вооружений».

Произведенная в рамках этого исследования профессор Колумбийского университета Э. Бенуа в 1961 году теоретическая модель разоружения была довольно радикальной. Она, в частности, предусматривала возможность такого международного соглашения в этой области, при котором за 15 лет (1962—1976 гг.) вооруженные силы США были бы сокращены с 3 млн. до 0,5 млн. человек, а военный бюджет — на 46 млрд. долл. По этой схеме к 1968 году США прекратили бы производство бомбардировщиков, ракет на жидком топливе и тактического ядерного оружия, к 1971 году — ракет на твердом топливе, а к 1974 году — производство обычных вооружений.

Описанная модель разоружения была создана под влиянием выдвинутого Советским Союзом в 1959 году плана всеобщего и полного разоружения и отражала необходимость для правящих кругов США просчитать в этой обстановке вариант радикального сокращения вооружений. Однако подлинные мотивы тех, кто просчитывал такие возможности, были довольно двусмысленными. Такие выкладки скорее пугали финансовую олигархию США перспективой резкого падения прибылей.

Постепенно, однако, выяснилось, что не следует переоценивать практического значения заявлений определенной части американских финансовых магнатов. Их недовольство в связи с выявившимися отрицательными для них последствиями «холодной войны», при всей пестроте побудительных стимулов, не заходило настолько далеко, чтобы нацелить их на какие-то действия во имя изменения классового существа этой политики. На практике в то время дело сводилось лишь к своего рода второстепенным возражениям и оговоркам в отношении проводившейся монополистическим капиталом США линии, общая направленность которой против мира и социализма была неизменной.

Поэтому ждать, что из столкновения корыстных интересов различных финансовых групп США родится последовательно миролюбивая внешнеполитическая линия, тогда еще не приходилось. Для более реалистических

оценок со стороны магнатов американского капитала потребовались еще годы прогрессирующего изменения соотношения сил на международной арене. Если разноречивой в стане ЦФК в то время что-то и знаменовал, то лишь самое начало процесса отрезвления. Пожалуй, впервые значительная часть американских финансовых магнатов стала всерьез считаться с тем, что политика «холодной войны» может не пережить всех предстоящих ей испытаний. Эта часть финансистов не хотела быть застигнутой врасплох, если бы вдруг «разразился мир», и на всякий случай обдумывала, как приспособиться к такому повороту событий.

Как бы то ни было, в основной своей массе американский финансовый капитал все же еще не готов был смириться с тем, что не только существование социализма, но и его утверждение стали необратимыми. Более того, возобладала ставка на «решающую» попытку конфронтации с социализмом именно в военном отношении.

В качестве предлога для развертывания и оправдания нового тура гонки вооружений в США был использован тезис о некоем колоссальном «разрыве в числе ракет», который, мол, образуется в самые ближайшие годы в пользу СССР. Утверждалось, что к 1960—1961 годам в США произойдет 14-кратное отставание от СССР в производстве ракет³³. В условиях, близких к военной истерии, те, кто хотел погреть руки на гонке вооружений, могли уже прикрываться соображениями «национальной безопасности».

Вопрос о повышении военных расходов США был превращен в одну из главнейших проблем президентской кампании 1960 года. В июле 1960 года кандидат на пост президента от республиканской партии и тогдашний вице-президент США Р. Никсон вынужден был уступить настояниям Н. Рокфеллера и вписать в предвыборную платформу республиканцев положение об увеличении военных расходов США: «Не должно быть никаких пределов в расходах на безопасность Америки». Как вспоминает Эйзенхауэр, Никсон заявил ему, что он пытается найти почву для сотрудничества с Н. Рокфеллером. Но для Эйзенхауэра, уходящего президента, согласиться с включением подобного положения означало бы признать, что он недостаточно заботился о безопасности США. Кроме того, Эйзенхауэр действительно считал новую спираль гонки вооружений излишней тратой

средств. Поэтому он настоял, чтобы указанное предвыборное положение было заменено следующим текстом: «Соединенные Штаты могут и должны обеспечить, что необходимо... Обеспечивать большее было бы тратой средств»³⁴.

Формально выиграл Эйзенхауэр: в программу республиканской партии фраза была включена в его редакции. Но фактически он сам уже шел по опасному пути, от которого он внешне отмежевывался. Еще 17 марта 1960 г. Эйзенхауэр отдал ЦРУ приказ начать подготовку банд контрреволюционеров для вторжения на Кубу. 1 мая 1960 г. через границу Советского Союза был послан самолет-разведчик У-2.

Если, пишут американские авторы, Н. Рокфеллер таким образом «заставил Никсона» принять главный тезис доклада Фонда братьев Рокфеллеров, то другой кандидат в президенты — демократ Дж. Кеннеди принял его добровольно. Один из американских журналистов, путешествовавших с Дж. Кеннеди в ходе предвыборной кампании, вспоминал: «Когда возникал какой-либо внешнеполитический вопрос, то Кеннеди кричал Сэлинджеру (одному из менеджеров этой компании и впоследствии пресс-секретарю Белого дома. — Р. О.): „Эй, Пьер, возьми исследование Фонда братьев Рокфеллеров. Там это все есть“»³⁵.

«Угроза со стороны СССР», «разрыв в числе ракет» — все это было сознательной передержкой фактов. Стоило закончиться предвыборной борьбе, как «разрыв» так же внезапно исчез, как и появился. К сентябрю 1961 года, по оценке ЦРУ, СССР произвел лишь 3,5% того числа ракет, намерение произвести которое ему приписывалось³⁶. Однако раздутая ведущими фондами ЦФК военная истерия уже сделала свое дело: рельсы для долгосрочного и стабильного роста военного бюджета США были проложены. Из числа тех, кто готовил доклад Гейтера, видные посты в администрации Кеннеди заняли У. Фостер, примерявшийся вначале на пост заместителя государственного секретаря, а затем назначенный главой Агентства по контролю за вооружением и разоружению, Дж. Макклой, которому был поручен ряд важных переговоров по разоружению, и Дж. Визнер, назначенный советником президента по вопросам науки. Еще больше лиц было взято в правительство из числа соавторов исследований Фонда братьев Рокфеллеров:

Д. Раск стал государственным секретарем, Ч. Боулс, Х. Кливленд и Ф. Кумбс — его заместителями, А. Берли был включен в специальную группу, разрабатывавшую политику в отношении Латинской Америки, а Р. Гилпатрик стал заместителем министра обороны. Осталось только добавить, что с 1958 по 1970 год военные расходы США возросли с 39 млрд. до 79,5 млрд. долл. При этом среднегодовые темпы роста этих расходов, как легко убедиться, практически совпадали с темпами, предложенными в докладе Фонда братьев Рокфеллеров, — в среднем по 3 млрд. долл. дополнительно каждый год. Так еще раз было наглядно продемонстрировано, кто и как действительно разрабатывает и направляет внешнюю политику США.

Не прошло и трех месяцев со дня вступления Дж. Кеннеди на пост президента, как дух и буква наказов ЦФК привели к попытке американского империализма удушить кубинскую революцию с помощью подготовленных, вооруженных и доставленных США 16 апреля 1961 г. на Плайя-Хирон банд кубинских контрреволюционеров. Еще через полтора года, в октябре 1962 года, новая попытка США расправиться с кубинской революцией, на этот раз путем прямой военной интервенции, поставила мир непосредственно на грань ядерной войны.

Это было логическим завершением попытки испытать социализм силой. Будучи вдохновителем и движущей силой этой политики, финансовый капитал США был вынужден в октябрьские дни 1962 года столкнуться с небывалыми по ответственности решениями, когда мир действительно оказался на грани термоядерной войны.

Прямые представители ЦФК США принимали решающее участие в определении правительственной политики в эти дни. Они выступали либо в качестве членов кабинета, либо в качестве специально приглашенных для участия в принятии этого решения лиц. В течение наиболее кризисной недели в октябре 1962 года почти непрерывно заседал так называемый «исполнительный комитет» Национального совета безопасности США. Членами комитета, непосредственно представлявшими интересы ЦФК, были: государственный секретарь Д. Раск (бывший глава Фонда Рокфеллеров), министр обороны Р. Макнамара (бывший глава «Форд мотор»), министр финансов Д. Диллон («Диллон, Рид»), заместитель госу-

дарственного секретаря Дж. Болл («Лимен бразерс»), заместитель министра обороны Р. Гилпатрик (профессионал-юрист), советник президента М. Банди (член «наследной семьи» СМО и будущий глава Фонда Форда), а также специально приглашенные бывший государственный секретарь США Д. Ачесон («Ковингтон энд Берлинг») и бывший министр обороны Р. Ловетт («Браун бразерс, Гарриман»).

Мы не случайно назвали поименно тех, кто составлял костяк «исполнительного комитета» Национального совета безопасности США в критические дни октября 1962 года. Это помогает лучше понять, что решение отказаться от ядерной конфронтации ввиду ее самоубийственного характера было принято в США действительно на самом высшем возможном уровне. Но, приняв это решение, и администрация Кеннеди, и стоявшие за ней круги фактически расписывались таким образом в невозможности того, что так основательно и так бездумно готовилось в течение многих лет, — применить силу против СССР, не рискуя уничтожением самих США. Потребовалось, правда, еще целых десять лет после этого, чтобы исключение всякой разумной возможности развязывания Соединенными Штатами войны против Советского Союза стало реальностью, официально и окончательно осознанной правящими кругами США. Но качественный поворот к этому был заложен именно уроками кризиса в районе Карибского моря в 1962 году.

Надо отдать должное политическому реализму и дальновидности президента Кеннеди. 1963 год — последний год его жизни — был периодом, когда, не будучи, разумеется, в состоянии, да и просто не желая изменить природу внешней политики США, Кеннеди попытался вести ее с учетом коренных новых факторов на международной арене. Его речь 10 июня 1963 г. в Американском университете в Вашингтоне содержала уже не только призыв к ослаблению международной напряженности и к усилиям по ограничению гонки вооружений. В этой речи Кеннеди высказал нечто ранее немыслимое для главы правительства США. Президент подчеркнул, что американцы должны пересмотреть некоторые свои взгляды на СССР и на коммунизм в целом. Причина такого прозрения американского президента также была ясна. «У него, — пишет об этом выступлении Кеннеди Д. Холберстам, — было ощущение, о котором он сказал ряду

своих помощников, что страна в целом ушла вперед Вашингтона, что Вашингтон в большей степени живет во времени холодной войны, чем страна. Страна не хотела войны и не хотела постоянной ядерной напряженности в отношениях с Советским Союзом. Кеннеди начинал это ощущать. ...Поэтому к середине 1963 года он уже продвигал заключение договора о прекращении ядерных испытаний и искал ослабления напряженности»³⁷.

Но если в отношениях с СССР и социалистическими странами в целом официальный Вашингтон и неофициальный ЦФК уже не могли не видеть пределы своим возможностям, то все же природа американского империализма измениться не могла. Борьба за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала заставляла его применять силу там, где это считалось еще возможным. Если оказалась уже недостижимой фронтальная атака против главного противника империализма — мирового социализма, то карательная операция по укреплению тылов мировой капиталистической системы и приобретению там преимущественных позиций для США была, казалось бы, еще не только допустимой, но и весьма желательной. Острые крупнейшей военной акции американского империализма после второй мировой войны было направлено на Юго-Восточную Азию, точнее — на Индокитай, еще точнее — на Вьетнам.

4. Имперские миражи

Подлинные цели интервенции американского империализма во Вьетнаме сегодня могут быть реконструированы с документальной точностью прежде всего из так называемых «бумаг Пентагона», ставших достоянием гласности в 1971 году.

Из этих документов видно, что война во Вьетнаме рассматривалась правящими кругами США прежде всего как своего рода «урок» всем национально-освободительным движениям. Эта мысль повторялась в ряде документов.

Так, в меморандуме председателя объединенного комитета начальников штабов США генерала М. Тэйлора от 22 января 1964 г. на имя министра обороны США Р. Макнамары, в котором ставился вопрос о резком расширении масштабов американской интервенции во Вьет-

наме, говорилось: «Поскольку это первое настоящее испытание нашей решимости нанести поражение формуле коммунистических войн за национальное освобождение, логично заключить, что возможно отрицательное отношение к нам со стороны стран Африки и Латинской Америки»³⁸. В свою очередь, сам Макнамара в меморандуме президенту Джонсону по этому же вопросу от 16 марта 1964 г. также подчеркивал, что война во Вьетнаме является испытанием способности США противостоять национально-освободительным войнам не только в Азии, но и повсюду в мире³⁹.

Другой стороной медали было стремление американского империализма сохранить развивающиеся страны в качестве объекта своей эксплуатации. Так, в документе под названием «Цели и курсы действий Соединенных Штатов в отношении Юго-Восточной Азии», который был одобрен Национальным советом безопасности США еще в начале 1952 года, говорилось, что одной из таких целей является «стимулирование потока источников сырья этого района в свободный мир»⁴⁰.

В соответствии с этими целями США отказались в 1954 году присоединиться к Женевским соглашениям по Индокитаю, которые были подписаны вслед за крахом интервенции там французского империализма. Еще в ходе Женевской конференции США уже засылали своих диверсантов в ДРВ. Через несколько дней после ее окончания Национальный совет безопасности США принял решение заменить французских военных советников в Южном Вьетнаме американскими советниками. Так началась история вначале постепенного, а затем все более убыстрявшегося и становившегося все более масштабным вовлечения американского империализма в собственную крупномасштабную колониальную войну.

Для нас, однако, больший интерес представляет не столько техника исполнения откровенно империалистического замысла, сколько факторы и силы, стоявшие за этими устремлениями. С этой точки зрения важно отметить, что признанные институты и видные представители ЦФК стояли у самых истоков нараставших аппетитов и интересов американского империализма в Юго-Восточной Азии.

Уже в 1953 году СМО создал группу (во главе с Ч. Боулсом и с участием Дж. Рокфеллера III) для рассмотрения эволюции политического положения в Юго-

Восточной Азии. Одной из предпосылок в ее работе был тезис о жизненной важности «стратегического положения и материальных ресурсов» Юго-Восточной Азии в мировой политике, а основной заботой — как добиться такой «политической эволюции» в данном районе, которая была бы выгодна США. Хотя продукция этой рабочей группы никогда не увидела света, итоги дискуссии в ней видны из брошюры, которую один из сотрудников СМО и директор группы У. Хендерсон опубликовал в 1955 году. «Как одно из величайших на земле хранилищ естественных ресурсов, — говорилось в брошюре, — Юго-Восточная Азия является призом, за который стоит бороться»⁴¹. Брошюра с таким кредо была опубликована, между прочим, Ассоциацией внешней политики в ее «Серии главных вопросов», основное назначение которой, как мы уже видели выше, состоит в обработке и подталкивании в нужном направлении американского общественного мнения.

Тема о Юго-Восточной Азии как соблазнительном источнике сырья постепенно становилась все более доминирующей в подходе финансового капитала США к оценке потенциала этого района. В докладе 1954 года президентской комиссии по вопросам внешнеэкономической политики, в частности, говорилось, что «переход Соединенных Штатов от положения относительной самообеспеченности к положению увеличивающейся зависимости от иностранных источников снабжения представляет собой одно из потрясающих экономических изменений нашего времени»⁴². Но ничто так не способствовало разжиганию националистических и агрессивных страстей монополий США в этом отношении, как опубликованное под эгидой СМО в 1958 году исследование Перси Бидуэлла «Сырье».

По существу эта книга являлась итогом подробного рассмотрения вопроса в исследовательской группе СМО в 1956—1957 годах. Членами этой группы были, в частности, менеджеры ряда крупнейших американских компаний и банков — У. Холст («Стандард вакуум ойл К°»), А. Никерсон («Сокони мобил ойл К°»), М. Мэрфи («Бэнкерз траст»), Н. Сэмюэлс («Кун, Леб энд К°»), А. Банкер и Дж. Вильекуез (оба из «Америкэн метал клаймекс») и др. Кроме того, в выпуске этого, по существу коллективного, исследования СМО участвовали также представители таких американских компаний обраба-

тывающей и горнодобывающей отраслей, как «Арамко», «Галф ойл», «Стандард ойл компани оф Индиана», «Кеннекот коппер», «Анаконда», «Дженерал электрик», «Интернэшнл никел», «Гудрич», «Файерстоун», «Гудйир» и др. В целом книга Бидуэлла была своего рода коллективной заявкой ЦФК США на сырье, находившееся за американскими границами.

«Даже при самых благоприятных предпосылках, в том что касается технологического прогресса, — говорилось в книге, — перспективы для США, если им придется зависеть исключительно от собственных ресурсов, были бы мрачными... Но в слаборазвитых странах — в Латинской Америке, Африке и Юго-Восточной Азии — огромные источники все еще ожидают эксплуатации»⁴³. Это был прямой призыв к «освоению» новых источников сырья.

Отражением возросшего интереса большого бизнеса США к освободившимся странам была и корректировка деятельности крупнейших фондов. Президент Фонда Рокфеллера Дин Раск еще в 1956 году убедил других попечителей, что следует сделать больший упор на развивающиеся страны. В последующие четыре года, до своего ухода в правительство Кеннеди, Раск существенно расширил деятельность Фонда Рокфеллера в этих странах, особенно в Латинской Америке и в Индии.

В свою очередь, «специальные исследования» Фонда братьев Рокфеллеров, опубликованные в 1958 году, были, помимо прочего, прямым подталкиванием к использованию военной машины США против национально-освободительных движений. Один из докладов фонда особо подчеркивал, что угрозу безопасности США могут представить «скрытые войны». В качестве примера последних давался именно Вьетнам.

Не удивительно, что в этих условиях институты ЦФК выступили и инициаторами дальнейшей эскалации начавшейся интервенции США во Вьетнаме. В 1963 году так называемое Азиатское общество в Нью-Йорке, финансируемое Рокфеллерами и возглавлявшееся бывшим вице-президентом рокфеллеровско-моргановской компании «Сокони мобил» К. Янгом, провело специальное заседание, направленное на переоценку политики США в Юго-Восточной Азии. Вниманию участников встречи был представлен документ, предупреждавший, что США не смогут достичь своих главных целей в Юго-Восточ-

ной Азии, «если наши обязательства в отношении данного района не станут безграничными». Подготовил этот документ, недвусмысленно призывавший к эскалации интервенции США во Вьетнаме, уже известный нам У. Хендерсон из СМО, вскоре ушедший на пост «советника по международным делам» все той же «Сокони мобил»⁴⁴.

В 1964 году СМО провел последнюю рекогносцировку перед решающими акциями. Через сеть своих локальных советов в 33 городах США он прозондировал настроения «местных лидеров». Оказалось, что 80% из этих почти 600 лиц одобрили предложение о том, что США должны оказать «помощь» южновьетнамскому режиму⁴⁵. Это ускорило развязывание открытой интервенции во Вьетнаме.

Начало 1965 года стало тем этапом, когда избранный на пост президента под лозунгами мира Л. Джонсон перешел к интервенционистскому курсу во всей внешней политике США в целом. 13 февраля он принял решение о начале массированных бомбардировок ДРВ. 1 апреля Джонсон решил использовать американские войска для активных наступательных действий в Южном Вьетнаме. В конце того же месяца США осуществили интервенцию в Доминиканской Республике, чтобы удушить демократические силы в этой стране.

Все это происходило в обстановке продолжавшегося смыкания рядов и все большего отождествления интересов администрации и ЦФК. В том же апреле 1965 года по предложению Генри Форда было созвано специальное заседание правительства США на уровне кабинета для обзора практики сотрудничества между крупнейшими фондами и правительством и улучшения этой координации. Оно сто́ит того, чтобы остановиться на нем подробнее.

Как пишет один из бывших сотрудников Фонда Форда В. Нильсен, обсуждение было весьма всеобъемлющим, включая рассмотрение существовавших уже к тому времени неофициальных контактов между чиновниками фондов и правительства, а также изучение различных возможностей сотрудничества в будущем. «Некоторые участвовавшие со стороны правительства, — пишет Нильсен, — как представлялось, выступали за более тесное и более официальное сотрудничество в будущем — за совместное планирование программ и за систематическое предварительное испытание правительст-

венных программ фондами»⁴⁶. В конечном счете была достигнута договоренность о том, что должны быть установлены особые методы неофициальной связи между правительством и Фондом Форда «на уровне высшего руководства обоих»⁴⁷.

Как бы спохватившись, Нильсен утверждает, что эта договоренность якобы никогда не была реализована. Однако если учесть, что на указанном заседании кабинета с правительственной стороны должны были присутствовать Д. Раск (Фонд Рокфеллера), Дж. Гарднер (Корпорация Карнеги) и Р. Макнамара (компания «Форд мотор»), то утверждение Нильсена о якобы не реализованной фондами крупной сделке с правительством США выглядит неправдоподобным.

Разворачивавшаяся все шире агрессия США во Вьетнаме имела все отличительные признаки акции, санкционированной и поддержанной американской финансовой олигархией. В том же 1965 году вице-президент «Чейз Манхэттен бэнк» по операциям на Дальнем Востоке выступил со следующим заявлением о положении в Юго-Восточной Азии: «В прошлом иностранные инвесторы относились несколько настороженно к общим политическим перспективам этого района. Однако я должен сказать, что действия США во Вьетнаме в нынешнем году, продемонстрировавшие, что США будут продолжать оказывать эффективную защиту свободным странам данного района, значительно успокоили как азиатских, так и западных инвесторов. Вообще я вижу определенные основания надеяться, что в экономике свободных стран Азии может произойти того же рода экономический рост, который имел место в Европе после доктрины Трумэна и после того, как НАТО обеспечила прикрывающий щит. То же самое имело место и в Японии, после того как американская интервенция в Корее устранила сомнения инвесторов»⁴⁸.

В 1965 году усилиями высшего эшелона финансовых магнатов в США был создан так называемый Комитет за эффективный и прочный мир в Азии. Его членами стали Дж. Макклой, Д. Рокфеллер, Д. Диллон, Э. Блэк (все члены правления «Чейз Манхэттен бэнк» и члены СМО), а также уже известный нам Артур Дин (директор СМО), казначей СМО Г. Ходж и др. Задача комитета состояла в том, чтобы обеспечить агрессии во Вьетнаме поддержку возможно более широких кругов

американской буржуазии. Комитет с энтузиазмом одобрил эскалацию американской интервенции «в борьбе с коммунизмом в Юго-Восточной Азии», заявив, что президент Джонсон «действовал правильно и в национальных интересах».

Не ограничиваясь этим, ЦФК поддерживал и опекал интервенцию США во Вьетнаме через Консультативную группу видных деятелей (она была известна также под именем «группы мудрецов»), которая предпочитала работать без особой огласки. Эта регулярно встречавшаяся с президентом группа включала в свои ряды Дж. Макклоя (главу «Чейз Манхэттэн бэнк» и СМО), Дугласа Диллона (попечителя, а затем председателя Фонда Рокфеллера, директора СМО), Сайруса Вэнса (попечителя Фонда Рокфеллера, директора СМО), Артура Дина (директора СМО), Джорджа Болла («Лимен бразерс»), Макджорджа Банди (председателя Фонда Форда), Дина Ачесона («Ковингтон энд Берлинг»), Аби Фортаса («Арнолд энд Портер») и Кларка Клиффорда, который вслед за тем стал министром обороны в кабинете Джонсона.

Отношения между этой группой и президентом носили самый непосредственный и тесный характер, пока продолжалась эскалация американской агрессии во Вьетнаме, а вместе с ней росли и надежды на военное решение проблемы. Однако когда США имели уже в Южном Вьетнаме 550 тыс. войск, мощное наступление национально-освободительных сил вьетнамского народа (февраль 1968 г.), в результате которого оказались под угрозой и здание американского посольства, и штаб-квартира «Чейз Манхэттэн бэнк» в Сайгоне, разрушило эти иллюзии, как карточный домик.

В связи с описываемыми событиями консультативная группа почти непрерывно заседала в течение двух дней. Вопросы, которые она рассматривала, могут быть, как видно из слов С. Вэнса, сведены к трем категориям. Во-первых, это были социальные и политические последствия в США вьетнамской авантюры, во-вторых, ее воздействие на экономику США и, в-третьих, ее влияние на отношение других стран к Соединенным Штатам ⁴⁹. Выводы, к которым пришли по всем этим трем направлениям участники дискуссии, легко угадывались. В социально-политическом плане интервенция во Вьетнаме, вызвавшая массовое брожение и демонстрации в США и

дезертирство из американской армии, грозила опасной поляризацией. В экономическом отношении огромные расходы на войну породили невиданную инфляцию и дестабилизацию экономики — как доходов трудящихся, так даже и прибылей монополий. В рамках международных отношений ни одна акция США не вызывала еще такого осуждения даже среди союзников США по НАТО.

После того как «группа мудрецов» провела предварительное обсуждение в помещении государственного департамента США, она явилась в Белый дом к президенту. Хотя членами группы был ряд профессиональных военных (генералы О. Брэдли и М. Риджуэй), погоду в ней делали представители ЦФК. Клиффорд и Диллон, Болл и Вэнс, Банди и Ачесон — все они высказались за то, что дальше так продолжаться не может. Через пять дней Л. Джонсон, явно потрясенный размером дезертирства из рядов его бывших сторонников, объявил о прекращении бомбардировок ДРВ и о том, что он не будет выставлять свою кандидатуру для переизбрания в президенты.

Во всех практических отношениях это была политическая отставка, банкротство человека, не оправдавшего возлагавшихся на него надежд. Вместе с тем акция Джонсона лишней раз показала, что президенты в США приходят и уходят, а ЦФК, никем не избираемый и никому не подотчетный, остается незыблемым. Единственное изменение, наметившееся в его рядах в связи с тем, что американская интервенция во Вьетнаме зашла в явный тупик, состояло в изменении методов достижения целей в Юго-Восточной Азии. Если применение силы оказывалось бесперспективным, то оставалось попробовать другие средства. Весной 1968 года СМО создал исследовательскую группу по проблеме «урегулирования» во Вьетнаме. Ее возглавил попечитель Фонда Рокфеллера, председатель совета попечителей Института Брукингса, партнер «Браун бразерс, Гарриман» Роберт Руза.

Потребовалось, однако, еще пять лет, чтобы американский империализм официально расписался в невозможности военным путем продиктовать свою волю вьетнамскому народу. В эти годы отрицательные экономические последствия продолжения войны во Вьетнаме критиковались все более широким кругом магнатов капитала (президент концерна «Дюпон», председатель компа-

нии ИБМ, председатель «Бэнк оф Америка» и др.), поскольку все более очевидным было истощение этой войной валютных резервов, понижение конкурентоспособности американских товаров, усиление инфляции и т. п. Тем не менее и война, и истощение ресурсов США продолжались, ибо в рядах американских финансовых магнатов все еще были надежды на то, что все обойдется. Тот же Д. Рокфеллер уже через месяц после фактической отставки Джонсона все еще заявлял, что война во Вьетнаме стоит около 1,5 млрд. долл. в иностранной валюте, но «в том мире, где мы живем, мы должны быть готовы к тому, чтобы возложить на свои плечи такого рода финансовое бремя, когда это необходимо для защиты свободы»⁵⁰.

Если финансовая олигархия США объективно и вынуждена была в конце концов признать полный провал военной авантюры во Вьетнаме, субъективно она никак не стремилась этот провал приблизить. Более того, сохранявшаяся ею все это время надежда на успех грубой силы лишний раз подтверждает неизменность ее природы.

5. Инстинкт и разум

В 70-е годы американский империализм вступил с надорванными силами. Невозможность безнаказанного применения силы против социалистического содружества, поражение в крупнейшей колониальной войне во Вьетнаме, усиление империалистических соперников и относительное падение собственного веса США в мировой системе капиталистического хозяйства — все это не могло не сказаться на кредо, которого придерживалась американская финансовая олигархия. Это нашло свое выражение и в деятельности двух республиканских (Никсона и Форда) и демократической (Картера) администраций США. «Доктрина Трумэна, — говорится в одном американском исследовании, — знаменовала собой начало эры «сдерживания» и конфронтации, известной под именем «холодной войны», а доктрина Никсона представляла собой крупный сдвиг к весьма новой эре взаимоотношений между капиталистическими и коммунистическими гигантами. Но в то время как доктрина Трумэна возникла вследствие потребностей расширя-

шейся американской империи, доктрина Никсона была ответом на нужды империи, которая распадалась»⁵¹.

Политика США на рубеже и в период 70-х годов — это подлинный клубок противоречий, в котором переплелись ставшие традиционными глобальные аппетиты американского империализма и его сократившиеся возможности. В поведении американской администрации столкнулись два противоречивых начала. С одной стороны, это отзвуки инстинкта, диктуемого классовой ненавистью американских монополий к социализму и их стремлением к максимально высокой прибыли, с другой — отражение велений разума, вынуждающих финансовых магнатов США удерживать свои желания в рамках, не затрагивающих законных интересов другой стороны и не нарушающих международного мира.

Нигде эта двойственность устремлений ЦФК, питающих внешнюю политику США, не видна с такой определенностью, как в подходе к основной проблеме современности — к отказу от применения силы в отношениях между двумя противоположными системами, к свертыванию гонки вооружений. Совершенно ясно, что без решения этой задачи невозможно добиться необратимости разрядки. Но вместе с тем это, как мы видели, как раз та проблема, в отношении которой в течение многих лет, пока военное преимущество было на стороне США, американская финансовая олигархия, кроме мимолетных колебаний, знала лишь однозначные решения — чем больше оружия, тем лучше для ее интересов. Поэтому вынужденное изменение хода ее мышления, а затем и появившаяся двойственность поступков в этом отношении сами по себе представляли важный сдвиг. Официальная внешняя политика США в основном лишь фиксировала и оформляла эволюцию умонастроений власти имущих. Посмотрим, в частности, очертания основных направлений этой политики в последние годы, как они диктовались интересами ЦФК США.

Американо-советские отношения. Патологический антикоммунизм стал уже не только бесперспективным. В новых условиях он грозил крупными издержками. В рядах ЦФК стали медленно, но неизбежно пересматриваться некоторые устоявшиеся в этом отношении догмы и начал появляться определенный, пусть и вынужденный, реализм.

Показателем изменившихся настроений был прежде

всего доклад Института Брукинга «Повестка дня нации», о котором в общей форме мы уже упоминали. Речь идет о коллективном исследовании, предпринятом названным институтом в 1968 году по инициативе и на деньги Фонда Форда. Среди участников этого исследования можно упомянуть, в частности, таких известных лиц, как Г. Киссинджер, Ч. Шульце, М. Шульман, Р. Купер, которые вскоре или через некоторый период встали у кормила внешней политики США.

Характерными, в частности, были главные предпосылки, на которых в этом докладе предлагалось строить отношения с Советским Союзом. Во-первых, рекомендовалось отказаться от ставки на «превосходство» над СССР. В докладе говорилось, что США «должны идти дальше взаимного признания неприемлемости ядерной войны в качестве инструмента политики, для того чтобы заявить о взаимовыгодности достижения устойчивого баланса на наиболее низком возможном уровне». Следует отметить важное значение этой тогда еще новой установки, которая вылилась в реальность — переговоры между СССР и США об ограничении стратегических вооружений. Во-вторых, в докладе предлагалось, чтобы США продемонстрировали готовность и даже желание двигаться «в направлении большего сотрудничества в будущем» с СССР. В-третьих, отмечалось, что «если то, что имеет в виду Советский Союз под мирным сосуществованием (или под «борьбой», как чаще говорят), представляет собой соревнование между двумя системами всеми средствами, кроме войны», то США должны пойти на это⁵². Последний элемент был заведомо противоречивым, ибо именно он дал впоследствии ростки «психологической войны». Но в целом положительные стороны в пересмотре политики США явно перевешивали. Рост мощи Советского Союза заставлял творцов политики США осознавать бесперспективность политики «с позиции силы», предвидеть возможность сотрудничества с СССР и выговаривать слова, которые незадолго перед тем объявлялись «коммунистической пропагандой», — мирное сосуществование.

Как и можно было ожидать, известное изменение установок, придерживаться которых рекомендовал теперь в отношении СССР Институт Брукинга, было связано с эволюцией умонастроений ЦФК в целом. Подобно другим ситуациям, когда требовалась определенная кор-

ректировка внешнеполитического курса США, позиция Института Брукингса означала начало эволюции некоторых установок всей американской финансовой олигархии.

Вслед за Институтом Брукингса признать тупик, в который зашла американская стратегия ядерного шантажа, оказался вынужденным и Фонд Форда. В этом смысле была весьма показательна статья, с которой выступил в журнале «Форин афферс» президент этого фонда М. Банди⁵³. Несколько играя, Банди в этой статье отодвигал рубеж, с которого началось действительное отрезвление правящих кругов США, сразу на полтора десятилетия назад. «Даже наиболее хладнокровные люди из тех, кто планировал американскую политику, — писал он, — всегда и по крайней мере с 1954 года понимали, что концепция нанесения Соединенными Штатами первого стратегического удара является полностью неприемлемой вследствие перспективы советского ответного удара».

К сожалению, такого рода прозрение тех, кто делал политику США, не было ни столь ранним, как утверждал Банди, ни столь полным — иначе не было бы ни докладов Гейтера и Фонда братьев Рокфеллеров, ни кризиса в районе Карибского моря в 1962 году. Но теперь, к началу 70-х годов, отрезвление правящих кругов США стало действительно эффективным. «В политическом отношении, — делал вывод сам Банди, — гонка стратегических ядерных вооружений зашла в тупик». Вновь и вновь возвращаясь к этой мысли, Банди подчеркивал, что «в политическом, в отличие от технического, плане мы все были неправы, говоря о ядерном превосходстве» США.

Такое различие между «политическим» и «техническим» подходом к гонке ядерных вооружений проводилось главой Фонда Форда не случайно. «Существует огромная дистанция между верой в то, что налицо ядерный тупик, и любым предложением о том, что мы должны перейти к одностороннему разоружению», — писал Банди, возражавший, кстати, против любого, в том числе и согласованного с СССР, ядерного разоружения США. Отказаться от ставки на ядерное оружие американский империализм вообще не мог — и по соображениям социальным, ибо предпочитал сохранять до конца этот «конечный аргумент» против социализма, и по со-

ображениям меркантильным, ибо производство оружия массового уничтожения продолжало оставаться прибыльной операцией.

Но один действительно кардинальный вывод в стратегически новой ситуации Банди все же делал, заключая, что произведенный заново анализ «ясно указывает на преимущества ограничения гонки стратегических ядерных вооружений». Вместо «прошлого предполагаемого превосходства» в ядерной политике США он высказывался за «будущее устойчивого баланса» в стратегических вооружениях двух крупнейших ядерных держав.

Выводы в отношении СССР, сформулированные таким образом Институтом Брукингса и Фондом Форда, стали началом реального переосмысления военно-стратегических установок американского империализма под воздействием осознанного им, наконец, отсутствия альтернативы сосуществованию с противоположной общественной системой.

Невозможность развязывания войны против СССР порождала и другие, также непривычные поначалу для правящих кругов США, размышления о появившихся новых перспективах.

Весной 1971 года председатель «Чейз Манхэттэн бэнк» Д. Рокфеллер высказался за расширение торговли США с социалистическими странами. Показательны при этом позиции, с которых он выступил. Хотя такая торговля, по его словам, и не может решить проблемы, разделяющие Восток и Запад, но лучшие связи и понимание, устанавливаемые с помощью расширяющейся торговли, являются органической составной частью поддержания мира в мире⁵⁴. Вскоре подобные настроения получили широкое распространение в американских деловых кругах. В сентябре 1972 года Комитет по экономическому развитию в своем докладе «Новая торговая политика в отношении коммунистических стран» выступил за отмену практически всех ограничений на торговлю с социалистическими странами⁵⁵.

Все эти изменившиеся настроения в отношении СССР и других социалистических стран в американском большом бизнесе создавали предпосылки для появления крупных сдвигов в советско-американских отношениях. Но фундаментальный толчок подобному повороту событий дала Программа мира, выдвинутая XXIV съездом КПСС. Американо-советские встречи на высшем уровне

1972, 1973 и 1974 годов, явившиеся результатом инициативной внешней политики СССР, не только изменили весь политический климат на международной арене. Шестьдесят с лишним соглашений, заключенных между СССР и США начиная с 1972 года, и особенно такие из них, как Основы взаимоотношений между СССР и США и Соглашение о предотвращении ядерной войны, означали официальное признание паритета на международной арене двух самых крупных держав мира и необходимости сотрудничества между ними.

Для американского империализма это означало осознание и еще одного фактора первостепенной важности — невозможности изменения внутреннего строя в Советском Союзе. Теперь президент США вынужден был признать: «Мы не можем нацелить нашу внешнюю политику на то, чтобы трансформировать другие общества. В ядерный век нашей первой ответственностью должно быть предотвращение войны... Мы должны никогда не терять из виду эту фундаментальную истину современной международной жизни» ⁵⁶.

Нельзя, однако, не видеть того, что осознание правящими кругами США той «фундаментальной истины», что с существованием социализма им придется смириться раз и навсегда, имело и совершенно неожиданные последствия. Признанная незыблемость и успехи социализма, ярко контрастировавшие с углублением кризиса капиталистической системы, стали приводить в глубочайший пессимизм и теоретиков, и практиков капитализма. Государственный секретарь США Г. Киссинджер в своем интервью газете «Нью-Йорк таймс», отвечая на вопрос о том, нет ли «чувства пессимизма... даже трагедии» в его философии, сказал буквально следующее: «Я думаю о себе больше как об историке, чем как о государственном деятеле. Исторiku же необходимо осознавать тот факт, что каждая когда-либо существовавшая цивилизация в конечном счете разваливалась... Таким образом, исторiku приходится жить с ощущением неизбежности трагедии. В качестве же государственного деятеля нужно действовать исходя из предположения, что проблемы должны быть разрешены» ⁵⁷.

Надо сказать, что в то время никому в США еще не приходило в голову валить все проблемы и трудности Соединенных Штатов на Советский Союз. Но именно этот внезапный разворот и был сделан в американской

пропаганде — сделан потому, что признать роковую болезнь самого капитализма для хозяев экономики и политики США было попросту невыносимо. Так был рожден пропагандистский миф, что от разрядки, мол, выигрывает только СССР, причем выигрывает за счет США.

К концу 1975 года новая антисоветская истерия на этой основе захлестнула все американские средства массовой информации. «Нью-Йорк таймс» выступила со статьей «Холодная война II», где говорилось: «В дни, когда 1975 год подходит к концу, разрядка мертва. Начинается вторая холодная война»⁵⁸. Позже, 1 марта 1976 г., президент Форд публично заявил о том, что он отказывается отныне от слова «разрядка» и заменяет его понятием «мир с помощью силы».

Развернувшаяся в США острая политическая борьба вокруг будущего разрядки, совпавшая с предвыборной кампанией 1976 года, приобрела все характеристики серьезного раскола внутри правящего класса. Созданный в то время Комитет по американско-советским отношениям опубликовал заявление, в котором говорилось, что в отношениях между США и СССР, «несмотря на разногласия, отношения могут быть улучшены на важных направлениях» и что «безопасность сегодня не может быть достигнута путем расширения вооружений»⁵⁹. Это заявление подписали Р. Руза, Дж. Кеннан, Т. Хесбург, Д. Кендалл и другие видные американские деятели. В свою очередь, противостоявший ему «Комитет по существующей опасности» в своем заявлении пропагандировал тезис о том, что, «для того чтобы США были свободны, находились в безопасности и были влиятельны, в настоящее время требуются более высокие уровни расходов на наши находящиеся в готовности сухопутные, морские и воздушные силы»⁶⁰. Под этим заявлением стояли подписи Д. Диллона, Д. Раска, П. Нитце, бывшего директора ЦРУ У. Колби и др. Показательным было и то, что газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала рядом оба заявления, не становясь на сторону ни одного из них.

Постепенно, однако, внешнеполитический механизм ЦФК произвел своего рода синтез двух «крайних» точек зрения. Пожалуй, наиболее четко существо новой философии, которая должна была прийти на смену готовности к разрядке, было выражено в брошюре «Дискуссия

по вопросу о разрядке», которую Ассоциация внешней политики выпустила в 1977 году в своей «Серии главных проблем». «Надо признаться, — говорилось в этой брошюре, — что гораздо легче критиковать разрядку, чем конструировать общие альтернативы ей... Если, например, предположить, что ядерный тупик будет продолжаться гарантировать ядерную стабильность и тем самым ядерную безопасность, то тогда Советский Союз не обязательно всегда должен быть главным фокусом внешней политики США»⁶¹. Более того, «чрезмерный» упор на американско-советские отношения, мол, лишь отвлекал бы США от таких острых для них проблем, как «национализм в третьем мире» и борьба развивающихся стран за «экономическое равенство» или как «упадок демократических ценностей» (престижа капитализма) в мировом масштабе. Зато, говорилось в брошюре, «если бы США и их союзники энергично занялись такими вопросами и если бы в процессе этого было бы вновь утверждено американское руководство, то могло бы значительно улучшиться также наше положение на переговорах с СССР»⁶². Наконец, делался следующий решающий вывод: «Из различных альтернатив... наиболее своевременным, полезным и, вообще говоря, необходимым дополнением к разрядке вполне могла бы быть «трехсторонняя» концепция внешней политики США... Трехсторонность в основе своей предусматривает такую внешнюю политику, которая придает высочайший приоритет хорошим отношениям с Западной Европой, Японией и Канадой — странами, чьи интересы более тесно совпадают с нашими и чья идеология наиболее совместима с нашей»⁶³.

Таким образом, смысл ставки американского империализма на «трехстороннюю» стратегию состоял в том, чтобы, усмирив тылы (развивающиеся страны) и возглавив союзников, противостоять Советскому Союзу с укрепленных тем самым позиций. Такие же тезисы пропагандировала для новой администрации Картера и программа «Великие решения» на 1977 год. «Альтернатива разрядке, — говорилось в инструкционной брошюре к программе, — это не ядерная война, на что намекает Киссинджер... Альтернатива... состоит в том, чтобы (1) поддерживать военные силы неуступающими никому... и (2) использовать нашу значительно превосходящую экономику для того, чтобы укрепить трансатланти-

ческую систему союзов»⁶⁴. Заметим, что это были уже не обсуждавшиеся варианты, а политические и военно-стратегические установки, одобренные финансовой олигархией США для новой администрации и теперь «прививавшиеся» ею американской публике.

В условиях не изжитой еще глубокой моральной изоляции США вследствие грязной войны во Вьетнаме и феномена Уотергейта надо было, однако, дополнить возродившиеся заявки американского империализма на новое лидерство каким-то особенно хлестким, «балансирующим» это моральное падение пропагандистским лозунгом. Такой лозунг был найден: американский империализм надел на себя тогу борца за права человека. Это новое «оружие» было всесторонне отточено и отшлифовано СМО в рамках специально созданной им «рабочей группы по правам человека», проводшей серию заседаний в конце 1975 — начале 1976 года. Оно было запущено затем для обкатки в предвыборную президентскую кампанию 1976 года и стало официальным стягом победившей на выборах администрации Картера.

Генезис активности администрации Картера в вопросе о «правах человека», таким образом, очевиден. Сама эта тема была дана ему напрокат важнейшим специализированным внешнеполитическим институтом ЦФК — Советом по международным отношениям. Лозунг о «заботе» США о правах человека во всем мире на деле был явно нацелен прежде всего на вмешательство во внутренние дела СССР и других социалистических стран. Рассмотрение этого вопроса на заседаниях упомянутой рабочей группы СМО начиналось с рассмотрения «перспектив на 80-е годы», которые данная тема могла дать для США во взаимоотношениях с СССР и странами Восточной Европы. В целом, таким образом, едва выбравшись из глубоких внутри- и внешнеполитических поражений, американский империализм прилагает новые усилия, стараясь испытать прочность мира социализма, хотя бы и «мирными» средствами.

Однако проследить за тем, как конкретно направлялась далее политика США в пресловутом вопросе о «правах человека» теми, кто ее разработал и дал на вооружение администрации Картера, — дело менее благодарное. Своеобразие положения после окончания любых предвыборных президентских кампаний и смены администрации вообще состоит в том, что видимое влия-

ние ЦФК и его институтов на такой стадии заслоняется бурной активностью нового правительственного аппарата. То обстоятельство, что аккумуляторы активности этого аппарата были только что заряжены интересами этого комплекса, заново отредактированными с учетом последних событий, невольно забывается. Тот факт, что сами чиновники этого аппарата, проводящие политику, — это заново перетасованные представители и эксперты комплекса, тоже как бы отходит на задний план. То, что в такой ситуации интересы дела в течение определенного времени просто не требуют непосредственного корректирующего влияния комплекса, в свою очередь не афишируется. На поверхности остается новая администрация, как бы руководствующаяся «высшими национальными интересами» США. Разумеется, на деле и на этом этапе подлинные хозяева внешней политики США продолжают свою активность, дублирующую и контролирующую деятельность правительства. Это справедливо для любой крупной внешнеполитической проблемы, с которой сталкивается американский империализм.

В пресловутом вопросе о «правах человека» новая администрация и лично президент Картер действительно взяли на себя львиную долю внешней активности. Тем не менее, учитывая решительный отпор, который получила от Советского Союза эта антисоветская кампания под новой личиной, те, кто породил лозунг «заботы» США о правах человека, сами оказались вынужденными несколько раз возвращаться к этой теме и заново взвешивать ее. В этом отражались как объективные различия в подходе к теме «прав человека» со стороны разных представителей комплекса и его интересов, так и их субъективные колебания по поводу возможных негативных последствий нового «крестового похода» американского империализма.

Любопытная дискуссия развернулась в этой связи на страницах наиболее авторитетных печатных органов ЦФК. В номере журнала «Форин афферс», вышедшем в канун вступления в должность администрации Картера, была опубликована статья директора Русского института Колумбийского университета М. Шульмана. Ее автор, ставший в те дни советником государственного секретаря США, выступил с прямыми предупреждениями об опасности попыток добиться изменений в советских институтах под лозунгом заботы о «правах чело-

века». Позже с подобной же предостерегающей статьей выступил на страницах журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин» редактор-распорядитель «Форин афферс» Дж. Чейс. В начале 1978 года наиболее далеко идущая статья в этом отношении появилась на страницах брата-близнеца «Форин афферс» журнала «Форин полиси». Автор ее, член СМО С. Хоффман, прямо заявлял, что вопрос о «правах человека» в постановке администрации Картера заведомо «порождает конфронтацию» и является поэтому в таком варианте «опасным вопросом»⁶⁵.

В то же время ряд других статей в этих органах открыто ратовал за использование темы о правах человека для активного антисоветизма. Прямым ответом на упомянутую выше статью Хоффмана была статья научного сотрудника СМО Сандры Фогельгесанг в журнале «Форин афферс». Она критиковала администрацию с крайне правых позиций, обвиняя ее даже в «отступлении» и «капитуляции» в этом вопросе ввиду отпора, полученного администрацией со стороны СССР, недвусмысленно призывала использовать лозунг о правах человека для «более широких и более долгосрочных изменений в советском и восточноевропейском обществе»⁶⁶.

Отнюдь не проводя прямой параллели между этой публичной дискуссией и изменениями в политике администрации Картера, можно все же отметить одно небезынтересное совпадение. Пока в этой дискуссии преобладали колебания, колебалась и администрация. Когда же правые силы взяли верх, то более явную антисоветскую ноту взяла и администрация. Это уже даже не совпадение, а прямая зависимость.

Как тут не вспомнить появившуюся в журнале «Форин полиси» осенью 1977 года статью «Период охлаждения в американско-советских отношениях». Автор ее, директор программы по американско-советским отношениям Фонда Карнеги С. Браун, четко проповедовал необходимость «понизить ожидания» благоприятного развития отношений между двумя странами и делать меньший упор на «сотрудничество и коллаборационизм» (!) с Советским Союзом⁶⁷. Учитывая, что автор данной статьи — руководитель программы Фонда Карнеги по американско-советским отношениям, трудно воздержаться от вывода, что финансовый комплекс в целом слишком часто подвержен приступам антисоветизма, чтобы можно было

говорить о его готовности и способности мыслить полностью реалистически.

Складывается впечатление, что разрядка для него — это все еще нечто вынужденное, а не необходимое, что сотрудничество с СССР, с точки зрения комплекса должно быть минимальным, а не оптимальным. Похоже, что в целом представители ЦФК готовы по существу лишь к одной области объединения усилий с СССР — не дать гонке вооружений выйти из-под контроля. Но даже на этом пути их цели и устремления являются весьма ограниченными. Не в этом ли секрет робости администрации Картера, шедшей на выборы под лозунгами радикального сокращения вооружений?

Посмотрим, однако, подробнее на установки финансовой олигархии США в этой области и на отражение их в политике администрации Картера.

Нераспространение ядерного оружия. В этом отношении некоторые реальные сдвиги во внешней политике США, связанные с деятельностью администрации Картера, не произошли на пустом месте. Подписание 1 июля 1968 г. Договора о нераспространении ядерного оружия и его вступление в силу 5 марта 1970 г., разумеется, не могли бы иметь место, если бы линия Советского Союза на предотвращение расползания этого оружия по земному шару уже тогда не нашла понимания и со стороны Соединенных Штатов. Что действительно нового произошло в США на стыке администраций Форда — Киссинджера и Картера — Вэнса, так это осознание правящими кругами США необходимости более решительных действий в этом отношении.

Сдвиг в политике США в сторону более жестких мер по обеспечению нераспространения ядерного оружия был разработан и обоснован на уровне важнейших институтов ЦФК, специализировавшихся на формировании внешней политики США.

Одним из тех, кто взялся за серьезную разработку этих вопросов в новой ситуации, был Институт Брукингса. В опубликованной им программной работе «Установление национальных приоритетов: следующие десять лет»⁶⁸ проблема нераспространения ядерного оружия занимала одно из виднейших мест. В предисловии к книге указывалось, что глава о военной политике США и о военных бюджетах основывается на исследованиях, являющихся частью постоянной программы работ в этой

области, субсидируемой Фондом Форда. Проект же в целом субсидировался «дарами» Корпорации Карнеги (Нью-Йорк) и Фондом Ричарда Кинга Меллона. Одним словом, заказчики у Института Брукингса и на этот раз были традиционные.

В произведенном институтом анализе тенденций и вероятных последствий в вопросе нераспространения ядерного оружия звучала неподдельная тревога перед лицом угрозы бесконтрольного развития событий, могущего неизмеримо увеличить риск возникновения термоядерной войны. Институт выступил за срочное принятие конкретных мер для предотвращения такой угрозы. Правительству США, в частности, рекомендовалось: 1) усилить требования к странам, которым продаются для использования в мирных целях расщепляющиеся материалы, в отношении принятия ими на себя обязательств не использовать эти материалы в целях производства ядерного оружия или производства ядерных взрывов, а также для получения согласия этих стран принять на себя систему гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ); 2) поощрять присоединение государств к Договору о нераспространении ядерного оружия; 3) поддерживать систему гарантий МАГАТЭ; 4) координировать свои действия с другими странами, поставляющими расщепляющиеся материалы, включая СССР и Францию; 5) обеспечить защиту ядерных установок и материалов от действий террористических и подобных групп; 6) изменить таким образом технологию ядерного цикла, чтобы уменьшить опасность использования расщепляющихся материалов в военных целях; 7) скоординировать всю внешнюю политику США для достижения этих целей.

Остается напомнить, что два старших сотрудника Института Брукингса, возглавлявшие разработку данного исследования, Генри Оуэн и Чарльз Шульце, заняли видные посты в администрации Картера.

В марте 1977 года, через два месяца после прихода к власти администрации Картера, в США было опубликовано исследование «Проблемы и альтернативы ядерной энергии: доклад группы по исследованию политики в области ядерной энергии»⁶⁹. Этот труд явился результатом работы группы ученых и бизнесменов, финансируемой Фондом Форда.

Основные рекомендации этого исследования, носив-

шего формально более технический характер, чем подход Института Брукингса, сводились к следующему. Соединенным Штатам следует отказаться от ставки на то, чтобы значительная часть электроэнергии в стране производилась в будущем с помощью ядерных реакторов на быстрых нейтронах, работающих на плутонии. Причина состоит в том, что «риск в международной и социальной областях» от увеличения масштабов подготовки и переработки «плутониевого топлива», необходимого для таких реакторов, значительно перевешивал бы все возможные экономические выгоды. По заключению авторов доклада, технологические характеристики, присущие ядерному циклу реакторов на быстрых нейтронах, неизбежно ведут к появлению запасов плутония, могущих быть использованными для производства ядерного оружия. В свою очередь, увеличение числа таких реакторов и распространение их по земному шару повело бы к резкому увеличению возможностей распространения ядерного оружия. Поэтому рекомендовалось свернуть программу указанных реакторов вплоть до того времени, пока не будет найдена новая, безопасная технология. Вместо этого предлагалось наладить расширенную программу производства ядерного топлива для тепловых реакторов, работающих на уране, цикл которых не создает такой угрозы расползания ядерного оружия. Имелось в виду, что в соответствии с этими задачами США перестроят всю свою политику экспорта расщепляющихся материалов и скоординируют ее с другими странами — экспортерами таких материалов.

Доклад группы Фонда Форда был встречен с должным вниманием. Члены группы после его завершения встретились с президентом Картером, который был ознакомлен с главными выводами исследования. К тому времени два члена группы уже заняли посты непосредственно в правительстве: Г. Браун стал министром обороны, а Дж. Най — заместителем заместителя государственного секретаря. «Частично потому, что группа Фонда Форда включала в себя двух высокопоставленных членов администрации, а частично из-за предыдущих высказываний президента Картера (в пользу нераспространения ядерного оружия. — *Р. О.*), — писала газета «Нью-Йорк таймс», — рекомендации доклада широко рассматривались как прогноз того, какова будет окончательная позиция самой администрации по вопросу о

ядерной энергии»⁷⁰. А спустя несколько месяцев журнал «Форин афферс» писал об этом же докладе группы Фонда Форда уже следующее: «Эта впечатляющая книга, являющаяся образцом четкости, глубины и своевременности, как представляется, уже оказала значительное воздействие на политику администрации Картера в области ядерной энергии... Не являясь единственным в представлении таких рекомендаций, это исследование будет, вероятно, рассматриваться как основополагающее»⁷¹.

Похвалы, расточавшиеся журналом в адрес доклада, равно как и замечание о том, что данные рекомендации не являются единственными, не были случайными. Совет по международным отношениям, органом которого является журнал «Форин афферс», сам был глубоко вовлечен в общую для всех институтов финансового комплекса, формулирующих внешнюю политику, задачу корректировки политики США в вопросах ядерной энергии и нераспространения ядерного оружия. Уже в течение ряда лет в рамках СМО функционировала «рабочая группа по ядерному оружию и другим видам оружия массового уничтожения», возглавлявшаяся заместителем председателя СМО и председателем совета попечителей Фонда Рокфеллера С. Вэнсом. Как видно из годовых докладов СМО, в группе, в частности, были рассмотрены варианты трех возможных «ядерных режимов» в мире: 1) продолжение существующего стратегического баланса; 2) режим ухудшившегося положения: регулирование нарушения стратегического баланса и мира, в котором распространилось ядерное оружие, наконец, 3) мир без ядерного оружия. Легко догадаться, что и первый, и последний вариант были отвергнуты: первый — как нереалистичский, второй — как неприемлемый. После этого группа СМО перешла к рассмотрению «политических и технических аспектов» вероятного распространения ядерного оружия и поиску контрмер. Этот вопрос был рассмотрен на заседаниях группы весной 1976 года. Иными словами, его обсуждение было закончено заблаговременно до президентских выборов, с тем чтобы его итоги могли быть использованы для соответствующего исправления внешнеполитических платформ как республиканской, так и демократической партий.

В дальнейшем результаты работы в 1975—1976 годах группы СМО по ядерному оружию и другим видам

оружия массового уничтожения были выставлены на публичное обозрение, хотя и в явно «отжатом» виде.

В феврале 1977 года была опубликована первая работа в рамках «Проекта 80-е годы» — книга докладчиков рабочей группы Т. Гринвуда, Г. Фейвесона и Т. Тэйлора «Распространение ядерного оружия. Мотивы, потенциал и стратегия контролирования». Можно было бы, вообще говоря, удивляться совпадению кредо авторов этой книги с существом рекомендаций по проблеме нераспространения ядерного оружия, высказанных Институтом Брукингса и группой Фонда Форда. Но читатель уже давно убедился в том, что когда ЦФК берется за подправление, по тем или иным причинам, какого-либо аспекта внешней политики США, то все составные части его механизма, специализированного на направлении этой политики, координируют свою деятельность довольно четко.

Исследование СМО рассматривает в целом тот же набор проблем и, главное, возможных решений, что и две названные выше работы (усиление системы гарантий МАГАТЭ, отказ от реакторов на быстрых нейтронах и форсирование производства расщепляющихся материалов для тепловых реакторов и т. п.). Разумеется, допускаются и разночтения — по принципиальным и производным вопросам. Так, авторы последней из упомянутых работ никак не могут согласиться друг с другом, на чем делать главный упор для пресечения или, по крайней мере, замедления распространения ядерного оружия. Одни из них считают, что основное состоит в том, чтобы затруднить решение чисто технических проблем создания ядерного оружия. Другие полагают, что гораздо важнее поднять «политические барьеры», препятствующие распространению ядерного оружия. Но, как мы уже знаем, такой разноречивый подход к решению многоплановых вопросов, встающих перед внешней политикой США, даже сознательно поощряется политическими институтами американской финансовой олигархии как своего рода дополнительная возможность изыскания оптимального ответа.

Вторая часть итогов работы группы СМО по ядерному оружию была опубликована в начале 1978 года в книге «Ядерное оружие и мировая политика. Альтернативы для будущего». Авторы ее также являлись докладчиками во время дискуссий 1975—1976 годов в этой

группе. В книге детализируются три уже известных нам «ядерных режима», теоретически возможных в плане решения задачи нераспространения ядерного оружия. Конечно, и в данном случае изъятые «рабочие рекомендации», которые были сделаны на основании исследования различным ведомствам правительства США.

Публикацией двух отмеченных исследований в рамках «Проекта 80-е годы» СМО тем не менее продолжил ту работу в деле корректирования внешней политики США, важной частью которой кроме непосредственного воздействия на правительство является обработка широкого общественного мнения в стране. Это была, так сказать, стадия научного и теоретического обоснования «для публики» тех идей и решений, которые в упрощенном виде были пущены в оборот значительно раньше.

Так, еще в октябре 1976 года Ассоциация по внешней политике выпустила (в том числе для сети своих семинаров) в «Серии главных проблем» брошюру «Ядерное распространение: стратегия для контролирования». Авторами ее являлись штатные сотрудники СМО Э. Пьерр (бывший сотрудник Института Брукингса) и К. Мойни. Одной из причин озабоченности этих авторов возможностью распространения ядерного оружия являлся следующий тезис: «В таком мире могли бы быть распущены военные союзы из-за опасности быть втянутыми в ядерную войну собственными союзниками». Это — аргумент, от которого веет больше заботой о сохранении военного блока НАТО, чем подлинной тревогой за угрозу миру. Кстати говоря, и многие другие мотивы авторов «новой редакции» ядерной политики США отдают чем угодно, только не миролюбивыми намерениями. Франция и ФРГ, например, собственная программа строительства атомных электростанций которых основана на вводе в строй реакторов на быстрых нейтронах, явно усматривают в ставке США на сворачивание таких реакторов не в последней степени попытку своих американских конкурентов навязать миру такую технологию производства расщепляющихся материалов, в которой США значительно превосходят французские и западногерманские монополии.

Частью «прокатывания» новых подходов ЦФК к решению проблем нераспространения ядерного оружия было и включение темы «Распространение смертельного оружия: может ли быть остановлено распространение?»

в качестве первого пункта программы «Великие решения» на 1977 год — программы, совместно опекаемой АВП и СМО.

Такова вкратце история разработки и идеологической оркестровки финансовой олигархией США политической позиции США в вопросе о нераспространении ядерного оружия. Всякий сколько-нибудь объективный наблюдатель не может не констатировать, что позиция администрации Картера по вопросу о нераспространении ядерного оружия полностью вписалась в основные рамки конкретных рекомендаций, высказанных в этой связи специализированными внешнеполитическими экспертами ЦФК. Достаточно, например, ознакомиться с заявлением президента Картера от 7 апреля 1977 г. о политике в области ядерной энергии, чтобы убедиться в этом.

Небезынтересно, что даже задача практического претворения в жизнь разработанного для правительства США курса в этом отношении решалась с непосредственным участием его подлинных авторов. Фонд Форда, например, организовал в январе 1978 года в Токио совместно с Японским атомным промышленным форумом закрытое совещание экспертов двух стран по вопросу о развитии ядерной энергии в свете новой американской политики по вопросу о нераспространении ядерного оружия. Основными темами обсуждения, в которых с американской стороны принял участие и заместитель заместителя государственного секретаря Дж. Най (участник упоминавшегося выше доклада Фонда Форда), были следующие проблемы: энергетические ресурсы, роль ядерной энергии, регенерация, реакторы на быстрых нейтронах и контроль над ликвидацией радиоактивных расходов, рециклирование ядерного топлива и международное соглашение по его регулированию. Несколько раньше Фонд Форда провел аналогичное совещание в ФРГ.

Новая политика администрации Картера в вопросе о ядерной энергии в целом и о нераспространении ядерного оружия в частности была и остается порождением изменившихся под влиянием обстоятельств интересов американской финансовой олигархии.

Ограничение гонки вооружений. Как и в отношении предыдущей проблемы, нынешняя администрация отнюдь не явилась оракулом совершенно новых подходов. Первые по-настоящему крупные шаги в этом отношении

были сделаны еще задолго до ее прихода к власти, когда в Москве в 1972 году между Советским Союзом и Соединенными Штатами было заключено первое соглашение об ограничении стратегических вооружений. Но наша задача и не состоит в том, чтобы проследить весь путь, который прошли правящие круги США, прежде чем прийти к мысли о необходимости в новых исторических условиях в своих же собственных интересах ввести в определенные рамки бесконтрольную гонку вооружений. Мы хотим в данном случае показать лишь происхождение той позиции, которую заняла в этом отношении администрация Картера, — откуда появились у нее те или иные конкретные идеи, какие именно лица и институты просматриваются как их генетические предшественники.

В этом отношении полезно, например, ознакомиться с внешнеполитической частью предвыборной программы 1976 года демократической партии США «Приоритеты 1976 года. Выбор демократической партии». Казалось, это должен быть документ, в котором влияние ЦФК было бы, по крайней мере, опосредованным. Этого, однако, не произошло. Составили его уже хорошо известные нам лица. Интересы Фонда Рокфеллера представляли в числе соавторов программы С. Вэнс, Г. Браун и Р. Руза (первый из них представлял также и СМО, а третий — Институт Брукинга). Фонд Карнеги был представлен его сотрудником Д. Макгенри, «Форд мотор», если и не сам Фонд Форда, — У. Фредериксом, банкирский дом «Браун бразерс, Гарриман» — А. Гарриманом (и тем же Р. Рузой), а «Лимен бразерс» — Дж. Боллом. Юридические фирмы Уолл-стрита и Вашингтона были представлены К. Клиффордом, С. Линовцем, П. Уорнке и П. Нитце.

Список «ограничений и возможностей» для внешней политики США в программе демократической партии эта группа начала со следующего заявления, касающегося СССР и США: «Обе стороны должны быть сильно заинтересованы в том, чтобы совместно работать в направлении достижения взаимовыгодных соглашений об ограничении стратегических вооружений. Нашей целью должно быть увеличение стабильности стратегического баланса, уменьшение риска ядерной войны и сокращение стоимости состязания в ядерных вооружениях, не отвечающего интересам ни одной из сторон»⁷². Это, надо

отметить, — совершенно иная установка, чем та, которая давалась в докладах Гейтера и Фонда братьев Рокфеллеров за 18—19 лет до этого.

Конечно, и данный документ отнюдь не был пронизан симпатией к Советской власти; более того, он изобиловал прямыми антисоветскими выпадами. И тем не менее общий подход его в отношении Советского Союза не мог не быть, по крайней мере в ключевых вопросах, более реалистическим. Во всяком случае, программа демократической партии 1976 года уже не ратовала за военное превосходство США над СССР. Она призывала лишь к тому, чтобы «поддерживать эквивалентность в существе стратегических вооружений с СССР». Она высказывалась также за заключение «в самый кратчайший срок» второго соглашения с СССР по ограничению стратегических вооружений и соглашения о полном прекращении испытаний ядерного оружия. А ведь до того времени неоднократные призывы в этом отношении со стороны СССР не встречали никакого положительного отклика с американской стороны.

Стоит ли говорить о том, что, хотя в принципе программа любой из двух основных буржуазных партий США не является обязательным документом для кандидата от такой партии на пост президента, Дж. Картер, как будучи кандидатом, так и став президентом, с большой серьезностью отнесся к рекомендациям, сделанным столь знающей и влиятельной группой соавторов программы.

Не остались незамеченными и были учтены администрацией Картера и более конкретные рекомендации в отношении внешней политики США, исходившие от других групп и институтов того же источника. Так, Институт Брукингса в том же своем труде «Установление национальных приоритетов. Следующие десять лет», вышедшем к президентским выборам 1976 года, рекомендовал, в частности, исследовать возможности заключения соглашения с СССР об ограничении размещения военно-морских сил — в Индийском океане. Он выдвигал также тезис о том, что бесконтрольная продажа Соединенными Штатами вооружений развивающимся странам может нанести ущерб их собственным политическим и стратегическим интересам. Наконец, Институт Брукингса высказывался за возможное постепенное сокращение численности войск США в Южной Корее. Понятно, что

сама по себе постановка этих проблем отнюдь не означала некий «сдвиг к миролюбию» в настроениях комплекса. Она скорее просто отражала сокращение его военных и внешнеполитических возможностей.

Но гораздо важнее убедиться прежде всего в том, что подобный подход был в целом типичным в правящих кругах США в ходе президентских выборов 1976 года. Что это было действительно так, подтверждал и еще один документ.

Речь идет об опубликованном 15 ноября 1976 г., уже через неделю после президентских выборов, докладе «Контролирование гонки обычных вооружений», выпущенном Американской ассоциацией содействия ООН. Эта номинально независимая организация на деле является детищем Фонда Карнеги, в здании и под крылом которого она располагается. В руководстве ассоциации в то время были представлены такие лица, как Р. Руза, С. Вэнс и П. Маккивер — один из сотрудников Дж. Рокфеллера III. Сам доклад ассоциации, о котором идет речь, был подготовлен под эгидой комитета Ассоциации по политическим исследованиям, членами которого кроме Р. Рузы, С. Вэнса и П. Маккивера являлись также бывший президент Фонда Карнеги Дж. Джонсон и Э. Джэксон из Фонда Рокфеллера, а также Р. Гарднер и М. Шульман. Наконец, в группу, занимавшуюся непосредственной подготовкой названного доклада, входили кроме ряда уже упомянутых лиц В. Нильсен, бывший сотрудник Фонда Форда, и Г. Уорнке.

Что касается существа рекомендаций, делавшихся в докладе ассоциации, то они до удивления совпадали с рекомендациями Института Брукингса: договориться о существенном ограничении вооружений США и СССР в Индийском океане, осуществлять «большую сдержанность» в вопросах экспорта оружия в развивающиеся страны, вывести из Южной Кореи войска США. Если это о чем и свидетельствовало, то опять-таки о том, что все соответствующие организации финансового комплекса работали на одной и той же волне.

Стоит ли после этого особо подчеркивать то, что и в данном случае фактическая политика правительства Картера вобрала в себя и придала официальное звучание всем этим «частным инициативам». Читатель, зная «послужной список» этой администрации, сам в состоянии сделать этот вывод.

Если на чем в этом контексте и стоит остановиться особо, так это на том, что вдруг появившаяся «приверженность» США делу разоружения не была не только последовательной, но и достаточно искренней. Реалии эпохи мирного сосуществования не были воспринимаемы без рецидивов времен «холодной войны».

Силы, направлявшие подготовку внешнеполитической линии правительства Картера, вынуждены были, конечно, учитывать некоторые непреложные факты изменения соотношения сил на мировой арене. Вместе с тем они изыскивали возможности для того, чтобы их империалистические интересы оказались наименее ущемленными даже в этой обстановке.

Что касается ограничения гонки вооружений, американские монополии, идя на вынужденные издержки и деловые переговоры в некоторых областях, не хотели такого положения, когда был бы совершен поворот вспять по всему фронту. Прибыли, получаемые ими от производства вооружений, по-прежнему были для них своего рода путеводной звездой. Орган крупнейшего нью-йоркского банка «Ферст нэшнл сити бэнк» бюллетень «Мангли экономик леттер» заранее выступил с тех позиций, что вынужденное сворачивание, а затем и окончание войны во Вьетнаме не должны вести к сокращению военного производства в США. Более того, в одном из номеров бюллетеня еще за 1972 год прямо говорилось, что, несмотря на сворачивание наземной войны во Вьетнаме, большие заказы министерства обороны на сложную военную технику могли бы повысить производство и занятость в оборонных отраслях, что крупный толчок увеличению военных расходов в дальнейшем должен протекать из «необходимости» модернизировать военную технику.

В этих условиях борьба Советского Союза за обеспечение реального прогресса в деле ограничения вооружений и разоружения наталкивалась не только на нежелание американской империалистической буржуазии как класса навсегда отказаться от применения силы против социализма, но и на ее неготовность расставаться с прибылями от производства орудий смерти.

Вот почему определенные положительные итоги двусторонних советско-американских и многосторонних, с участием СССР и США, переговоров в последние годы по вопросам разоружения могут быть занесены в пер-

вую очередь в актив Советского Союза — страны, которая и в социальном, и в экономическом отношении всегда смотрела на гонку вооружений только как на угрозу миру и отвлечение ресурсов от нужд развития.

Сама же администрация США следует по рельсам данных ей центральным финансовым комплексом рекомендаций лишь в той степени, в какой эти рекомендации отражают реальную готовность комплекса к корректировке внешней политики США — в отличие от многих лишь перебираемых вариантов, которые так и не воплощаются в практическую политику. Так, в том, что касается сокращения военного присутствия великих держав в Индийском океане, практическая политика администрации Картера оказалась куда более осторожной, чем первоначальные наметки. От вначале выдвинутой идеи полной «демилитаризации» этого океана дело пошло (в 1978 г.) к более скромному «ограничению» военного присутствия там СССР и США, а затем (в 1979 г.) и просто к его «замораживанию» на существовавшем уровне. В части вывода войск США из Южной Кореи, о чем первоначально шла речь, последующая «корректировка» (в 1978 г.) все более и более растягивала и сроки такого вывода, и его реальный объем, а в конечном счете (в 1979 г.) речь пошла об «укреплении» военного присутствия США в данном районе.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что сокращение возможностей применения силы со стороны Соединенных Штатов может реализовываться только в том случае, если обстоятельства продолжают таким образом «поджимать» американский империализм, что его теоретическая готовность к такому сокращению не знает уже иного выхода. В противном случае первоначальные наметки летят в корзину, а классовый инстинкт вновь одерживает верх над разумом.

6. Латание тылов

Как мы уже видели на примере американской интервенции во Вьетнаме, забота об удержании периферии мирового капиталистического хозяйства — колониальных, а затем молодых развивающихся стран — на положении бесправного объекта капиталистической эксплуатации и сферы господства прежде всего американ-

ских монополий составляет одно из важнейших направлений внешнеполитической, внешнеэкономической и военной стратегии американского империализма. Разумеется, конкретные азимуты этой сферы активности США на международной арене предопределяются интересами центрального финансового комплекса и его наиболее могущественных групп.

Классически традиционным для американского империализма и поэтому исторически более им освоенным было Западное полушарие, а точнее — латиноамериканские страны региона. Не вдаваясь в исторические экскурсы, можно сказать, что политика США в Латинской Америке, во всяком случае после второй мировой войны, постоянно осуществлялась все теми же могущественными силами, которые формируют американскую политику в целом. Достаточно напомнить только несколько по-настоящему ключевых элементов стратегии США в Латинской Америке.

Вторая мировая война была использована американским империализмом далеко не в последней степени для того, чтобы, подорвав позиции, которые имели в Латинской Америке как его друзья (Англия), так и враги (фашистская Германия), закрепить свое полное господство в этом регионе.

Уже весной 1940 года группа, членами которой были известный Б. Румл, У. Хэррисон, впоследствии «семейный» архитектор Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке, Дж. Крейн из «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и др., подготовила предложение о политике США в Западном полушарии. Эта политика была нацелена на предотвращение появления в регионе германских конкурентов и использование американских инвестиций в качестве основного средства закрепления позиций США.

В июле 1940 года Н. Рокфеллер вручил краткий меморандум, основанный на этой разработке, специальному помощнику президента Рузвельта Г. Гопкинсу. Смысл меморандума сводился к тому, что, независимо от победы или поражения фашистской Германии, США должны сделать все, чтобы сохранить Латинскую Америку в качестве своей вотчины. Для этого рекомендовалось активизировать линию США в регионе буквально по всем направлениям — путем расширения торговли, увеличения инвестиций, усиления дипломатической активности, развития культурных и научных связей. Для

объединения и направления всей этой деятельности Н. Рокфеллер рекомендовал создать в государственном департаменте США пост координатора по межамериканским делам. Одна из важнейших задач координатора, согласно этому предложению, должна была состоять в том, чтобы уменьшить зависимость Латинской Америки от Европы как рынка сырья и источника товаров обрабатывающей промышленности.

Несколько позже другой специальный помощник президента Дж. Форрестол (из банка «Диллон, Рид») предложил Н. Рокфеллеру от имени президента занять этот пост. Прошло еще немного времени, и один высокопоставленный американский дипломат в Латинской Америке уже жаловался первому заместителю государственного секретаря США на то, что местные координационные комитеты, созданные Н. Рокфеллером в каждой латиноамериканской стране, явно составлены из крупнейших бизнесменов, включая представителей таких компаний, как «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Дженерал электрик», «Юнайтед фрут». В результате позиции американского империализма в Латинской Америке были значительно упрочены, а новый государственный секретарь США Стеттинкус (из моргановской «Ю. С. стил») сообщил Н. Рокфеллеру в ноябре 1944 года, что президент Рузвельт назначает его на пост заместителя государственного секретаря США по делам Латинской Америки.

На этом посту Н. Рокфеллер пробыл всего девять месяцев, но сумел наложить четкий отпечаток интересов финансовой олигархии США на всю последующую американскую стратегию в отношении целого региона. Он, в частности, был одним из главных авторов Чапультепекского акта 1945 года, по сути дела подчинившего латиноамериканские государства военно-стратегическим интересам американского империализма. Он настоял на включении в Устав ООН ст. 51 о праве на самооборону, основной смысл которой в то время состоял в развязывании американскому империализму свободы рук в Латинской Америке.

Следующим рубежом в политике США было выдвижение администрацией Кеннеди в 1961 году программы «Союз ради прогресса», нацеленной на приспособление политики американского империализма в латиноамериканском регионе к изменившимся условиям. И опять ав-

торство этой крупной новой акции не может быть не приписано самому финансовому комплексу.

Для установления подлинного генезиса «Союза ради прогресса» важно учитывать содержание заявления «Сотрудничество ради прогресса в Латинской Америке», с которым в том же, 1961 году выступил Комитет по экономическому развитию. Как говорится в книге одного американского автора, «КЭР закончил свою работу над этим заявлением как раз накануне направления президентом Кеннеди своей программы «Союз ради прогресса» в конгресс. Параллели между этими двумя документами были потрясающими несомненно отчасти из-за того, что некоторые высокопоставленные советники КЭР по этому проекту были также и членами специальной группы, разрабатывавшей кеннедиевский „Союз ради прогресса“»⁷³.

Внутри самого правительства инициатором параллельной предложением КЭР идеи «Союза ради прогресса» выступил глава специальной группы, назначенной Белым домом для разработки политики США в отношении Латинской Америки, А. Берли, семейный советник Рокфеллеров. После того как программа «Союз ради прогресса» была официально провозглашена администрацией Кеннеди от своего имени, задачу обеспечения ей поддержки со стороны американского бизнеса взял на себя Д. Рокфеллер, создавший вскоре соответствующую группу бизнесменов.

Впрочем, уже к середине 60-х годов «Союз ради прогресса», одной из задач которого было налаживание более гибких, и в основном экономических, методов поддержания господства США в Латинской Америке, фактически изжил себя. Интервенция США в Доминиканской Республике в апреле 1965 года наглядно свидетельствовала о том, что параллельно эскалации агрессии США во Вьетнаме американский империализм возвращался к политике «большой дубинки» и в Латинской Америке. В сентябре 1965 года палата представителей США, идя далее по этому пути, одобрила резолюцию, санкционировавшую одностороннее применение Соединенными Штатами силы в Латинской Америке.

Последующие зигзаги политики США в Латинской Америке также предлагались и направлялись из знакомого источника. Когда в октябре 1969 года президент Р. Никсон выступил с программной речью своей адми-

нистрации в отношении политики США в Латинской Америке, он прямо признал, что его предложения были в основном сформированы докладом Рокфеллера. Имелся в виду доклад, явившийся итогом миссии в ряд латиноамериканских стран губернатора штата Нью-Йорк Н. Рокфеллера, предпринятой незадолго перед тем по предложению республиканской администрации с целью разработки новой тактической линии США в отношении этого региона. Как отмечала печать США, «внимательное чтение обращения Никсона и доклада Рокфеллера обнаруживает совпадение взглядов — имеет место в удивительной степени последовательное единство цели и мышления»⁷⁴.

Все это примеры настойчивых попыток США сохранить в качестве основы своей политики в Латинской Америке диктат и прямое навязывание воли американского империализма. По мере того как с течением времени «имперские» позиции США на этом континенте неутомимо подрывались борьбой латиноамериканских стран за утверждение своего суверенитета и подлинной независимости, вынужденно менялись и тактические формы политики США в этом районе.

В октябре 1974 года правительству Дж. Форда был представлен доклад с рекомендациями о политике США в Латинской Америке. Среди участников «частной» группы, готовившей этот доклад при финансовой поддержке Фонда Форда и Фонда братьев Рокфеллеров (она была названа «Комиссией по отношениям между Соединенными Штатами и Латинской Америкой»), были С. Лиовиц (руководитель группы), являвшийся партнером юридической фирмы «Кудерт бразерс», бывший президент Фонда Рокфеллера Дж. Харрар, советник международного отдела Фонда Форда К. Силверт, вице-президент «Ферст нэшнл сити бэнк» С. Констанцо, председатель банка «Лимен бразерс» и бывший министр торговли П. Питерсон и др. Рекомендации комиссии требовали явной модернизации политики США в Латинской Америке. Рекомендовалось, в частности, прекратить практику грубых карательных акций против любой латиноамериканской страны, которая экспроприировала бы собственность какой-либо американской компании на своей территории, отменить торговую блокаду Республики Куба и подписать новый договор с Панамой о Панамском канале, который сглаживал бы наиболее ост-

рые углы засилья США на части суверенной территории этой страны. Получив от главы комиссии Линовица копию этого доклада, президент Форд поблагодарил членов комиссии за «конструктивную» работу, поручив государственному секретарю США Г. Киссинджеру продолжить с ней контакт. Как известно, во всяком случае, первая и третья из упомянутых рекомендаций доклада комиссии были приняты правительством республиканской администрации к практическому руководству. В частности, США вскоре пошли на разработку совместно с Панамой более либерализованных принципов, на основе которых должно было быть скорректировано пребывание США в зоне канала.

В декабре 1976 года, уже после победы Дж. Картера на президентских выборах, комиссия Линовица подготовила свой второй доклад по тем же вопросам взаимоотношений с Латинской Америкой, явно адресованный новой демократической администрации. Три соавтора нового доклада (М. Блюменталь, С. Хантингтон и Р. Гарднер) получили ответственные посты в этой администрации. Собственно говоря, этот второй, дополнительный, доклад был целиком посвящен вопросу о том, что для самих США заключение нового договора о Панамском канале является не только желательным, но и настоятельно необходимым. Причина этой спешки комиссии была очевидной: анахронизм откровенно колониалистского анклава США в сердце независимой латиноамериканской страны был настолько очевиден, что мог привести к немедленным осложнениям не только в Панаме, но и в Латинской Америке в целом. Срочность, которую придавала разрешению этой проблемы администрация Картера в 1977—1978 годах, лишний раз свидетельствует о весомости рекомендаций внешнеполитического характера, исходящих непосредственно от центрального финансового комплекса.

В отличие от Латинской Америки, являвшейся исторически первым объектом экспансии американского империализма, и Ближнего Востока, активность США в районе которого нарастает в течение полувека, африканский континент долгое время рассматривался финансовым капиталом США как задворки большой политики. Отчасти это объяснялось тем, что даже через десять лет после окончания второй мировой войны Африка выглядела на политической карте мира все еще в основном

сферой колониальных владений Англии, Франции, Бельгии и Португалии.

Начавшийся затем бурный развал этих колониальных империй несколько активизировал интерес монополистической буржуазии США к африканскому континенту. В 1958 году СМО создал группу по исследованию положения в Африке к югу от Сахары и выяснению возможностей там для США. Возглавил группу Г. Хохшильд, имевший крупнейшие вложения в медные рудники южной части Африки через известную компанию «Америкэн метал клаймекс». Среди членов группы был и Д. Рокфеллер. В этом же году группа совершила двухнедельную поездку в Африку, чтобы на месте ознакомиться с исследовавшимися вопросами. Поездка финансировалась за счет «дара» в 45 тыс. долл., предоставленного Фондом Карнеги. Тогда же Фонд братьев Рокфеллеров открыл свое единственное заграничное отделение в столице Нигерии, выделив ему 250 тыс. долл. на серию исследований возможностей инвестирования американского капитала в Нигерии и Гане.

Примерно в то же время при содействии того же Хохшильда и, как стало позднее известно, при поддержке ЦРУ в США был создан Африкано-Американский институт. Его назначение состояло в том, чтобы выковывать идеологически обработанные руководящие кадры для готовившихся к независимости африканских стран. В целом этот институт стал в США чуть ли не монополистом в этом отношении: через него прошли 90% всех африканских студентов, обучавшихся в США. Председателем правления института в 1963 году стал Д. Крил, один из ведущих менеджеров империи Рокфеллеров, а президентом института — В. Нильсен, прошедший должную школу в Фонде Форда. Нынешний президент этого института У. Коттер в прошлом также был служащим Фонда Форда, являясь в 1966—1970 годах его представителем в Колумбии и Венесуэле.

Время от времени к африканским проблемам подключался и Институт Брукингса. На деньги Фонда Форда он, в частности, провел исследование операций войск ООН в Конго (в 1960—1964 гг.), чтобы определить возможности для США в этой сфере. О пристальном интересе к данной области в то время весьма влиятельных кругов в США свидетельствует тот факт, что данное исследование (выдержки из него были опубликованы в

1965 г.) обсуждали и подправляли Л. Финкельштейн из Фонда Карнеги, У. Фредерикс, чередовавший пребывание в государственном департаменте США с работой в качестве менеджера в империи Генри Форда, генерал-майор Дж. Кэри из финансируемого Фондом Форда Института оборонного анализа и другие лица.

В целом, однако, Африка все еще продолжала оставаться вне сферы внимания внешней политики США. Причина состояла в том, что такие бастионы расизма и колониализма в южной части Африки, как ЮАР, Южная Родезия и португальские колонии, выглядели незыблемыми. Показательным в этом отношении был выпущенный в 1968 году на деньги Фонда Форда и Фонда братьев Рокфеллеров сборник «Южная часть Африки и Соединенные Штаты», практически все соавторы которого выступали за то, чтобы США продолжали оказывать поддержку режимам белого меньшинства.

Кстати говоря, именно этот фон помогает понять глубинные корни секретного исследования политики США в южной части Африки, подготовленного в 1969 году для Национального совета безопасности США по указанию президента Р. Никсона и конкретному заданию советника президента Г. Киссинджера. Этот ставший впоследствии достоянием гласности документ⁷⁵ рекомендовал правительству укреплять позиции США в бастионах белого расизма, уменьшить критику в их адрес со стороны США в рамках ООН, «разморозить» двусторонние отношения США с ЮАР и не оказывать давление на португальских колонизаторов. Одним из последствий того, что официальная политика США в Африке была поставлена на такую основу, явился тот факт, что с 1968 по 1973 год объем американской торговли с ЮАР увеличился вдвое, а прямые американские инвестиции в ЮАР возросли на три четверти. С 1972 года США открыто отказались соблюдать обязательные санкции против режима Смита в Южной Родезии, установленные Советом Безопасности в 1968 году. Все это логически подвело американский империализм к тому, что в 1975 году он выступил союзником и соучастником вооруженной интервенции Южной Африки против Анголы в попытке подавить силой оружия одно из наиболее мощных национально-освободительных движений в южной части Африки.

Но именно эта интервенция вызвала столь неожиданно

данные последствия для колонизаторов, в том числе для американских неоколониалистов, что они должны были серьезно пересмотреть всю свою тактику в этом районе. То, что за провалом империалистической агрессии против Анголы, непосредственными участниками которой были США, последовало своеобразное сальто американской дипломатии, ставшей активно набиваться в друзья африканским странам, достаточно хорошо известно. Менее известны подлинные расчеты финансового комплекса, бывшего, как всегда, инициатором всех корректировок и зигзагов в политике США. Они стоят того, чтобы на них остановиться.

Главный тактический маневр, который предлагалось взять на вооружение американской дипломатии в Африке с учетом уроков Анголы, вписывался в качестве органической части в общий стратегический курс, который разрабатывался для политики США в отношении развивающихся стран в ходе президентской кампании 1976 года. Разумеется, авторами этих разработок были и в данном случае специализированные внешнеполитические институты американской финансовой олигархии.

Выраженная, например, устами секретаря Фонда Карнеги Ч. Мэйенса, эта новая стратегия США должна была состоять в том, чтобы не пытаться расколоть группу развивающихся стран фронтальной атакой, а взорвать ее изнутри путем привлечения на свою сторону «умеренных» арабских и африканских стран. Таким путем новой администрации США предлагалось избавиться от осложнений сразу в двух районах мира — на Ближнем Востоке и в южной части Африки, причем заигрывание с африканскими странами должно было сыграть решающую роль. Но предоставим слово самому Мэйнсу. «...Остается вопрос связки, — пишет он, — в высшей степени чувствительной (для США. — *Р. О.*) и созданной главным образом в ООН, между вопросами южной части Африки и Ближнего Востока. Как по дипломатическим, так и по внутривнутриполитическим причинам приглушение этих двух вопросов должно стать одной из ключевых внешнеполитических целей следующей администрации. Исходя из неподатливости ближневосточной проблемы, единственный возможный путь для США добиться этого — это выйти в первые ряды западных держав, оказывающих давление в пользу расовой справедливости в южной части Африки»⁷⁶. Итак, главным орудием аме-

риканской дипломатии отныне становилась того «борца за справедливость» в противостоянии независимых африканских стран и национально-освободительных движений, с одной стороны, и расистских режимов Претории и Солсбери — с другой.

Эти рекомендации не прошли незамеченными. Сам Мэйнс, как мы уже упоминали, стал заместителем государственного секретаря США по делам международных организаций (прежде всего ООН) в администрации Картера. Заместителем представителя США в Совете Безопасности ООН был назначен Д. Макгенри, один из старших научных сотрудников Фонда Карнеги, специалист по южной части Африки. Макгенри еще в 1971—1972 годах проводил исследование в рамках СМО, доказывавшее, что «более просвещенная практика» американских монополий, имеющих инвестиции в ЮАР, может ослабить остроту расового конфликта в этой стране. Это исследование настолько пришлось по вкусу соответствующим американским монополиям, что его автор стал приглашаться в качестве советника во многие из этих компаний. Философия Макгенри вскоре зазвучала и из уст его непосредственного начальника — представителя США в Совете Безопасности Э. Янга в целом ряде публичных заявлений последнего. Янг и Макгенри, оба негры, вскоре возглавили маневры администрации Картера как в отношении Южной Родезии, так и оккупированной ЮАР Намибии, смысл которых состоял в том, чтобы расколоть африканские страны и народы и подменить подлинную независимость народов Зимбабве и Намибии достижением «разумного компромисса» с белыми расистами.

Эта стратегия подачек некоторым африканским лидерам во имя сохранения в неприкосновенности позиций американского империализма в данном районе была санкционирована и другими кроме уже упомянутых выше институтами ЦФК. Научный сотрудник Фонда Рокфеллера Р. Ротштейн писал в газете «Нью-Йорк таймс» в первые дни после прихода к власти администрации Картера, что в отношении развивающихся стран «определенные жертвы (со стороны США. — Р. О.) непосредственными интересами оправдываются долгосрочными преимуществами»⁷⁷.

Надо сказать, что в определенной степени та новая, «мягкая» стратегическая линия в отношении африкан-

ских стран, которая была предложена администрации Картера, действительно давала результаты, в частности в плане разрыва слишком очевидной и болезненной для США «связки» между расистскими режимами на Юге Африки и израильскими сионистами. Упомянувшийся выше Э. Янг спустя четыре месяца после начала проведения этой линии говорил о ее успехах. На конфиденциальной встрече с руководителями американских сионистских организаций он заявил, что поскольку поддержка африканскими странами позиции арабских и социалистических стран по Ближнему Востоку объясняется недовольством африканских стран слишком большим вниманием США к Израилю, то увеличение внимания США к Африке ослабит антиизраильские настроения к ней. Более того, утверждал Янг, оно даже сделает некоторые африканские страны «частью полезной коалиции» в защиту интересов Израиля (тем не менее впоследствии Янг так и не угодил Израилю и подал в отставку) ⁷⁸.

Последний пример лишний раз подтверждает ту истину, что если специализированные органы ЦФК (в данном случае Фонд Карнеги и журнал «Форин афферс») выдвигают новый вариант внешнеполитической стратегии, то он становится практическим руководством к действию для американской дипломатии, которая неизменно сверяет свои действия с таким новым эталоном. Предопределяющее влияние центров экономической мощи в США на американскую внешнюю политику в целом и в частности совершенно несомненно.

7. Ближний Восток

Еще более поучительной является история воздействия финансового комплекса не только на принципиальные направления, но и на конкретные контуры политики США в районе Ближнего Востока, роль которого в военно-стратегической доктрине, внешнеэкономической экспансии и внешнеполитическом курсе США вообще все время повышалась со времени обнаружения в этом районе огромных запасов нефти и повышения ставки в этих запасах крупнейших американских нефтяных монополий. Однако нельзя не заметить, что даже на этом общем фоне роста внимания американского империализма

к ближневосточному региону особый смысл и масштабы внешнеполитическая активность США в этом районе мира приобрела со времени агрессии Израиля против арабских стран в июне 1967 года.

Как и в других случаях, нас интересует прежде всего показ определяющего влияния на формирование официальной политики США крупнейших монополий и главных движущих сил ЦФК. С этой точки зрения важно прежде всего иметь в виду, что «шестидневная война» 1967 года, как выразилась газета «Нью-Йорк таймс», «привела в действие силы, которые резко изменили международную нефтяную промышленность»⁷⁹. Полная солидаризация официальной политики США с Израилем, продолжавшим удерживать арабские земли, вела к росту антиамериканских настроений среди арабских стран, что грозило подрвать позиции США на Ближнем Востоке в условиях возрастающего значения ближневосточной нефти, прежде всего для американских нефтяных монополий.

Тот вариант политики, к которому прибег в этой обстановке американский империализм, был довольно откровенно намечен в «Повестке дня нации», выпущенной перед президентскими выборами 1968 года Институтом Брукингса. Установка, из которой предлагал исходить институт, состояла в том, что в обозримом будущем Израиль останется на арабских территориях, оккупированных в июне 1967 года. Руководству США рекомендовалось «сосредоточиться на необходимости поддерживать мир на существующих линиях прекращения огня» и быть готовыми «к реальностям того, что может оказаться периодом длительного тупика» (т. е. отсутствия урегулирования). В этих условиях предлагалось заботиться лишь о том, чтобы изыскать для США пропагандистски удачное обеспечение. В рамках этой политики США, отстаивая интересы Израиля, должны были в целях снятия раздражения арабов официально придерживаться тезиса о том, что территория, утраченная арабскими государствами в войне 1967 года, должна быть им возвращена. Вместе с тем под прикрытием такого рода предлагалось на деле пойти по пути «частичных урегулирований и даже односторонних действий», по пути «сепаратных двусторонних мер» между Израилем и отдельными арабскими странами⁸⁰.

1969 год, когда пришла к власти администрация Ник-

сона, стал рубежом, с которого в политике США на Ближнем Востоке стали явственно просматриваться эти новые тактические формы. В политическом отношении это нашло свое выражение в выдвижении новой администрацией лозунга о том, что политика США на Ближнем Востоке будет отныне «равно справедливой» в отношении как Израиля, так и арабских стран. Этим же объяснялось согласие администрации Никсона на проведение в Нью-Йорке (начиная с апреля 1969 г.) консультаций четырех постоянных членов Совета Безопасности (СССР, США, Франции и Англии) для рассмотрения вопроса о том, каким образом может быть оказано содействие мирному политическому урегулированию на Ближнем Востоке. В конце 1969 года государственный секретарь США У. Роджерс официально заявил, что урегулирование на Ближнем Востоке не должно отражать «влияние захвата» и что израильские войска должны быть отведены на прежнюю границу между Египтом и Израилем.

Внимательный анализ позволял увидеть подлинные причины того, что оказалось лишь новым зигзагом в продолжавшемся маневрировании США на Ближнем Востоке.

В сентябре 1969 года президенту США Никсону был вручен меморандум, явившийся продуктом совещания представителей крупнейших американских нефтяных монополий, состоявшегося непосредственно на Ближнем Востоке — в Бейруте. Смысл меморандума состоял в том, что основой политики США в данном районе должно быть сохранение позиций и интересов американских компаний. На аналогичном совещании американских монополий месяцем позже присутствовал председатель «Чейз Манхэттэн бэнк» Д. Рокфеллер. Результатом продолжавшихся консультаций представителей крупнейших американских компаний и банков, имевших интересы на Ближнем Востоке, было новое представление правительству США на самом высоком уровне.

9 декабря 1969 г. президента Никсона посетили Д. Рокфеллер, его предшественник на посту главы «Чейз Манхэттэн бэнк» и председатель СМО Дж. Макклой и бывший министр финансов США Р. Андерсон, являвшийся в то время директором компании «Дрессер индастриз», имевшей интересы в Кувейте и Ливии. По просочившимся в американскую прессу сведениям, указанная

делегация заявила на этой встрече (на ней присутствовал и советник президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер), что правительство США должно срочно скорректировать свою позицию на Ближнем Востоке. По оценке группы, откровенная поддержка Израиля, в частности массовые поставки ему оружия, отталкивала от США даже умеренные и консервативные арабские режимы. Группа рекомендовала найти способ улучшить отношения с арабскими, особенно нефтедобывающими, странами, чтобы предотвратить неминуемый удар по политическим позициям США на Ближнем Востоке и их нефтяным интересам⁸¹. Иными словами, давление на правительство точно по тем же направлениям, что и в докладе Института Брукинга, продолжалось теперь уже непосредственно заинтересованными американскими монополиями.

Этот напор на правительство США своего рода ударной группы американских нефтяных трестов поддерживался и более широким кругом нефтяных компаний. «Нефтепромышленники, возвращающиеся из арабских стран, — писал журнал «Ойл энд гэз джорнэл», — сообщают, что антиамериканские настроения растут настолько, что это вызывает тревогу. Арабские радикалы поняли, что их влияние расширилось благодаря нашей официальной позиции. А более консервативные правители теряют не только свою веру в Америку, но и свое влияние на возбужденную общественность... Не исключено, что фанатики могут стать достаточно сильными, чтобы вытеснить западных нефтепромышленников и захватить их собственность в нефтяной промышленности... Единственный путь — это подтвердить нейтральную позицию нашей страны. Мы должны всячески попытаться выработать какое-то соглашение, которое могут принять обе стороны»⁸².

Таким образом, побудительные стимулы модернизации политики США на Ближнем Востоке, как они формулировались интересами американских нефтяных монополий, с самого начала не имели ничего общего с подлинным сочувствием арабским странам — жертвам израильской агрессии. Речь шла лишь о проведении косметической операции, которая должна была изменить видимость политики США в этом районе мира во имя сохранения там политических, экономических и стратегических позиций американского империализма.

То, что правительство США восприняло эти рекомендации и соответственно придало большую внешнюю сбалансированность своей политике и дипломатии в ближневосточном конфликте, было сочтено финансовой олигархией США вполне достаточным. Появилось даже определенное благодушие, что худшие испытания для американского империализма в этом районе остались позади. Проведенное в 1970—1971 годах на средства Фонда Форда исследование экономических и политических проблем и перспектив на Ближнем Востоке отличалось именно таким общим настроем.

Дополнительным успокаивающим американских финансовых магнатов фактором была смена руководства в Египте в сентябре 1970 года. Пришедший на смену Г. А. Насеру президент А. Садат уже через полтора месяца дал знать США через Саудовскую Аравию, что за помощь в деле хотя бы частичного отвода израильских войск с Синайского полуострова он готов проводить антисоветский курс⁸³.

Между тем тот факт, что существо произраильской позиции США на Ближнем Востоке не менялось, а Израиль, опираясь на эту позицию, продолжал оккупацию арабских земель, лишний раз свидетельствовал о том, что без действительно справедливого урегулирования надежды на стабилизацию положения на Ближнем Востоке оставались беспочвенными. Горючий материал, накопленный нараставшими осложнениями, приобрел уже явно критическую массу. Последней каплей было решение правительства США в феврале 1973 года поставить Израилю новые крупные партии самолетов «Фантом» и «Скайхок».

Первые сигналы приближающейся грозы были приняты американскими нефтяными компаниями на Ближнем Востоке. 3 мая 1973 г. король Саудовской Аравии Фейсал заявил президенту американской компании «Арамко» Ф. Джангерсу, что он не в состоянии больше оправдывать политическую линию США в арабо-израильском конфликте. По словам Джангерса, Фейсал подчеркнул, что лишь отмежевание американского правительства от политики Израиля сможет успокоить антиамериканские настроения среди арабов⁸⁴. Отметим, что совладельцами «Арамко» были американские нефтяные компании «Экссон», «Тексако», «Мобил ойл» и «Сокал».

Надо отдать должное нефтяным трестам США: они

четко увидели нараставшую опасность своим интересам и попытались сделать все от них зависящее. 30 мая 1973 года директора четырех головных компаний, составляющих «Арамко» (Хедланд из «Экссон», Моузес из «Мобил ойл», Декрейн из «Тексако» и Маккуинн из «Сокал»), посетили заместителя государственного секретаря США по ближневосточным вопросам Дж. Сиско. Затем они были приняты сотрудниками Национального совета безопасности США и, наконец, исполняющим обязанности министра обороны У. Клементисом. Везде они пытались доказать, что продолжение откровенно произраильской политики США на Ближнем Востоке неизбежно поведет к взрыву и удару по американским позициям в этом районе. Однако им со ссылками на информацию ЦРУ и разведывательную сеть Пентагона было сказано, что страхи компаний являются необоснованными, так как арабы не смогут выступить единым фронтом. Огорченные директора телеграфировали Джангерсу, остававшемуся в Саудовской Аравии, что в Вашингтоне они обнаружили «большую степень неверия» в свои предупреждения⁸⁵. Компании решили действовать на свой страх и риск.

В конце июня «Мобил ойл» опубликовала в виде рекламной статьи в газете «Нью-Йорк таймс» отчаянный призыв считаться с реальностью. Заявляя о том, что Ближний Восток является единственным районом мира, из которого США смогут покрывать свои растущие потребности в нефти, компания предупреждала, что дальнейшая произраильская линия американского правительства может вынудить даже Саудовскую Аравию к недружественным акциям. Пора привыкать, заключала «Мобил ойл», к реальностям. «Поэтому, — говорилось в статье, — мы заявляем: настало время для того, чтобы мир выступил с настоятельным требованием урегулирования на Ближнем Востоке, опирающегося на твердые и реальные гарантии со стороны, помимо прочего, Соединенных Штатов и Советского Союза... Никто не может позволить себе еще одну войну на Ближнем Востоке. Никто. Никто»⁸⁶.

Через месяц выступило руководство компании «Сокал». Председатель правления компании О. Миллер в письме ее акционерам и служащим прямо поставил под сомнение негибкость политики правительства США на Ближнем Востоке и призвал к ее корректировке.

«В большей части арабского мира, — писал он, — сейчас растет ощущение того, что Соединенные Штаты повернулись спиной к арабам. Многие, как говорят, считают, что американцы не учитывают должным образом национальные интересы арабских государств... И все это происходит в то время, когда арабские государства — в силу своих огромных запасов сырой нефти — становятся во все большей степени важными для будущего благосостояния западного мира... Наивысший интерес всех нас, граждан США, состоит в том, чтобы настоятельно потребовать от нашего правительства начать работу для мира и стабильности. Мы должны признать законные интересы всех народов Ближнего Востока»⁸⁷.

Наконец, в сентябре того же года председатель компании «Тексако» М. Грэнвилл выступил с публичным призывом к американскому народу «посмотреть на действия его правительства в отношении арабо-израильского спора и сравнить эти действия с его заявленной позицией поддержки мирного урегулирования, отвечающего интересам всех вовлеченных стран... Нетрудно видеть, — пророчески отмечал Грэнвилл, — что лидеры этих (арабских нефтедобывающих. — *Р. О.*) стран используют свою нефть для достижения главных целей, к которым стремятся их народы, будь то экономические или политические цели»⁸⁸. 6 октября 1973 г. возобновились военные действия на Ближнем Востоке: арабские страны попытались силой оружия освободить хотя бы часть своей оккупированной Израилем территории.

Казалось бы, если о чем и свидетельствует эта история настойчивых призывов нефтяных монополий США к «разумной» политике на Ближнем Востоке, то о неэффективности всех их усилий. Более того, когда октябрьская война 1973 года на Ближнем Востоке уже началась, а нефтяные монополии США резко активизировали свои настояния, американское правительство как будто по-прежнему оставалось глухим к их призывам. Через шесть дней после начала этой войны, 12 октября, Дж. Макклой от имени глав всех четырех компаний, являвшихся совладельцами «Арамко», направил их совместный меморандум президенту Никсону и новому государственному секретарю США Г. Киссинджеру, предупреждавший о крайней опасности новых крупных поставок американского оружия Израилю. «Любые действия правительства США в настоящее время в отношении

увеличения военной помощи Израилю, — говорилось в меморандуме, — будут иметь решающее негативное влияние на наши отношения с умеренными арабскими нефтепроизводящими странами». Экспорт ближневосточной нефти в США, предсказывалось в меморандуме, будет сокращен, и вообще «позиции США на Ближнем Востоке вот-вот будет нанесен серьезный ущерб»⁸⁹. И тем не менее президент Никсон через несколько дней запросил конгресс США предоставить Израилю чрезвычайную военную помощь в беспрецедентном размере — 2,2 млрд. долл.

17 октября экспортирующие нефть арабские страны ответили введением эмбарго на вывоз нефти в США и другие страны, оказывавшие поддержку израильским агрессорам. Они объявили также о своем решении сокращать добычу нефти на 5% каждый месяц «до тех пор, пока Израиль не завершит вывод своих войск со всех арабских территорий, оккупированных в июле 1973 года, и пока не будут восстановлены законные права палестинского народа»⁹⁰. Одновременно последовало резкое повышение цен на нефть. Дело как будто бы шло к решающему поражению американского империализма на Ближнем Востоке, к полному подрыву позиций нефтяных трестов США в этом ключевом для них с точки зрения прибылей районе.

Но если о чем и свидетельствовала последующая история событий на Ближнем Востоке, то прежде всего о том, что в этой критической ситуации произошла резкая перестройка всей внешнеполитической линии США на Ближнем Востоке. И формы, и методы, и стратегические установки ее были значительно переключены во имя достижения одной цели — приостановить, а по возможности и повернуть вспять рост антиамериканских настроений на Ближнем Востоке, спасти там позиции американских нефтяных монополий. С учетом приведенного выше решения арабских стран — производителей нефти у американской дипломатии не было другой альтернативы, кроме как облачиться в тогу сторонника интересов арабских стран в их конфликте с Израилем.

Именно в этой обстановке правительство США вынуждено было согласиться с подходом Советского Союза к решению ближневосточных проблем. По мнению СССР, поворот к действительному миру на Ближнем Востоке мог быть обеспечен лишь в том случае, если бы

новое прекращение огня было органически связано с выполнением общепризнанной к тому времени основы ближневосточного урегулирования — резолюции Совета Безопасности 242 от 22 ноября 1967 года. В создавшихся условиях США не могли не дать согласия на такую связку, и 22 октября 1973 г. Совет Безопасности по предложению СССР и США принял резолюцию 338, предусматривавшую необходимость немедленно начать «практическое выполнение резолюции Совета Безопасности 242 во всех ее частях» и «переговоры между заинтересованными сторонами под соответствующей эгидой» (имелось в виду проведение Мирной конференции по Ближнему Востоку).

На деле, однако, американская дипломатия при всей видимости ее новообретенной «объективности» отнюдь не намеревалась содействовать окончательному разрешению ближневосточного конфликта. Ею был взят курс лишь на заглаживание наиболее острых углов конфликта, с тем чтобы, расколов общий фронт арабских стран в наиболее слабом его звене, которое представлял собой режим президента Садата в Египте, «выпустить пар» из создавшейся ситуации. Этим целям должно было отвечать соглашение о разъединении египетских и израильских войск на Синайском полуострове, по которому предусматривался отвод израильских войск на мизерное, почти символическое расстояние. В свою очередь, египетская сторона фактически обязалась, во-первых, согласиться на выхолащивание Женевской мирной конференции и, во-вторых, добиваться отмены эмбарго, установленного арабскими странами — экспортерами нефти⁹¹.

18 января 1974 г. соглашение о разъединении египетских и израильских войск было заключено при посредничестве США. Через два месяца арабские страны, производящие нефть, по инициативе Саудовской Аравии полностью отменили эмбарго на поставки нефти в США, мотивировав это тем, что в различных американских кругах начали появляться «признаки» более сбалансированной в отношении арабских стран политики⁹². По существу это был полный пересмотр решения, принятого теми же странами пятью месяцами раньше относительно условий отмены эмбарго на нефть.

Таким образом, американская политика «частичных соглашений» на Ближнем Востоке в оформлении «челночной дипломатии» Киссинджера достигла своих непо-

средственных целей, оградив наиболее насущные экономические интересы американских нефтяных монополий. Но ее ставка на расчленение арабских стран на этом не только не прекратилась, но и ввиду достигнутого успеха была активизирована. В сентябре 1975 года под эгидой США было подписано второе сепаратное египетско-израильское соглашение о разъединении.

Как стало позднее известно из записей бесед Киссинджера с израильскими лидерами в декабре 1973 года и в марте 1975 года, Киссинджер откровенно излагал им подлинные цели американской дипломатии в поощрении сепаратных соглашений с Египтом. Во-первых, подчеркивал Киссинджер, это дает возможность Израилю уйти от обсуждения вопроса о том, каковы должны быть окончательные границы Израиля. Для самих же США занять позицию по вопросу об окончательных границах Израиля означало, по словам Киссинджера, уничтожить способность США вести переговоры. Во-вторых, с помощью сепаратных соглашений США помогали Израилю снять с себя давление и избежать разработки всеобъемлющего плана урегулирования ближневосточного конфликта ⁹³.

Как ни ликовали, однако, авторы дипломатии «шаг за шагом» по поводу ее успехов, само затягивание ею радикального урегулирования на Ближнем Востоке создавало предпосылки ее конечного провала. Никто так хорошо не понимал необходимости поиска альтернативы этой политике, как специализированные внешнеполитические институты ЦФК.

Фонд Форда решил финансировать изыскание новых возможностей для США на Ближнем Востоке в дополнение к своим исследованиям 1971—1972 годов. Однако подготовленное по его заказу исследование ⁹⁴, во всяком случае в том виде, как оно было опубликовано в 1975 году («Экономика и политика Ближнего Востока»), не содержало действительно многообещающих подходов, хотя показывало подлинные устремления финансовой олигархии США. Во всяком случае, оно откровенно рекомендовало США сохранять под своим контролем арабские «нефтедоллары», навязать глубокие перемены странам Ближнего Востока в экономической области в плане развития частной инициативы в противовес государственному сектору, способствовать свертыванию торговли Египта, Сирии и Ирака с социалистическими страна-

ми. Не менее важным был и вывод о том, что продолжение израильской оккупации арабских земель может лишь усилить «политическую нестабильность» на Ближнем Востоке, размывающую позиции США. Но конкретных путей выхода исследование не предлагало.

В декабре 1975 года такая альтернативная линия для политики США на Ближнем Востоке была отработана и предложена в докладе «К миру на Ближнем Востоке», подготовленном группой экспертов, собранных Институтом Брукингса⁹⁵. Членами группы были, в частности, З. Бжезинский, сотрудник СМО Дж. Кэмпбелл, профессор Пенсильванского университета У. Куандт и др. В предисловии к этому докладу отмечалось, что «Институт Брукингса смог собрать эту группу при финансовой поддержке Фонда Рокфеллера» и что этот доклад «заслуживает внимания американской общественности и правительства США».

Указанный доклад существенно отличался новым подходом к проблеме и конкретными рекомендациями в области политики США на Ближнем Востоке. Вместо сепаратных соглашений Киссинджера, которые авторы доклада рассматривали как исчерпавшие себя, доклад рекомендовал добиваться «прочного мира» на Ближнем Востоке, возможного только в рамках «всеобъемлющего урегулирования». Само такое урегулирование, подлежащее осуществлению «по стадиям в течение ряда лет», должно было основываться на таких принципах, как: 1) отвод израильских войск на линии 5 июня 1967 г. «только с такими изменениями, которые взаимоприемлемы»; 2) «самоопределение палестинцев» либо путем создания независимого палестинского государства, либо путем предоставления палестинцам автономии в рамках федерации с Иорданией; 3) прогресс в деле установления «нормальных отношений» между арабскими государствами и Израилем. Доклад высказывался в пользу возобновления Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, хотя и не исключал замену ее каким-либо иным многосторонним форумом. В докладе также заявлялось, что сотрудничество с СССР в установлении мира на Ближнем Востоке является необходимым и в высшей степени желательным.

В этом докладе Института Брукингса, выглядевшем чуть ли не как разрыв с предыдущей политикой США на Ближнем Востоке, было только одно место, вызывав-

шее сомнение в действительном благородстве намерений его авторов. Это были положения, обрамлявшие предлагаемое им решение палестинского вопроса и касавшиеся Организации освобождения Палестины (ООП). Авторам доклада было «неясно, в какой степени ООП может вести переговоры от имени палестинцев», и поэтому ими выдвигался туманный тезис о том, что в переговорах должны участвовать «заслуживающие доверие палестинские представители». Вскоре, однако, выяснилось, что именно на этом направлении, в подрыве позиций и статуса ООП, видит весь смысл новых усилий американской дипломатии на Ближнем Востоке Институт Брукингса.

В опубликованном в 1976 году докладе института «Установление национальных приоритетов: следующие десять лет», в котором ближневосточный вопрос был лишь одним, хотя и важным, элементом предлагавшейся более широкой внешнеполитической стратегии США, проблема ставилась значительно более откровенно⁹⁶. Говорилось, что главную опасность для Израиля представляют не сами по себе палестинские партизаны, а связь между палестинским движением и регулярными армиями Сирии и Египта, поддерживаемыми экспортирующими нефть государствами. Поэтому предлагалось, чтобы США взяли курс на такое урегулирование, которое разорвало бы эту связь «путем создания ситуации, достаточно приемлемой для основных арабских государств», чтобы заставить их отказаться от поддержки палестинцев. Эти условия, по мнению авторов доклада, могли бы оказаться благоприятными для усиления «таких элементов в палестинском руководстве», которые согласились бы на наиболее благоприятное для Израиля урегулирование. Иными словами, предлагавшаяся Институтом Брукингса главная установка американской дипломатии на Ближнем Востоке должна была состоять отныне в том, чтобы, во-первых, побудить арабские страны отказаться от поддержки ООН и, во-вторых, заменить ООП своего рода палестинскими квислингами.

Тот, кто внимательно следил после этого за «новым» курсом администрации Картера на Ближнем Востоке, не мог освободиться от впечатления, что вся эта политика была основана на рекомендациях Института Брукингса 1975 года в интерпретации, данной тем же институтом в 1976 году. Это тем более так, что соавторы доклада

1975 года Бжезинский и Куандт стали определять политику США в ближневосточных делах через Национальный совет безопасности США, а автор «корректирующей» рекомендации 1976 года Г. Оуэн стал советником президента США. Во всяком случае, израильское руководство, как отмечала американская пресса, с самого начала рассматривало первые же заявления администрации Картера по Ближнему Востоку как «в значительной степени опирающиеся на доклад Института Брукингса, опубликованный в декабре 1975 года»⁹⁷.

Если президент Египта Садат, совершивший в ноябре 1977 года разрекламированный визит в Иерусалим, взял на себя основное бремя, связанное с предательством интересов палестинцев, то одним этим «приобретения» американской дипломатии на Ближнем Востоке еще не ограничивались. Вторым ее столпом стала монархия в Саудовской Аравии.

Как выразился один из крупнейших специалистов СМО Дж. Кэмпбелл в статье «Мощь нефти на Ближнем Востоке», опубликованной в журнале «Форин афферс» и поэтому фактически санкционированной к руководству, «ключ к защите экономики Запада в грядущие годы состоит в том, чтобы принять факт взаимозависимости с производителями нефти на Ближнем Востоке и увеличить ставку, которую каждая сторона имеет в удовлетворении чаяний другой»⁹⁸. В переводе на язык практических сделок это нашло свое выражение в секретном договоре между США и Саудовской Аравией, заключенном администрацией Форда и подтвержденном администрацией Картера через три недели после прихода последней к власти. По этому договору Саудовская Аравия обязалась разместить половину своих многомиллиардных активов в нефтедолларах в американских ценных бумагах, а также не повышать цену на саудовскую нефть более чем на 5% в год вплоть до 1985 года, независимо от того, какую позицию в отношении цен на свою нефть займут другие страны — члены ОПЕК. Со своей стороны, США обещали Саудовской Аравии использовать «все свои политические, военные и экономические ресурсы, для того чтобы помогать правительству Саудовской Аравии любым путем, который может оказаться необходимым в свете развивающейся обстановки»⁹⁹.

Наконец, в дни, когда премьер-министр Израиля Бегин, с его особо откровенно сформулированной аннек-

сионистской программой в отношении арабских стран и народов, впервые прибыл с официальным визитом в США в июле 1977 года, его приветствовали не только американские сионисты и официальные представители США. Передача по телевизионному каналу «Нэшнл бродкастинг компани», делавшая ему рекламу в США, финансировалась компанией «Экссон». В Нью-Йорке он встретился с председателем «Чейз Манхэттэн бэнк» и СМО Д. Рокфеллером и с бывшим государственным секретарем США, попечителем Фонда братьев Рокфеллеров и консультантом «Чейз Манхэттэн бэнк» Г. Киссинджером.

В отношении Ближнего Востока, как и по другим узловым внешнеполитическим проблемам, финансовый комплекс (и его отдельные институты и представители) мог продемонстрировать любую гибкость, которая требовалась для сохранения твердости его собственных позиций.

В целом проследить конкретное воздействие финансовой олигархии США на ближневосточную стратегию США значительно труднее в условиях, когда главные направления этой стратегии только что отработаны при смене администраций и на ряд лет правительственным чиновникам остается в основном лишь проводить заданную линию. И все же разработка новых подходов для внешней политики США продолжается в недрах комплекса и по ближневосточной проблеме, особенно учитывая ее важное значение для американского империализма.

Сохраняется пристальное внимание к Ближнему Востоку и в «Проекте 80-е годы», разработанном СМО. В середине 1978 года в рамках проекта выпущена книга «Ближний Восток в предстоящее десятилетие: от роли источника к благосостоянию?»¹⁰⁰. Основной курс на 80-е годы в этом районе, рекомендуемый для США и других западных держав, состоит в развитии экономических связей с ближневосточными странами с целью приковывания последних к экономическим, политическим и военным потребностям Запада. Та же линия рекомендуется и в книге «Политика в области мировой нефти на 80-е годы: модели сотрудничества», вышедшей несколько позже¹⁰¹. Итак, политика поощрения сепаратных соглашений между Израилем и арабскими странами должна дополнительно цементироваться экономически-

ми связями, привлечением местной арабской буржуазии к роли младшего партнера американского капитала. В свою очередь, соавтор рекомендаций Института Брукингса по Ближнему Востоку и сотрудник Национального совета безопасности США У. Куандт в своей обзорной работе «Десятилетие решений: политика США в отношении арабо-израильского конфликта в 1967--1976 гг.»¹⁰² рекомендовал США продолжать политику активного воздействия на события на Ближнем Востоке, с тем чтобы направлять их в нужное для американского империализма русло (в мае 1979 г. Куандт ушел в Институт Брукингса).

Поиски методов и средств сохранения и упрочения империалистических позиций США на Ближнем Востоке продолжаются. И пока американская дипломатия пытается решить встающие практические и оперативные проблемы, центральный финансовый комплекс, заглядывая вперед, перебирает далеко идущие стратегические решения. Они привлекают интерес уже потому, что в дальнейшем, как показывает опыт, из этих изысканий возникнут контуры такой скорректированной политики США, которая будет приспособлена к дальнейшей эволюции расстановки сил в данном районе.

8. «Китайская карта»

Победа социалистической революции в Китае в 1949 году сразу изменила место, которое эта страна занимала в глобальной стратегии американского империализма. Из покорного объекта этой стратегии народный Китай превращался в крупный самостоятельный фактор на международной арене, ассоциированный с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Центральный финансовый комплекс США с самого начала взял развитие событий, связанных с революцией в Китае, под собственный прямой надзор. Летом 1949 года, когда развал чанкайшистского режима в Китае вступил в заключительную стадию, государственный секретарь США Ачесон назначил специальный комитет, целью которого было совершить турне по Азии для ознакомления с положением на месте в свете прежде всего событий в Китае. Комитет возглавлял чиновник госдепартамента (и бывший сотрудник Фонда Карнеги)

Ф. Джессеп. Членами его были президент Фонда Рокфеллера Р. Фосдик и Э. Кейс — директор Института тихоокеанских отношений, созданного и поддерживаемого Фондом Рокфеллера и Фондом Карнеги.

Рекомендации комитета, представленные государственному департаменту по окончании поездки, носили откровенно враждебный народному Китаю характер, начиная с рекомендации о полном разрыве торговли с КНР. В ходе обсуждения этих рекомендаций в государственном департаменте раздавались, правда, голоса в пользу того, чтобы США сохранили нормальные торговые и дипломатические связи с новым Китаем. Но это предлагалось сделать только для того, чтобы попытаться тем самым подтолкнуть национализм в Китае и вызвать трения в его отношениях с СССР. Тезис об «отличии Китая» от Советского Союза, развивавшийся некоторыми сотрудниками госдепартамента, в то время не был сочтен «оправданным». С этой аргументацией выступил тогда, в частности, Дж. Рокфеллер III, опиравшийся на единодушную поддержку СМО.

Итак, именно американская финансовая олигархия выступила за то, чтобы внешняя политика США носила резко враждебный КНР характер. Тем самым официальная линия США в отношении КНР была предопределена на многие годы: США не будут менять своей антикитайской позиции до тех пор, пока Китай не станет «отличаться» от Советского Союза.

В середине 50-х годов в рядах специализированных внешнеполитических институтов американских финансовых магнатов появились, правда, сомнения в пользу целесообразности некоторого «смягчения» позиции США в отношении Китая. Так, в пользу этой линии выступил в 1954 году глава рабочей группы СМО, занимавшейся вопросами китайско-советских отношений, А. Дин, партнер фирмы «Салливэн энд Кромвелл». В 1955 году Д. Рокфеллер назвал непризнание Китая «политической глупостью» со стороны США. В 1958 году за более «мягкую» линию США в отношении КНР высказался еще один партнер «Салливэн энд Кромвелл» Ю. Селигман (один из активных членов СМО) ¹⁰³. Вышедшая в то же время серия докладов Фонда братьев Рокфеллеров содержала в себе предложения об отмене запрета на поездку в Китай американских журналистов и ученых. Но все это были всего лишь полумеры, не менявшие основ-

ных постулатов враждебной КНР политики США, для пересмотра которой правящий класс не видел оснований. Стратегическая линия США в отношении КНР исходила из откровенной ставки на подрыв и уничтожение народного Китая.

Не внесла никаких радикальных изменений в американскую политику в отношении Китая в те годы и углубленная работа СМО. В 1958—1959 годах рабочая группа СМО по вопросу «Коммунистический Китай и политика США в Азии» вела интенсивную разработку этой темы. Организовывавшиеся ею время от времени более широкие обсуждения узловых аспектов темы проводились на весьма высоком уровне. Этими заседаниями руководили, например, президент Фонда Рокфеллера Д. Раск, глава политических исследований СМО Дж. Кэмпбелл, бывший заместитель государственного секретаря США Р. Боуви.

Перелом в отношении финансовых магнатов США к Китаю начался лишь после того, как Мао Цзэдун и его окружение взяли курс на антисоветизм во внешней политике. Представители финансового комплекса долго отказывались верить тому, что в позиции КНР могут произойти настолько фундаментальные сдвиги. Во всяком случае, те, кто определял внешнюю политику США, хотели вначале досконально во всем разобраться.

В конце 1961 года помощник директора программы Фонда Форда по исследованию международных проблем Дж. Слейтер, который только что перешел на это место с поста помощника заместителя государственного секретаря США, предложил СМО, директором которого он также являлся, провести фундаментальное исследование внутренней и внешней политики КНР. За то, чтобы за эту работу взялся «кто-то солидный, как, например, Совет по международным отношениям», высказался в январе 1962 года и государственный секретарь США (бывший председатель Фонда Рокфеллера) Дин Раск. Он отвел предложения, чтобы этим занималось непосредственно его ведомство. Получив около полумиллиона долларов от Фонда Форда, совет занялся этим весьма трудоемким исследованием¹⁰⁴. Целью его, как признал позже в беседе с автором в 1973 году один из директоров СМО, было «установление того, насколько стабильным является Китай и имеются ли в американо-китайских отношениях такие возможности, которые по-

том действительно открылись с поездкой президента Никсона в Китай».

Работа СМО в этом направлении продолжалась с 1962 по 1966 год и вылилась в восемь объемистых томов. Полностью это засекреченное исследование так никогда и не увидело света. Однако определенное представление о некоторых основных его направлениях дает обширная серия книг по Китаю, выпущенная в то время под эгидой СМО. Только в 1966 году вышли пять из этих книг, а именно: «Американский народ и Китай» А. Стила, «Экономический рост и внешняя торговля коммунистического Китая» А. Экштейна, «Политика в отношении Китая: точка зрения с шести континентов» А. Гальперина, «Будущее китайской эмиграции в Юго-Восточной Азии» Л. Уильямса и, наконец, «Соединенные Штаты и Китай в мировой политике» Р. Блюма и Д. Барнетта. В 1967 году СМО выпустил обновленное издание книги «Народно-освободительная армия Китая» С. Гриффита, а в 1968 году — «Ведение переговоров с китайскими коммунистами. Опыт Соединенных Штатов в 1953—1967 годах» К. Янга.

Вывод, к которому пришел СМО в результате четырехлетнего изучения китайской тематики, был более чем очевиден — Соединенным Штатам, особенно учитывая изменившуюся линию Китая в отношении СССР, следует попытаться наладить контакты с КНР. Именно поэтому финансовый комплекс начал заблаговременную подготовку общественного мнения к крупному повороту в американо-китайских отношениях.

Применявшиеся в этом плане методы нам уже в принципе известны. Уже в 1966 году, когда стали вырисовываться основные выводы фундаментального исследования СМО по Китаю, в кампанию включилась Ассоциация внешней политики. Ею были выпущены подряд две брошюры по Китаю — «Коммунистический Китай: кризис и перемены» Дж. Льюиса и еще более многозначительная «Политика США в отношении коммунистического Китая: альтернативы» Р. Блюма, соавтора исследования СМО по Китаю. Обе они положили начало новой в американской пропаганде теме о том, что Китай, возможно, не так уж и плох с точки зрения интересов США. Все это разворачивалось параллельно с началом «культурной революции» в Китае, означавшей на деле разгром маоистами и хунвэйбинами КПК и полный по-

ворот КНР на рельсы антисоветизма и сотрудничества с империализмом.

Чутко откликаясь на фундаментальные сдвиги, происходившие в КНР, финансовый комплекс США ускорял свою работу в самих Соединенных Штатах. Ассоциация внешней политики с начала 1967 года запустила на «широкое обсуждение» новые темы о КНР в рамках своей идеологическо-пропагандистской сети «Великие решения». Она вновь сделала эти темы доминирующими в этой сети на 1968 год. Дж. Рокфеллер III, в свое время не хотевший и слышать об изменении политики США в отношении Китая, теперь стал публично намекать на то, что США вступили в эпоху, когда они могли бы «приветствовать возврат миролюбивого Китая в сообщество стран». Как замечают по этому поводу американские авторы, «дело было не в том, что Джон Д. Рокфеллер III изменил свои личные взгляды. Это было скорее указание на то, что трудолюбивый внешнеполитический механизм, с которым он был тесно связан своим именем и принадлежностью, был накануне перехода на новый режим работы»¹⁰⁵.

Наиболее откровенными, хотя и достаточно завуалированными, были высказывания по этому вопросу Р. Никсона, намеревавшегося твердо вписать свое кредо на предстоявших в 1968 году президентских выборах в США в рамки менявшихся настроений Уолл-стрита к Китаю. В опубликованной им в конце 1967 года статье «Азия после Вьетнама», которую в то время мало кто заметил, Никсон прямо заявлял о том, что «американская политика в отношении Азии должна срочно приобрести понимание реальности Китая»¹⁰⁶. Подчеркивая, что «мир не может быть в безопасности, пока Китай не изменится», Никсон ратовал за то, чтобы США улучшили свои отношения с Китаем, «но как с великой и прогрессирующей страной, а не как с эпицентром мировой революции». Он заявлял, что США нужна такая «позитивная политика» в отношении Китая, которая поможет «изъять яд из маоцзедунизма». Иными словами, это был прямой призыв к Китаю, причем на страницах главного внешнеполитического органа американской финансовой олигархии, наладить отношения с США на основе отказа Пекина даже от показной революционности.

В следующем, 1968 году новый курс в отношении Китая, до того закулисно разрабатывавшийся правящими

кругами США, был публично оглашен в качестве интегральной части той общеполитической программы, которая была предложена в исследовании Института Брукингса «Повестка дня нации». Основным тезисом было заявление о необходимости «усилий для примирения» между США и Китаем. Заявлялось, что для США неразумно продолжать претендовать на то, что чанкайшисты будто бы представляют реальный Китай, что США следует признать КНР, заявить о готовности развивать с ней торговлю и ослабить «плотное военное сдерживание» в отношении Китая. Результатом всего этого, как ожидалось, вполне мог бы быть «неожиданный сдвиг Китая к политике мирного сосуществования» с США ¹⁰⁷. Таков был подготовленный Институтом Брукингса на деньги Фонда Форда наказ новой американской администрации.

Приход к власти республиканской администрации Никсона привел уже к тому, что линия в отношении Китая, разработанная механизмом финансового комплекса, стала приобретать форму официального правительственного курса. Уже через месяц после того, как он стал президентом, в феврале 1969 года, Никсон отдал распоряжение своему советнику по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджеру начать разработку всех возможностей установления отношений с Китаем.

Тем временем ЦФК разворачивал бурную деятельность. На средства, предоставленные Фондом Форда и Фондом братьев Рокфеллеров, был создан Национальный комитет по американско-китайским отношениям, первое расширенное заседание которого состоялось в марте 1969 года. Из 27 членов комитета 12 были членами СМО, из них пятеро — участниками рабочих групп СМО по Китаю. Председательствовавший на заседании Дж. Рокфеллер III начал свое заявление следующей установкой: «За последние двадцать лет у нас не было вообще никаких отношений с континентальным Китаем. В течение этого периода страх угнетал наше мышление до такой степени, что совсем недавно многие считали чуть ли не изменой даже поднимать вопрос о том, что политика в отношении Китая может быть переосмыслена. Такой жесткости не место в демократической стране» ¹⁰⁸.

В свою очередь, пропагандистская машина американской финансовой олигархии продолжала раскручивать

свой механизм, расточая комплименты маоистам за их становившийся все более махровым антисоветизм. Название вышедшей в феврале 1971 года брошюры АВП из «Серии главных вопросов» говорило само за себя — «Наша политика в отношении Китая: необходимость изменений». Система семинаров АВП по программе «Великие решения» на 1971 год опять дала в качестве одной из важнейших тем американско-китайские отношения. Не удивительно, что через год, в феврале 1972 года, когда президент США Р. Никсон прибыл, наконец, в Китай, газета «Нью-Йорк таймс» торжественно писала в редакционной статье: «Решение президента Никсона добиваться диалога с Пекином не могло бы быть принято, если бы значительная часть американского общественного мнения не была бы уже подготовлена к тому, чтобы воспринять такой драматический поворот. Среди многих групп и отдельных лиц, содействовавших изменению отношения США к Китаю..., находится, посредством своей программы «Великие решения», и Ассоциация внешней политики... И теперь, по случайному совпадению, — патетически продолжала газета, — дискуссионные группы (семинаров АВП по программе «Великие решения». — Р. О.) сфокусируют свое внимание на теме «Наша политика в отношении Китая — насколько далеко и насколько глубоко может идти оттепель?» Это — вопрос, над которым в предстоящие месяцы будут думать многие американцы в немалой степени благодаря работе Ассоциации внешней политики и других, посвятивших себя этому делу, ибо в демократической стране великие решения международной политики являются предметом заботы каждого»¹⁰⁹. Таким образом, исподволь обработанному огромной пропагандистской машиной «среднему американцу» вдальбливали в голову, будто это он сам выступил инициатором контактов с маоистами.

Что же касается подлинного положения вещей при нормализации отношений США с КНР, то маоисты получали своего рода премию за антисоветизм. Об этом не часто говорят и пишут в Соединенных Штатах, особенно люди, стоящие у кормила этой политики. Но время от времени подлинные установки правящих кругов США становятся достоянием гласности.

Так, из опубликованной в ходе предвыборной кампании 1976 года переписки бывшего губернатора штата Калифорния Р. Рейгана стало известно, какими, в част-

ности, аргументами пользовалась республиканская администрация, убеждая крайне правые силы США не противиться нормализации американо-китайских отношений. Тот же Рейган, защищая эту акцию администрации, писал в одном из писем, что есть такие глубинные причины сближения между США и Китаем, о которых нельзя вообще говорить открыто, «не рискуя взорвать весь план дипломатической игры». По признанию Рейгана, подлинная цель США состояла в попытке сыграть на осложнениях в китайско-советских отношениях во имя того, чтобы «выиграть время и возможность маневра» для Соединенных Штатов¹¹⁰.

Впрочем, вскоре оказалось, что Мао Цзэдун готов к весьма далеко идущим шагам в отношениях с США, лишь бы американский империализм оставался его фактическим союзником в борьбе против Советского Союза. Так, по словам бывшего начальника разведки Пентагона генерал-лейтенанта Д. Грэхэма, после визита президента Никсона в Пекин в 1972 году китайское руководство приняло решение не производить межконтинентальных баллистических ракет, которые могли бы непосредственно угрожать США¹¹¹.

Последующее развитие этой тенденции во внешней политике и военной стратегии маоистов хорошо известно: вначале произошло фактическое свертывание всякой борьбы с американским империализмом, а затем и официальное провозглашение СССР «врагом № 1» Китая, сопровождавшееся блокированием маоистов с фашистской хунтой в Чили, фашистским режимом Франко в Испании, а также с западногерманскими реваншистами и расистами Южной Африки.

Нельзя, однако, не отметить, что по мере дряхления Мао в связи с усилением внутривластной неустойчивости в Китае в правящих кругах США увеличилась неуверенность в сохранении КНР на антисоветских позициях. Отражением таких настроений явилось, например, опубликование в «Серии главных вопросов» АВП в декабре 1974 года брошюры «Китай: неясное будущее». В свою очередь, Институт Брукинга занялся исследованием вопроса о том, каким образом можно было бы наверняка гарантировать, что Китай не захочет применять оружие против США или их интересов и в будущем. В 1975 году «отжатые» результаты этого исследования были опубликованы институтом в книге группы

авторов под названием «Соединенные Штаты, Китай и контроль над вооружениями». В ней выдвигалось, в частности, предложение о том, чтобы было достигнуто двустороннее американо-китайское соглашение о неприменении первыми друг против друга ядерного оружия и как первый шаг к этому — двусторонняя договоренность, которая уменьшила бы опасность случайного или несанкционированного применения ядерного оружия. Журнал «Форин афферс» назвал эту работу «важной книгой».

В условиях нараставшей неуверенности в рядах подлинных хозяев экономики и политики США было принято решение провести разведку на территории Китая на возможно высоком уровне. В октябре 1975 года с визитом в КНР отбыла, как было объявлено, «группа лидеров американских организаций, занимающихся воспитанием публики по вопросам мировой политики». Сообщалось, что эти американские «частные граждане» намерены встретиться с китайскими официальными лицами для обсуждения внешнеполитических проблем. Возглавляли группу два человека — председатель Фонда Рокфеллера и вице-председатель СМО С. Вэнс и президент Национального комитета по американо-китайским отношениям, созданного на деньги фондов Форда и Рокфеллеров, А. Розен. Члены делегации были не менее представительны: президент АВП К. Берджес, президент Фонда Карнеги Т. Хьюз, президент Фонда Рокфеллера Дж. Ноулз, президент СМО Б. Мэннинг и президент Совета по заморскому развитию Дж. Грант. Можно сказать, что это была беспрецедентная по своей насыщенности внешнеполитическая миссия ЦФК. Впрочем, такой состав миссии целиком объяснялся той крупной ставкой, которую делал американский империализм на Мао Цзэдуна, и желанием прогнозировать возможные последствия приближавшейся смерти последнего.

В начале 1977 года некоторые материалы визита этой группы в Китай были опубликованы Фондом Рокфеллера в виде «рабочих бумаг». Газета «Нью-Йорк таймс», ознакомившись с записями бесед группы, назвала их «репетицией будущих переговоров между США и Китаем». Особое звучание этим записям придавал тот факт, что С. Вэнс, ведущий их тогда в качестве «частного лица», через несколько дней должен был вступить в должность государственного секретаря США, а Дэн Сяо-

пин, представлявший китайскую сторону в качестве заместителя премьер-министра и с тех пор разжалованный, вот-вот, по американским данным, должен был вновь выйти из опалы.

Как видно из записей бесед в Пекине, С. Вэнс (вслед за упомянутым выше исследованием Института Брукингса) проявлял повышенное внимание к китайскому тезису о том, что наиболее важным является будто бы обязательство ядерных держав о неприменении первыми ядерного оружия. Это немедленно повело к предложению со стороны Дэн Сяопина о совместных китайско-американских акциях в этом отношении. Вэнс, в свою очередь, напирал на то, что «в свете общих интересов» Китаю следует вообще свернуть всякую антиамериканскую пропаганду. Обсуждались и другие аспекты нормализации американо-китайских отношений, а также вопрос о нераспространении ядерного оружия. В целом это был весьма серьезный зондаж американской стороной дальнейших намерений Китая, и китайская сторона также, видимо, отдавала себе отчет в ответственности этих встреч.

Подлинное значение антисоветской политики Пекина в глобальных планах американского империализма наглядно видно из того места, которое занимают расчеты на продолжение этой политики Китаем в долговременных выкладках США. Весь «Проект 80-е годы», осуществляемый СМО в порядке разработки основных направлений внешней политики американского империализма на предстоящие 10—15 лет, основан на двух взаимонесключающих предпосылках. Одна из них исходит из предположения о том, что в китайско-советских отношениях в предстоящий период не будет никакого улучшения, другая основана на том, что такое улучшение будет иметь место. В соответствии с этим СМО разрабатывает два радикально отличающихся варианта внешней политики США на ближайшее десятилетие.

Группа, координирующая весь «Проект 80-е годы», занималась, собственно говоря, только тем, что изучала «воздействие» СССР и Китая и взаимоотношений между ними на «будущее международной системы». В 1975—1976 годах руководили этой работой директор всего «Проекта 80-е годы» Р. Ульман и президент СМО Б. Мэннинг. В одном из последних годовых отчетов СМО о значении советско-китайских отношений для ми-

ровой политики и политики США сказано хотя и глухо, но довольно многозначительно следующее: «Хотя „Проект 80-е годы“ придерживался в целом подхода по проблемам, а не по конкретным странам, тем не менее ощущалась необходимость уделить особое внимание вероятным ролям, которые СССР и КНР могут в будущем сыграть в возникающей системе международных отношений. Соответственно были даны рабочие задания по обеим странам, касающиеся таких проблем, как вероятная эволюция их экономики и внешней политики в течение предстоящего десятилетия или около этого. Эти исследования были рассмотрены координационной группой всего проекта. и, поскольку они имеют далеко идущие последствия, были также предоставлены в распоряжение авторов других исследований и членов других (десяти. — Р. О.) рабочих групп»¹¹².

Поездка С. Вэнса (уже в качестве государственного секретаря США) в Китай осенью 1977 года выявила очевидный, хотя и временный, тупик во взаимных ожиданиях сторон. Этому состоянию отвечали и заметные метания в поиске правящими кругами США надежных оснований, на которых могли бы с уверенностью строиться в дальнейшем американо-китайские отношения. Выпущенные АВП брошюры «Китай и Соединенные Штаты: что же дальше?» (1976 г.), а также «Китай и Америка. Прошлое и будущее» (1977 г.) не содержали никаких конструктивных предложений. Тот факт, что в администрацию Картера вошло 5 из 18 членов Координационной группы СМО по «Проекту 80-е годы», занимавшейся прогнозированием роли Китая в мировой политике, видимо, также не особенно ей помог.

Довольно пестрыми и противоречивыми стали и советы, проистекающие из исследований по Китаю, финансируемых наиболее известными внешнеполитическими институтами финансового комплекса США.

В рамках «Проекта 80-е годы» в США в 1977 году была опубликована принадлежащая перу А. Уайтинга и Р. Дернбергера книга «Будущее Китая. Внешняя политика и экономическое развитие в эру после Мао» с предисловием президента СМО Б. Мэннинга. По характеристике Мэннинга, это скорее «описательное», чем аналитическое произведение, больше ставящее вопросы, чем отвечающее на них. Вопросы, которые подчеркивает сам Мэннинг в предисловии, довольно симптоматичны: «Где

поместят себя Китай и СССР в 80-е годы в спектре возможностей от войны до разрядки?.. Глобальный баланс мощи был бы существенно дестабилизирован, если бы Москва и Пекин нашли общие интересы... Открыто враждебное поведение западного мира, особенно Соединенных Штатов, в отношении КНР, возможно, могло бы заставить китайцев перейти к более дружественным отношениям с СССР, но этот результат будет выгоден лишь Советскому Союзу. С другой стороны, примирительная политика Запада в отношении Китая, вероятно, мало способна удержать Пекин от улучшения отношений с Кремлем, если бы китайские лидеры решили придерживаться этого курса»¹¹³. Одним словом, с точки зрения СМО не было еще особых причин торопиться оплачивать Пекину антисоветизм.

В опубликованном в том же, 1977 году под эгидой Института Брукинса исследовании Д. Барнетта «Политика в отношении Китая: старые проблемы и новые вызовы» высказывалось мнение, что затягивание администрацией Картера дальнейшей нормализации отношений с Китаем может оказаться рискованным, хотя для предотвращения этого Барнетт и не хотел «жертвовать» Тайванем. Впрочем, и этот опус содержит опасения, характерные и для подхода СМО. Суть их описана в статье Д. Барнетта в журнале «Форин афферс», суммирующей основные тезисы указанной книги: «Внутренняя политика Китая и ее руководство все еще настолько непредсказуемы, что возможность возвращения Китая к враждебной политике (имеется в виду политика в отношении Соединенных Штатов. — Р. О.) не может быть исключена вообще»¹¹⁴.

Иначе говоря, внешнеполитическим установкам американского империализма в отношении Китая после смерти Мао все еще были присущи танталовы муки: хотелось надежно закрепить новое руководство Китая на антисоветском пути, но оно, будучи занято внутренними проблемами, затягивало момент выявления собственного лица.

Рубежом, с которого началось откровенное сближение между Вашингтоном и новыми руководителями Китая, явилась поездка помощника президента Картера З. Бжезинского в Пекин в мае 1978 года. Убедившись, что антисоветизм Хуа Гофэна и его окружения является не менее, если не более, ярым, чем у Мао Цзэдуна, аме-

рианский империализм взял курс на укрепление отношений с наследниками Мао на антисоветской основе.

Это был, конечно, отнюдь не чистый политический выбор самой администрации Картера. 12—13 июня 1978 г. в Вашингтоне состоялось специальное заседание Трехсторонней комиссии, на котором новый курс в отношении Китая был прокатан с непосредственным участием подлинных хозяев экономики и политики США и их партнеров из «Общего рынка» и Японии. Через неделю после этого в Пекин отправился с 48-часовым визитом Генри Форд II, проводший там переговоры и оценку долгосрочных перспектив китайского рынка. В свою очередь, четыре американские нефтяные компании во главе с рокфеллеровской «Экссон» начали переговоры с Китаем о «совместном освоении» месторождений китайской нефти. Как писала газета «Вашингтон пост», речь шла о крупномасштабном проекте, в ходе которого американские компании, вложив 25—50 млрд. долл. в добычу китайской нефти, дали бы Китаю возможность путем экспорта этой нефти получить средства для массовых закупок оборудования и товаров на Западе. Иными словами, отмечала газета, цель этого проекта — «проложить путь к расширению экономических связей Китая с западным миром во многих аспектах»¹¹⁵.

Другой стороной новообретенной заинтересованности финансовой олигархии США в развитии отношений с Пекином стала плата последнему за крайний антисоветизм. Тем самым некогда независимый социалистический Китай окончательно превращался наследниками Мао в участника глобальной политики американского империализма.

Нельзя не видеть, что выбор Пекина в пользу антисоветского альянса с Вашингтоном сделал Китай непосредственным партнером значительной перестройки военно-политической стратегии американского империализма, в частности на Дальнем Востоке, в ущерб социалистическим странам этого района. Смысл одной из таких корректировок виден из сопоставления двух статей в журнале «Форин полиси». В первой из них, опубликованной в начале 1977 года П. Уорнке, с тревогой отмечалось, что «некий затянувшийся остаток некогда монолитного коммунистического врага в Азии все еще сохраняется на Корейском полуострове»¹¹⁶. Под этим имелось в виду, что в случае осложнений в этом районе Ки-

тай в силу своих обязательств перед КНДР был бы вынужден выступить против США совместно с Советским Союзом. Именно на то, чтобы устранить саму такую возможность, и была нацелена политика вывода войск США из Южной Кореи, разработанная в 1976 году экспертами финансового комплекса и взятая на вооружение администрацией Картера. Иначе говоря, в условиях, когда внешнеполитическая линия наследников Мао была для финансового капитала США еще неясной, он сознательно шел на сокращение таких форм военного присутствия США на Дальнем Востоке, которые невольно могли вызвать советско-китайское сближение.

Однако, как только антисоветизм нового китайского руководства стал для американского империализма несомненным, США незамедлительно скоординировали и свою политику на Дальнем Востоке. Тот же журнал «Форин полиси» весной 1978 года уже обыгрывал тему о том, что в новой обстановке достаточно развивать отношения с Пекином, а выводить войска США из Южной Кореи теперь ни к чему. «Даже сами китайцы, — писал журнал, — дали знать, что они хотят, чтобы войска США оставались в Корее, чтобы сбалансировать русскую мощь»¹¹⁷. Как известно, правительство Картера именно так и среагировало на антисоветские авансы нового китайского руководства, и вывод войск США из Южной Кореи, намечавшийся вначале к осуществлению быстрыми темпами, затем был пересмотрен и фактически отложен на неопределенное будущее. Так Пекин своими антисоветскими махинациями нанес прямой ущерб интересам КНДР, добывающейся быстрее отвода войск США из Южной Кореи.

Есть и еще один аспект американо-китайского сотрудничества. Антисоветская линия Пекина ныне высоко оценивается и в Вашингтоне, и на Уолл-стрите. Но на путях игры с судьбами международного мира не только нельзя строить ответственную политику, но и можно серьезно просчитаться. «В последнее время в США, — подчеркивал Л. И. Брежнев в середине 1978 года, когда крен в политике Вашингтона к альянсу с Пекином стал очевидным, — предпринимаются, причем на высоком уровне и в довольно циничной форме, попытки разыграть «китайскую карту» против СССР. Близорукая и опасная политика! Как бы ее авторам не пришлось в ней горько раскаться»¹¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Итак, очевидный с самого начала факт, что внешнеполитический курс крупнейшей империалистической державы — США неизбежно должен определяться коренными интересами верхушки буржуазии, убедительно подтверждается при конкретном историческом анализе.

Прежде всего сама верхушка этого класса представляет собой тесную ассоциацию около полутора десятков восточных финансовых групп, которую мы называем центральным финансовым комплексом в силу того действительно центрального положения, которое занимает это объединение в экономической жизни США. При этом первым среди равных в данном альянсе в последние три десятилетия со все большей определенностью выступает семейство Рокфеллеров, перенявшее у Морганов пальму лидерства. Это подтверждается теми преобладающими экономическими позициями, которые сконцентрировало в своих руках это семейство в системе всего комплекса. На это же указывает число командных высот, приобретенных Рокфеллерами в главных институтах комплекса, совместно разрабатывающих его внешнюю политику, в первую очередь в Совете по международным отношениям, где они доминируют с 1953 года. Об этом говорят и практические связи государственных деятелей США, направляющих в последние десятилетия официальную политику страны.

Разумеется, преобладание — это еще не господство. В политическом отношении головным специализированным отрядом финансовой олигархии, закладывающим основы внешней политики США после второй мировой войны, выступает триумвират «благотворительных» фондов Карнеги — Морганов, Рокфеллеров и Форда. Эти три центра сосредоточили всю полноту контроля над важнейшими направлениями формирования внешней политики США.

Они руководят разработкой конкретных, стратегических и тактических, целей внешней политики американского империализма, организуют идеологическое обоснование и социальное оправдание своих установок, продвижение этих установок в сознание всего класса американской буржуазии и широких масс трудящихся в качестве своего рода «национальных целей», готовят и насаждают в аппарате по проведению внешней политики США свои отобранные и проверенные кадры.

Специализированные институты, которыми выковывается вся политика, и в частности внешняя политика США, и которые находятся под контролем комплекса, возвышаются как господствующие вершины над целым плато других аналогичных учреждений, порожденных правящим классом. Они качественно отличаются от последних функциями не консультирования, а формирования внешнеполитических решений.

Что касается теоретической разработки новых внешнеполитических идей, то в этом направлении работают десятки университетов и научно-исследовательских институтов США, выпускающих сотни соответствующих исследований. Но лишь считанные из этих учреждений, и в первую очередь Гарвардский, Колумбийский, Чикагский университеты, Институт Брукинга, питаемые и поддерживаемые триумvirатом фондов, могут рассчитывать на то, что их продукция будет принята во внимание и серьезно рассмотрена, а авторы этих работ будут поставлены у кормила практического руководства политикой.

Точно так же управленческое звено официальных внешнеполитических учреждений США практически комплектуется главным образом из весьма ограниченного и особо привилегированного круга нью-йоркских и вашингтонских фирм, обслуживающих ключевые потребности финансового комплекса. Наконец, ничто, даже отдаленно, не может сравниться по своему ключевому положению и влиянию с главным оперативным штабом ЦФК по «деланию» внешней политики — Советом по международным отношениям.

Это средоточие резервуаров мысли и внешнеполитических менеджеров ЦФК имеет, как мы знаем, и особый аппарат пропагандирования и идеологического навязывания своих решений, в частности, в лице Ассоциации внешней политики. Оно способно в случае необходимости порождать из своих рядов и новые институты и инструменты поддержания своего контроля над внешней политикой США, последним примером чего является рождение Трехсторонней комиссии.

Вся эта сложная система подотчетных комплексу организаций закладывает в конечном счете такие рельсы для внешней политики США, по которым правительственный аппарат может следовать

лишь в строго заданном направлении. Насаждая «своих людей» в окружении кандидатов на пост президента, а затем и в аппарат очередной администрации, ЦФК окончательно замыкает тем самым внешнюю политику США в круг, из которого нет неподконтрольного ему выхода. Вот почему как генеральные контуры внешней политики США, так и ее главные повороты и зигзаги в последние десятилетия неизменно отражают прежде всего сложный баланс устремлений и возможностей финансовой олигархии США на всех конкретных этапах исторического развития. Делается это независимо от того, какая буржуазная партия — республиканская или демократическая — находится у власти в США. В этих условиях наивно полагать, будто внешняя политика США определяется американским избирателем.

На анализе конкретных направлений внешней политики США после второй мировой войны мы имели возможность убедиться, что и общий курс этой политики, и его специфические особенности в зависимости от конкретных проблем неизменно диктовались интересами и прямыми установками ЦФК. Они определялись этими установками заранее, направлялись ими в повседневной действительности и корректировались ими с учетом происходящих изменений. Политика в отношении СССР как основной противостоящей американскому империализму силы на международной арене, линия США в отношении укрепления империалистических тылов и методов сохранения своих позиций в развивающихся странах, тактические зигзаги дипломатии США на Ближнем Востоке и многое другое — все это диктовалось и велось из единого центра, под направляющим воздействием глубинных интересов и более переходящих мотивов главного средоточия американской финансовой олигархии. Все это позволяет видеть производный характер практического оформления официальной внешнеполитической позиции США.

Таким образом, подлинный «рабочий режим» функционирования механизма, в значительной степени предопределяющего внешнеполитический курс США, позволяет вместе с тем в общих чертах просматривать наперед и некоторые наиболее вероятные характеристики его работы в будущем.

Общественная жизнь — одно из самых многоплановых и запутанных явлений. Политическое положение в США, как подчеркивал в своем интервью советскому телевидению 1 октября 1977 г. член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, «отличается большой сложностью и наличием многих разных течений, как это бывает в океанах. Одно — верхнее, другое — глубинное и третье — совсем где-то у самого дна. Часто они перекрещиваются, сталкиваются. Если это явление перенести на

сферу политической деятельности, то один выступает за соглашение, другой — против соглашения, третий — неизвестно за что стоит и еще подумает, к кому присоединиться»¹. В этом плане изучение главного из течений в общественно-политической жизни США — устремлений элиты правящего класса дает возможность проецировать на будущее важнейший из факторов внешней политики США.

Существенным источником информации о планируемой внешне-политической линии американского империализма являются прежде всего направления, по которым ЦФК ведет поиск новых идей, возможностей, методов, решений. Это — своего рода задания, закладываемые в систему специализированных внешнеполитических институтов комплекса с целью получения оптимального ответа.

С этой точки зрения немалый интерес представляют сами по себе темы, за разработку или переосмысление которых берутся прежде всего такие известные нам уже организации, как Совет по международным отношениям, Институт Брукингса или другие подобные учреждения, особенно когда речь идет о проводимых ими исследованиях по заказам и на средства непосредственно фондов Карнеги, Рокфеллеров и Форда. Простой перечень этих тем дает определенное представление о том, что именно подвергается сомнению во внешней политике США, каким вероятным проблемам завтрашнего дня отдается приоритет, с каким прицелом перебираются возможные варианты. В свою очередь, сравнение и сопоставление этих поисковых направлений, их взаимонакладываемость, разночтения или нюансировка дают дополнительную возможность анализа. Разумеется, задача исследователя немало осложняется целым рядом факторов. Далеко не все из тематических направлений ведущихся изысканий становятся достоянием гласности. Подлинная нацеленность многих из них, в отличие от номинальной, не всегда достаточно ясна, их взаимодействие между собой не всегда может быть точно установлено. И тем не менее ежегодные доклады ключевых фондов триумvirата, СМО, отчеты соответствующих научно-исследовательских институтов дают с этой точки зрения весьма полезную пищу для размышления.

Другим составным элементом уточнения намерений финансового комплекса США в области внешней политики является конечная продукция проводимых его институтами научных и практических изысканий и исследований, особенно содержащая выводы и рекомендации. К сожалению, наиболее ценная для исследователя информация такого рода мало доступна или доступна лишь в отредактированном «на публику» виде. Американская финансовая олигархия не заинтересована в том, чтобы прорабатываемые ею варианты были открыты во всей их полноте для всеобщего обозрения.

Тем не менее даже заведомо «облегченные» для публикации выводы соответствующих исследований представляют несомненный интерес. Дозированное просачивание внешнеполитических «новинок», предварительно обкатываемых ЦФК перед возможным принятием их на вооружение, является зачастую началом их сознательного идеологического пропагандирования и практического внедрения в политику. Являясь в таком случае как бы первыми сигналами о предстоящем переходе на новую волну, публикуемые заключения по необходимости должны быть достаточно понятными и во всяком случае не дезориентирующими, чтобы те, кого это касается, не пропустили ни момент смены старой волны, ни основные характеристики новой. В целом, кстати, разработки институтов ЦФК для новых внешнеполитических зигзагов и поворотов все же значительно четче и откровеннее, чем последующие официальные правительственные тезисы, оформляющие каждый такой поворот. Одним словом, симптомы предстоящих перемен в тактических и оперативных установках американского империализма на международной арене, как они просматриваются, скажем, из докладов Института Брукинкса и «фирменных» книг СМО, являющихся итогом серьезных дискуссий в совете, можно было прощупать со значительной степенью достоверности.

Еще одним характерным показателем предстоящих стратегических и тактических поворотов во внешней политике США является заблаговременно осуществляемая каждый раз перестройка идеологически-пропагандистской машины ЦФК, когда она готовит переход к новым вариантам. Вероятные новые направления проглядываются по меняющейся тематике вопросов и проблем, пропагандируемых Ассоциацией внешней политики через свою программу «Великих решений» и брошюры «Серии главных вопросов». Они просматриваются также по постановке тех или иных конкретных тем и предложению возможных решений в статьях, публикуемых прежде всего двумя журналами — «Форин афферс» и «Форин полиси». На этой, заключительной, стадии насаждения в практическую политику США новых подходов, найденных ЦФК, требуется особая четкость в продвижении уже взвешенных и отобранных вариантов, в отделении их от умозрительных выкладок и псевдореалистических предложений.

Важным критерием окончательного отбора является, например, степень вовлеченности той или иной новой внешнеполитической доктрины или тактического разворота в полемические баталии, неизбежно открывающиеся в правящих кругах США в связи с каждыми президентскими выборами. В конечном счете выборы являются для финансовой олигархии США своего рода рубежом, на котором подводятся итоги деятельности, в том числе в области внеш-

ней политики, заканчивающей свой срок администрации. Так, в связи с президентскими выборами невольно встает вопрос об оправдании перед избирателями скомпрометировавшего себя, но по-прежнему нужного комплексу внешнеполитического «актива» данного правительства. В то же время может встать и вопрос о необходимости срочной корректировки, по тем или иным причинам, этого курса. Это имеет место вне зависимости от того, какая конкретно из двух основных буржуазных партий — демократическая или республиканская — придет к власти в результате предстоящих выборов. Но во всех случаях предвыборная кампания оказывается ареной, на которой активно обсуждаются и опробываются внешнеполитические рекомендации, разработанные в недрах механизма, определяющего внешнюю политику США. Становясь объектом предвыборной борьбы, эти рекомендации неизбежно всплывают на поверхность. Это дает дополнительную возможность нащупать ту продукцию научно-исследовательских и политико-аналитических институтов ЦФК, которая приобретает уже характер опорных пунктов внешнеполитических программ одной из двух партий, а зачастую и обеих. Тем самым проступают общие контуры вероятных изменений в американской внешней политике.

Рассмотренные общие закономерности функционирования внешнеполитической машины США позволяют также, с достаточной степенью вероятности, прогнозировать круг лиц, которые должны с неизбежностью оказаться на ведущих внешнеполитических постах США. История послевоенного периода, для которого был характерен восьмилетний срок чередования демократических и республиканских администраций, продемонстрировала следующую закономерность. На посты первых ролей (членов кабинета) в приходящей к власти администрации нередко назначаются люди вторых ролей (заместители и помощники министров) в предыдущей администрации этой же партии. Достаточно в этой связи сослаться, например, на опыт Д. Раска, Д. Диллона, С. Вэнса. Еще чаще одни и те же лица, отсидевшись в «оппозиции», хотя этот термин мало применим к США, назначаются вновь на пост примерно того же уровня в том или другом министерстве в «своей» администрации (У. Роджерс, П. Уорнке, П. Нитце). Наконец, есть деятели, занимающие видные посты в серии администраций (К. Клиффорд, А. Гарриман, Дж. Макклой, Э. Ричардсон). Это справедливо для всех ведомств и правительственных агентств, в том числе внешнеполитического характера, как видно из приведенных выше примеров. Можно поэтому предположить с большой степенью вероятности, что такого рода цикличность повторится и в дальнейшем. Но гарантированный успех в этом отношении ждет лишь тех из американских политиков, которые поддерживают должные связи с ос-

новными столпами и институтами ЦФК или прямо являются его членами.

Нетрудно также предсказать, что и в следующей американской администрации высшие внешнеполитические должности окажутся в значительной пропорции в руках лиц, имеющих мандат Рокфеллеров. Если почему-то из этой картины выпадет пост государственного секретаря или помощника президента по национальной безопасности, то во всяком случае людьми с таким фоном будут укомплектованы важнейшие подступы к правительственным центрам принятия внешнеполитических решений. В этом отношении заведомо полезно держать в поле зрения, скажем, состав совета попечителей Фонда Рокфеллера, откуда кандидатов на пост государственного секретаря США, других членов кабинета и их заместителей черпали уже как республиканцы (Дж. Ф. Даллес, Д. Диллон, К. Хардин), так и демократы (Д. Раск, Д. Диллон, Ч. Боулс, С. Вэнс, М. Блюменталь).

Аналитическая работа такого рода не может, понятно, дать всех ответов на то, как именно, особенно в частностях, будет направляться в дальнейшем внешняя политика США. Но она может дать немаловажные элементы для возможных вообще ответов, поскольку основные детерминирующие силы внешней политики США, с которыми мы ознакомились, будут, видимо, пребывать в своей основе неизменными до тех пор, пока финансовый комплекс будет оставаться хозяином экономики и политики страны.

И еще одно, последнее, замечание. Разумеется, механизм направления внешней политики США, как мы его видели, является по своему существу узурпаторским и глубоко социально несправедливым, хотя и не в большей степени, чем вся система господства монополистического капитала США, органической частью которой он является. Тем не менее нельзя не видеть того, что с точки зрения организации и конечных результатов его функционирования этот механизм является довольно эффективным. При всей классовой ограниченности американской буржуазии он позволяет ей видеть определенные горизонты. При всей ее исторической обреченности как класса он все же помогает ей открывать дополнительные тактические резервы, позволяя осуществлять внешнюю политику таким образом, чтобы, выпуская когда нужно пар, не вызывать чрезмерных внутривнутриполитических перегрузок. Именно поэтому роль Уолл-стрита во внешней политике нуждается в углубленном изучении.

* * *

Обзор механизма контроля американской финансовой олигархии над внешней политикой США и его функционирования за по-

следние десятилетия был бы, однако, не закончен, если бы мы не проследили за воздействием центрального финансового комплекса не только на становление внешнеполитической стратегии администрации Картера, но и на проведение этой стратегии в жизнь. Прослеживание свежих тенденций в корректировке международного курса американского государственного корабля дает еще один немаловажный элемент к определению возможного дальнейшего внешнеполитического маршрута США.

С этой точки зрения заслуживает особого внимания дискуссия вокруг главных направлений внешнеполитического курса администрации Картера и возможной смены ею ориентиров, которая развернулась в Совете по международным отношениям с осени 1977 года по весну 1978 года. О важности соответствующих заседаний СМО, на которых рассматривались эти вопросы, свидетельствует тот факт, что главными аналитиками и ораторами были весьма высокопоставленные правительственные чиновники: советник президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский, директора отделов государственного департамента Л. Гелб и А. Лейк, глава ЦРУ адмирал Тернер и т. п. (председательствовал на ряде заседаний президент Фонда Форда М. Банди).

Но серия только одних этих заседаний сама по себе была лишь вершиной айсберга. В СМО в то время изучались все крупнейшие направления и проблемы внешней политики США на предмет внесения в них возможных изменений. Сам ход этих, более широких, обсуждений, их итоги и, главное, произведенная затем правительством Картера привязка официальной политики к внесенным СМО рекомендациям являются наглядным свидетельством продолжающегося непреходящего контроля над внешней политикой США со стороны СМО как главного политического органа американской финансовой олигархии.

Из конкретных узловых проблем, рассматривавшихся тогда в СМО, центральными, несомненно, стали два взаимосвязанных вопроса — отношение к разрядке и перспективы советско-американских отношений. Не все главные компоненты этой дискуссии, а тем более ее организационные выводы, известны в деталях. Тем не менее соответствующий годовой доклад СМО, перечисляющий рассматривавшиеся темы, равно как и многочисленные отголоски этой дискуссии, вынесенные в виде статей на страницы журналов «Форин афферс» и «Форин полиси», дают основание судить о том, в каком общем направлении шло давление со стороны СМО.

Двух мнений здесь быть не может. Президент СМО У. Лорд в своем отчетном заявлении членам совета сам резюмировал, что «дискуссии о Советском Союзе, как представлялось, отражали ужесточение отношения к нему» и что «упор на... укрепление НАТО

всячески приветствовался»². Характерен и список обсуждавшихся в этой связи в СМО тем: «Американская стратегия на будущее: размышления о политике разрядки», «Взаимоотношения США — СССР: годны ли еще старые представления?» и т. п. Вслед за тем, уже в апреле 1978 года, была организована как бы итоговая однодневная конференция членов СМО по теме «Внешняя политика США: советский вызов». Одним словом, конструктивностью от такого угла оценки явно не веяло. Докладчиками опять-таки выступали во многих случаях высшие правительственные чиновники: координатор планирования в Национальном совете безопасности США С. Хантингтон, заместитель государственного секретаря США У. Люэрс, посол США в Москве М. Тун и др.

Если нужны какие-либо дополнительные доказательства того, что позиция, занятая СМО, неизменно воплощается в реальные сдвиги в политике американской администрации, то последующая линия правительства Картера в отношении СССР является наглядной тому иллюстрацией: в ней появились и тема о «военной угрозе» со стороны Советского Союза, и «охлаждение» общего порядка, и попытки оказать давление на СССР с помощью торгово-экономических рычагов.

Опасные последствия подобных «нововведений» для дела мира были очевидны, и Советский Союз не замедлил дать им свою оценку. В редакционной статье газеты «Правда», которая была озаглавлена «О нынешней политике правительства США», прямо говорилось о том, что, как свидетельствуют факты, в политике США происходят опасные для дела мира изменения. Подчеркивалось, что в острой борьбе вокруг вопросов разрядки и отношений с СССР и другими социалистическими странами, которая идет в правящих кругах США, начинают брать верх представители тех группировок, которые хотели бы подорвать разрядку, вернуть мир к «холодной войне», к новым конфронтациям и безудержному военному соперничеству. «Об этом свидетельствуют, — констатировала «Правда», — не только выступления президента и ряда других высокопоставленных деятелей США, но и конкретные дела Вашингтона... Советский Союз не собирается помогать авторам таких замыслов., — подчеркивалось далее в статье. — В обстановке, осложненной политикой США, Советский Союз вновь подтверждает свой курс на разрядку международной напряженности и на развитие добрых взаимовыгодных отношений с Соединенными Штатами, если США этого также хотят»³.

Миролюбивая социалистическая держава, проявляя выдержку и государственную мудрость, предлагала выправить советско-американские отношения, поставить их на путь, отвечающий интересам обеих стран, всех народов мира. Но, как и всегда в политике,

для достижения взаимопонимания требовались добрая воля и другой стороны. То, что статья «Правды» не прошла незамеченной среди тех, кому она была адресована, это несомненно. Итоговый номер журнала «Форин афферс» за 1978 год, вышедший в феврале 1979 года, содержал почти две страницы цитат из нее. Вопрос, однако, в том, сделали ли власть имущие в США соответствующие выводы для американской политики.

Между тем и другие коррективы политики США, рекомендованные СМО, могли вести лишь к новым осложнениям в международных отношениях. Так, в частности, теперь уже ясно, что крен в сторону попыток более активного разыгрывания Вашингтоном «китайской карты» был дан именно в результате рассмотрения этого вопроса в СМО в рамках все того же «контрольного обзора» всей внешней политики администрации Картера. Заседание СМО по теме «Американо-китайские отношения» возглавлялось непосредственно президентом совета У. Лордом, а доклады по китайской тематике делались не менее авторитетными для большого бизнеса людьми — сотрудниками Фонда Карнеги (С. Харрисон и А. Казелла) и Фонда Форда (Дж. Бреснан), заместителем государственного секретаря США по вопросам Восточной Азии и Тихого океана Р. Холбруком (бывшим редактором журнала «Форин полиси»). Члены СМО пришли к выводу, что для Пекина «критическим фактором» в отношении США стала «сила и решимость» противостояния последних Советскому Союзу⁴. Любопытно, что когда Бжезинский отправился в мае 1978 года со своей миссией в Китай, то одна из целей его поездки, по словам журнала «Форин афферс», состояла в том, чтобы «поднять уверенность» китайцев в Соединенных Штатах, для чего Пекину была дана соответствующая «оценка общего военного баланса» в мире⁵. Иными словами, и в данном случае связь между заключениями СМО о необходимых с его точки зрения, акциях правительства и действительными акциями последнего вновь оказывается самой непосредственной.

Наконец, о том, что стояло за отказом правительства Картера от сотрудничества с СССР в деле политического урегулирования на Ближнем Востоке и возвращением США к поощрению сепаратного мира между Египтом и Израилем.

Опять-таки первоначальным толчком послужили дискуссии в СМО на ближневосточные темы, проходившие в рамках общего обзора политики администрации Картера. Резюмируя настроения членов СМО, выявившиеся в ходе этих обсуждений, У. Лорд констатировал «растущую тенденцию к тому, чтобы исключить Москву из дипломатических акций на Ближнем Востоке»⁶. В свою очередь, Дж. Кэмпбелл, один из ведущих специалистов СМО по Ближнему Востоку, который в 1977—1978 годах председательствовал на

трех заседаниях совета по ближневосточной тематике, дал позже свою оценку осуществленного тогда пересмотра политики США на Ближнем Востоке. Уже в 1979 году, говоря о происшедшем незадолго перед тем сдвиге в мышлении правящих кругов США относительно урегулирования на Ближнем Востоке, он отмечал, что отказ от всеобъемлющего урегулирования и сотрудничества с Советским Союзом в этом вопросе был сочтен «приемлемой ценой» за то, чтобы попытаться продвинуть «инициативу Садата»⁷.

Таким образом, и в данном случае мы встречаемся с еще одним свидетельством того, что изменение в политике правительства США вновь последовало за изменениями в умонастроениях членов СМО — этого генерального штаба внешней политики США.

Если весной 1979 года правительство Картера, как бы спохватившись, стало закруглять некоторые чересчур острые углы явно выпиравшей антисоветской сущности его практической политики, то здесь также сказались упреждающие, более зрелые размышления СМО, понимавшего, что в отношениях с великой социалистической державой есть границы, которые нельзя переходить.

Так, возобновлению более трезвой линии администрации в отношении торгово-экономических связей между СССР и США предшествовала кампания в главных печатных органах финансового комплекса, разъяснявшая, что в этом отношении для самих США рискованно перегибать палку. На страницах журнала «Форин полиси» появились признания, что попытки использовать такие связи в качестве средства нажима не в состоянии «извлечь значительные неэкономические уступки со стороны Востока» и явятся для самих США «потенциальным орудием самообмана»⁸. В свою очередь, журнал «Форин афферс» стал помещать заявления о том, что ограничительные меры, введенные конгрессом США на американо-советскую торговлю (поправки Вэника — Джексона и Стивенсона), превратились в «дающую обратные результаты смирительную рубашку для самих США», которые тем самым лишаются «потенциальных экономических выгод расширенной советско-американской торговли»⁹.

Даже в таком важнейшем для судеб всеобщего мира и безопасности вопросе, как общее состояние советско-американских отношений и заключение второго соглашения об ограничении стратегических вооружений, администрация явно ждала решающего сигнала.

Появившийся в январе 1979 года очередной номер журнала «Форин полиси», а в феврале того же года впервые выпущенный журналом «Форин афферс» годовой обзор событий явно давали знать, что в этом вопросе среди финансовой олигархии США намечился более взвешенный подход и что понимание критической

важности заключения второго соглашения об ограничении стратегических вооружений брало верх. Несмотря на возражения в американской буржуазной прессе, «Форин афферс» и «Форин полиси» продолжали свои крамольные, с точки зрения мастодонтов «холодной войны», изыскания.

Член СМО Д. Саймс, например, публично высказался за то, что «Запад должен научиться принимать Советский Союз как сверхдержаву, как бы неприятно ни было это принятие»¹⁰. Руководитель ведущих СМО исследований в отношении СССР Р. Легвоулд выступил в весеннем номере журнала «Форин афферс» за 1979 год против того, чтобы видеть «руку Москвы» во всех бедах Америки. Отнюдь не страдая избытком симпатий в отношении СССР, он тем не менее ратовал за то, чтобы в политике США был, наконец, сделан, по крайней мере, такой же упор на сотрудничество с Советским Союзом, какой до сих пор делался на соперничество с ним¹¹.

Все эти симптомы должны были, однако, проявиться достаточно четко, чтобы правительство США сочло их за бравшую верх тенденцию. Только после этого, осторожно и робко, администрация стала выправлять и официальный курс США в отношении СССР от явно неразумных кренов, грозивших осложнениями самому американскому государству.

В целом, как мы видели, политика США по ключевым проблемам современности не только в принципе, но и на практике определялась и определяется общими интересами и более специфическими пожеланиями американского монополистического капитала. Иначе и быть не может. «Внешняя политика любой страны может быть лишь отражением ее внутренней политики»¹² — это вполне марксистское по существу высказывание принадлежит члену финансовой династии Рокфеллеров, бывшему вице-президенту США Н. Рокфеллеру.

Классово противоположный политике СССР, первой в мире страны социализма, характер внешней политики США не только, однако, не исключает, но делает особо актуальной необходимость взаимопонимания и сотрудничества между двумя странами, олицетворяющими две фундаментально отличные друг от друга общественные системы. В первую очередь это касается задачи недопущения ядерной войны и урегулирования конфликтных ситуаций в различных районах мира. «Наша обоюдная воля действовать именно так, — отмечал Л. И. Брежнев в ответах на вопросы американского журнала «Тайм», — была зафиксирована в соответствующих документах, которые мы в Советском Союзе высоко ценим и в которых по-прежнему видим хорошую основу для прочного и долговременного поворота к лучшему в отношениях между СССР и США»¹³. Дело только за тем, чтобы те деятели и силы в США,

которые формируют внешнюю политику этой страны, подходили к задачам США на международной арене с таких же ответственных позиций.

Смысл дебатов по внешней политике Соединенных Штатов, которые вновь приобретают в ее правящих кругах все более острый характер (особенно по мере разворачивания кампании по президентским выборам 1980 г.) и которые весьма наглядно отражаются в полемике в СМО и на страницах журналов «Форин афферс» и «Форин полиси», может быть суммирован пока лишь, к сожалению, отнюдь не на оптимистической ноте. Борьба власть имущих в США в отношении основных направлений внешней политики этой страны продолжается при таких характеристиках, которые говорят о сохранении неустойчивости как главной отличительной черты политики США по крайней мере на ближайшее будущее. С нынешней двусмысленной платформы «соперничества и сотрудничества» те, кто определяет внешнюю политику США, могут и вернуться к необходимости серьезного делового сотрудничества с Советским Союзом, и соскользнуть в пучину новых попыток конфронтации.

Как показывает история внешней политики США за более чем треть века, миновавшую после второй мировой войны, вслед за периодами встряски и испытаний, промежуточных решений и нестабильности неизбежно следовал этап разработки и проведения нового, более устойчивого, если не долговременного курса. Президентские выборы 1980 года имеют шансы стать таким новым водоразделом для американской внешней политики. Об этом говорят настроения, преобладающие в рядах подлинных хозяев внутренней и внешней политики США.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 232.
- ² Kolko G. Main Currents in Modern American History. N. Y., 1976, p. 142.
- ³ Elias C. The Dollar Barons. N. Y., 1973, p. 215, 429, 434; Leinsdorf D. and Etra D. Citibank. N. Y., 1973, p. 104—105, 209.
- ⁴ Collier P. and Horowitz D. The Rockefellers, N. Y., 1976, p. 486.
- ⁵ Lundberg F. The Rockefeller Syndrome. Secaucus (N. J.), 1975, p. 56.
- ⁶ Domhoff G. W. Who Rules America? Englewood Cliffs (N. J.), 1967, p. 30.
- ⁷ См. Perlo V. The Empire of High Finance. N. Y., 1957, p. 130—131.
- ⁸ Меньшиков С. М. Миллионеры и менеджеры. М., 1965, с. 318.
- ⁹ Беглов И. И. США: собственность и власть. М., 1971, с. 258—259.
- ¹⁰ См. Blair J. M. The Control of Oil. N. Y., 1976, p. 182.
- ¹¹ Ibid., p. 300—301.
- ¹² Беглов И. И. Указ. соч., с. 263.
- ¹³ Sale K. Power Shift. The Rise of the Southern Rim and Its Challenge to the Eastern Establishment. N. Y., 1975, p. 65—66.
- ¹⁴ Business Week, 1976, May 17, p. 94.
- ¹⁵ The New York Times, 1976, Febr. 9.
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 426.
- ¹⁷ Demaris O. Dirty Business, N. Y., 1974, p. 8.
- ¹⁸ The New York Times Magazine, 1976, Apr. 11, p. 32—33.
- ¹⁹ Lundberg F. The Rich and the Super-Rich. A Study in the Power of Money Today. N. Y., 1968, p. 253 (далее: The Rich and the Super-Rich).
- ²⁰ Ibid., p. 447.
- ²¹ Elias C. The Dollar Barons, p. XI.
- ²² Lundberg F. The Rich and the Super-Rich, p. 41.

Глава II

- ¹ The Future of Foundations. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, p. 16.
- ² См. Foundations, Private Giving and Public Policy. Report and Recommendations of the Commission on Foundations and Private Philanthropy. Chi., 1970.
- ³ См. Lundberg F. The Rich and the Super-Rich, p. 384—385.
- ⁴ Воронин С. В. «Благотворительные» фонды США (Мифы и действительность). Л., 1973.
- ⁵ См. Foundations, Private Giving and Public Policy, p. 91 (Table 14).

- ⁶ *Lester R. M.* Forty Years of Carnegie Giving. N. Y., 1941, p. 161.
- ⁷ Tax-Exempt Foundations. Report of the Special Committee to Investigate Tax-Exempt Foundations and Comparable Organizations. House of Representatives. 83 rd Congress. Wash., 1954, p. 178.
- ⁸ Ibid., p. 177.
- ⁹ *Gates F. T.* Chapters in My Life. N. Y., 1977, p. 206—207.
- ¹⁰ Ibid., p. 208—209.
- ¹¹ Ibid., p. 233.
- ¹² Ibid., p. 234.
- ¹³ Ibid., p. 235.
- ¹⁴ Ibid., p. 265.
- ¹⁵ *Neilsen W. A.* The Big Foundations, N. Y., 1972, p. 63.
- ¹⁶ *Herndon B. Ford.* N. Y., 1969, p. 235.
- ¹⁷ *Воронин С. В.* Указ. соч., с. 74—78.
- ¹⁸ *Очков М. С., Журихин Э. А., Муромцев В. М.* «Филантропические» фонды — важное идеологическое оружие империализма. М., 1976, с. 6.
- ¹⁹ См. Foundations, Private Giving and Public Policy, p. 2.
- ²⁰ The New York Times, 1974, Dec. 15.
- ²¹ См. The New York Times, 1975, March 31.
- ²² The New York Times, 1977, May 11.
- ²³ *Rowen H.* The Free Enterprisers. Kennedy, Johnson and the Business Establishment. N. Y., 1964, p. 75.
- ²⁴ Ibid., p. 77, 280.
- ²⁵ См. Progressive Labor, 1973, Jan., p. 17.

Глава III

- ¹ The New York Times Magazine, 1971, Nov. 21, p. 34.
- ² Ibid., p. 124.
- ³ *Lundberg F.* The Rockefeller Syndrome, p. 297.
- ⁴ *Shoup L. H. and Minter W.* Imperial Brain Trust. The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. N. Y., 1977, p. 103—104.
- ⁵ New York, 1971, Sept. 20, p. 47.
- ⁶ The New York Times, 1971, Apr. 21.
- ⁷ New York, 1971, Sept. 20, p. 50.
- ⁸ The New York Times, 1976, Dec. 26.
- ⁹ См. *Shoup L. H. and Minter W.* Op. cit., p. 70, 76.
- ¹⁰ *Воронин С. В.* «Благотворительные» фонды США, с. 109.
- ¹¹ *Очков М. С., Журихин Э. А., Муромцев В. М.* Указ. соч., с. 52.
- ¹² *Lyons G. M. and Morton L.* Schools for Strategy. N. Y., 1965, p. 305.
- ¹³ *Wormser R. A.* Foundations: Their Power and Influence. N. Y., 1958, p. 42.
- ¹⁴ *Lundberg F.* The Rich and the Super-Rich, p. 424.
- ¹⁵ *Demaris O.* Dirty Business, p. 322.
- ¹⁶ См. U. S. Congress. House of Representatives. Report of the Special Committee to Investigate Tax-Exempt Foundations and Comparable Organizations. Staff Reports. Wash., 1964, p. 47—48.
- ¹⁷ Ibid., p. 52.
- ¹⁸ См. *Dickson P.* Think Tanks. N. Y., 1971.
- ¹⁹ См. *Guttman D. and Willner B.* The Shadow Government. N. Y., 1976, p. 117.
- ²⁰ *White T. H.* The Making of the President 1968. N. Y., 1969, p. 45.

- ²¹ См. *Goulden J. C.* The Super-Lawyers. The Small and Powerful World of the Great Washington Law Firms. N. Y., 1972, p. 48.
- ²² *White T. A.* Op. cit., p. 142.
- ²³ См. *Guttman D.* and *Willner B.* Op. cit., p. 3.

Глава IV

- ¹ Цит. по *Barnet R. J.* Roots of War. N. Y., 1972, p. 200.
- ² *Stanley D. T., Mann D. E.* and *Doig J. W.* Men Who Govern. A Biographical Profile of Federal Political Executives. Wash., 1967.
- ³ The New York Times, 1964, Febr. 11.
- ⁴ *Kolko G.* The Roots of American Foreign Policy. An Analysis of Power and Purpose. Boston, 1969, p. 19—21.
- ⁵ *Barnet R. J.* Op. cit., p. 179.
- ⁶ *Scheer R.* America After Nixon. The Age of the Multinationals. N. Y., 1974, p. 43.
- ⁷ См. *Goulden J. C.* Super-Lawyers, p. 80.
- ⁸ См. *Schlesinger A. M.* A Thousand Days. Boston, 1965, p. 138—141.
- ⁹ *Collier P.* and *Horowitz D.* The Rockefellers, p. 286.
- ¹⁰ Ibid., p. 406.
- ¹¹ См. *Lundberg F.* The Rockefeller Syndrome, p. 203.
- ¹² New York, 1976, Dec. 13, p. 92.
- ¹³ *Tanzer M.* The Sick Society. An Economic Examination. N. Y., 1971, p. 41.
- ¹⁴ См. *Schlesinger A. M.* Op. cit., p. 120—122, 124.
- ¹⁵ *Sorensen T. C.* Kennedy. N. Y., 1965, p. 229.
- ¹⁶ *Schlesinger A. M.* Op. cit., p. 127.
- ¹⁷ Ibid., p. 129.
- ¹⁸ См. *Dickson P.* Think Tanks, p. 55, 142, 301—302.
- ¹⁹ Time, 1976, Dec. 20, p. 19.
- ²⁰ См., например, The New York Times, 1976, March 27 and Dec. 19; The New York Times Magazine, 1976, May 23.
- ²¹ The New York Times, 1976, Oct. 13.
- ²² The New York Times, 1976, Dec. 17.
- ²³ The New York Times, 1976, Dec. 25.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ The Washington Post, 1976, Nov. 23.
- ²⁶ The New York Times, 1976, Nov. 21.
- ²⁷ Foreign Affairs, 1976, Oct., p. 4.
- ²⁸ Ibid., p. 11.
- ²⁹ *Collier P.* and *Horowitz D.* The Rockefellers, p. 585.
- ³⁰ Цит. по The New York Times, 1977, Jan. 6.
- ³¹ The Atlantic Monthly, 1977, July, p. 58.
- ³² The New York Times, 1976, June 24.
- ³³ См. *Cherington P. W.* and *Giller R. L.* The Business Representative in Washington. Wash., 1962, p. 33.
- ³⁴ См. *Зяблюк Н. Г.* США: лоббизм и политика. М., 1976, с. 7.
- ³⁵ Цит. по *Winter-Berger R. N.* The Washington Pay-off. An Insider's View of Corruption in Government. Secaucus (N. J.), 1972, p. 14, 36.
- ³⁶ См. The New York Times, 1976, Febr. 15.
- ³⁷ См. *Howe R. W.* and *Trott S. H.* The Power Peddlers. How Lobbists Mold America's Foreign Policy. Garden City (N. J.), 1977.
- ³⁸ Ibid., p. 4.
- ³⁹ Foreign Affairs, 1977, Jan., p. 323.

Глава V

- ¹ Цит. по Shoup L. H. and Minter W. Imperial Brain Trust. The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. N. Y., 1977, p. 32, 126—130, 136, 163.
- ² См. Sloan A. P. My Years with General Motors. N. Y., 1965, p. 329—330.
- ³ См. Domhoff G. W. Who Rules America?, p. 120.
- ⁴ См. Collier P. and Horowitz D. The Rockefellers, p. 300.
- ⁵ Aldrich W. W. Some Aspects of American Foreign Economic Policy. An Address before the Executive Club of Chicago on September 15, 1944, p. 3, 18.
- ⁶ Horowitz D. (ed.). Corporations and the Cold War, p. 95, 108.
- ⁷ Hutchison K. Rival Partners. America and Britain in the Postwar World. N. Y., 1946, p. 151.
- ⁸ Schrifgiesser K. Business and Public Policy, Engliwood Kliffs (N. J.), 1967, p. 114.
- ⁹ Цит. по Barnet R. J. Roots of War, p. 19.
- ¹⁰ Цит. по Kolko J. and G. The Limits of Power, p. 323.
- ¹¹ Shoup L. H. and Minter W. Op. cit., p. 35.
- ¹² См. Barnet R. J. Op. cit., p. 99—100.
- ¹³ См. Fifty Years of Foreign Affairs. N. Y., 1972, p. 189—205.
- ¹⁴ Kennan G. F. Memoirs 1925—1950. Boston, 1967, p. 358.
- ¹⁵ См. Macdonald D. The Ford Foundation, p. 142.
- ¹⁶ См. Eisenhower D. D. The White House Years. Mandate for Change, 1953—1956. N. Y., 1963, p. 180.
- ¹⁷ См. Churchill. Taken from the Diaries of Lord Moran. The Struggle for Survival, 1940—1965, Boston, 1966, p. 536—538, 580, 587, 626.
- ¹⁸ Shoup L. H. and Winter W. Op. cit., p. 38.
- ¹⁹ Ibid., p. 39—40.
- ²⁰ См. Collier P. and Horowitz D. The Rockefellers, p. 275.
- ²¹ Ibid., p. 276.
- ²² The New York Times, 1973, Jan. 20.
- ²³ См. Eisenhower D. D. The White House Years. Waging Peace, 1956—1961. N. Y., 1965, p. 221—223.
- ²⁴ The New York Times, 1958, Jan. 6.
- ²⁵ Kutz M. Rockefeller Power. N. Y., 1974, p. 208, 210.
- ²⁶ Ibid., p. 211.
- ²⁷ Guttman D. and Willner B. The Shadow Government, p. 134.
- ²⁸ См. The New York Times, 1959, Oct. 9.
- ²⁹ См. The New York Herald Tribune. Economic Review, 1959, July.
- ³⁰ The New York Times, 1959, Dec. 14.
- ³¹ См. Foreign Affairs, 1960, April.
- ³² См. Economie et politique, 1959, oct., p. 89—90.
- ³³ См. Kutz M. Rockefeller Power. N. Y., 1974, p. 206.
- ³⁴ Eisenhower D. D. White House Years. Waging Peace, 1956—1961, p. 595—596.
- ³⁵ Collier P. and Horowitz D. Op. cit., p. 379 (footnote).
- ³⁶ См. Kutz M. Op. cit., p. 217.
- ³⁷ Halberstam D. The Best and the Brightest. Greenwich (Conn.), 1973, p. 311.
- ³⁸ См. The Pentagon Papers as Published by the New York Times. N. Y., 1971, p. 275.
- ³⁹ Ibid., p. 278,

- 40 Ibid., p. 29.
- 41 Цит. по Shoup L. H. and Minter W. Op. cit., p. 226—228.
- 42 Цит. по Barnett R. J. Roots of War. N. Y., 1972, p. 217.
- 43 Bidwell P. W. Raw Materials. A Study of American Policy. N. Y., 1958, p. 101, 345.
- 44 См. Collier P. and Horowitz D. Op. cit., p. 370.
- 45 См. Shoup L. H. and Minter W. Op. cit., p. 232.
- 46 Nielsen W. A. The Big Foundations, p. 387.
- 47 Ibid.
- 48 Tanzer M. The Sick Society. An Economic Examination. N. Y., 1971, p. 91.
- 49 См. Hoopes T. The Limits of Intervention. N. Y., 1969, p. 215—216.
- 50 The New York Times, 1968, Apr. 25.
- 51 Scheer R. America After Nixon. The Age of the Multinationals. N. Y., 1974, p. 7.
- 52 См. Gordon K. (ed). Agenda for the Nation. Wash., 1968, p. 402—404.
- 53 Foreign Affairs, 1969, Oct.
- 54 См. The New York Times, 1971, March 6.
- 55 См. The New York Times, 1972, Sept. 11.
- 56 The New York Times, 1974, June 6.
- 57 The New York Times, 1974, Oct. 13.
- 58 The New York Times, 1975, Dec. 29.
- 59 См. The New York Times, 1977, Jan. 11.
- 60 Ibid.
- 61 The Debate Over Détente. Headline Series, No 234, Febr. 1977, p. 56.
- 62 Ibid.
- 63 Ibid., p. 56—57.
- 64 Great Decisions '77. N. Y., 1977, p. 53.
- 65 См. Foreign Policy, 1977—1978, Winter, p. 7.
- 66 Foreign Affairs, 1978, July, p. 819, 829, 840.
- 67 См. Foreign Policy, 1977, Fall, p. 18, 21.
- 68 Owen H. and Schultze C. L. (eds). Setting National Priorities. The Next Ten Years. Wash., 1976.
- 69 Nuclear Power Issues and Choices: Report of the Nuclear Energy Policy Study Group. Cambr. (Mass.), 1977.
- 70 The New York Times, 1977, March 22.
- 71 Foreign Affairs, 1977, July.
- 72 Priorities for '76. A Choice for the Democratic Party. Wash., 1976, p. 79.
- 73 Schriftgiesser K. Op. cit., p. 139—140.
- 74 War/Peace Report, 1970, March, p. 17.
- 75 El-Khawas M. A. and Cohen B. (eds.). The Kissinger Study of Southern Africa. National Security Council Memorandum 39. Westport (Conn.), 1976.
- 76 Foreign Policy, 1977, July, p. 816.
- 77 The New York Times, 1977, Jan. 27.
- 78 См. The New York Times, 1977, May 29.
- 79 The New York Times, 1972, June 6.
- 80 См. Gordon K. (ed). Op. cit., p. 459—474.
- 81 См. International Herald Tribune, 1969, Dec. 23.
- 82 Oil and Gas Journal, 1969, Dec. 15.
- 83 См. Heikal M. The Road to Ramadan. N. Y., 1975, p. 118.
- 84 См. Near East Report, 1973, June 20, p. 100.

- 85 См. *Sampson A.* The Seven Sisters. The Great Oil Companies and the World They Shaped. N. Y., 1975, p. 292—293.
- 86 The New York Times, 1973, June 21.
- 87 *Engler R.* The Brotherhood of Oil. Energy Policy and the Public Interest. Chi., 1977, p. 138.
- 88 The New York Times, 1973, Sept. 19.
- 89 *Engler R.* Op. cit., p. 139; *Sampson A.* Op. cit., p. 300.
- 90 *Sampson A.* Op. cit., p. 301.
- 91 См. Foreign Policy, 1976, Spring, p. 35.
- 92 См. The New York Times, 1974, March 19.
- 93 См. *Sheehan E. R. F.* The Arabs, Israelis and Kissinger. N. Y., 1976, p. 103—104; *Golan M.* The Secret Conversations of Henry Kissinger. N. Y., 1976, p. 152; Foreign Policy, 1976, Spring, p. 51—52.
- 94 См. *Becker A. S., Hansen B., Kerr M. H.* The Economics and Politics of the Middle East. N. Y., 1975.
- 95 См. Toward Peace in the Middle East. Report of Study Group. Wash., 1975.
- 96 См. *Owen H.* and *Schultze C. L.* Op. cit.
- 97 The New York Times, 1977, March 16.
- 98 Foreign Affairs, 1977, Oct., p. 109.
- 99 Newsweek, 1977, June 27.
- 100 *Waterbury J.* and *El Mallak R.* The Middle East in the Coming Decade: From Wellhead to Well—Being? N. Y., 1978.
- 101 *Noreng O.* World Oil Politics in the 1980's: Pattern of Cooperation. N. Y., 1978.
- 102 *Quandt W.* Decade of Decisions: American Policy Toward the Arab-Israeli Conflict, 1967—1976. Berkley (Calif.), 1977.
- 103 *Shoup L. H.* and *Minter W.* Imperial Brain Trust, p. 209; *Hoffman W.* David: Portrait of a Rockefeller. N. Y., 1971, p. 127.
- 104 См. The New York Times Magazine, 1971, Nov. 21, p. 128—129.
- 105 *Collier P.* and *Horowitz D.* Op. cit., p. 367.
- 106 Foreign Affairs, 1967.
- 107 *Gordon K.* (ed.). Op. cit., p. 421—424.
- 108 *Collier P.* and *Horowitz D.* Op. cit., p. 367.
- 109 The New York Times, 1972, Febr. 26.
- 110 См. The New York Times, 1976, Febr. 14.
- 111 См. The New York Times, 1976, Febr. 25.
- 112 Council on Foreign Relations. Annual Report. Sept. 1, 1975 — Aug. 31, 1976, N. Y., 1976, p. 37—38.
- 113 *Whiting A. S.* and *Dernberger R. F.* China's Future. Foreign Policy and Economic Development in the Post-Mao Era. N. Y., 1977, p. 2—3.
- 114 Foreign Affairs, 1977, Apr., p. 592.
- 115 The Washington Post, 1978, Aug. 11.
- 116 Foreign Policy, 1976—1977, Winter, p. 79.
- 117 Foreign Policy, 1978, Spring, p. 33.
- 118 Правда, 1978 г., 26 июня.

Заключение

- 1 Правда, 1977, 2 окт.
- 2 Council on Foreign Relations. Annual Report, Sept. 1, 1977 — June 30, 1978 (далее: CFR. Annual Report, 1977—1978), p. 11—12.

- ³ Правда, 1978, 17 июня.
- ⁴ CFR. Annual Report, 1977—1978, p. 12.
- ⁵ Foreign Affairs. America and the World 1978, N. Y., 1979, p. 599.
- ⁶ CFR. Annual Report, 1977—1978, p. 13.
- ⁷ Foreign Affairs. America and the World 1978, p. 618.
- ⁸ Foreign Policy, 1978, Fall, p. 80, 94.
- ⁹ Foreign Affairs, 1978, Fall, p. 19, 26.
- ¹⁰ Foreign Policy, 1978, Fall, p. 55.
- ¹¹ См. Foreign Affairs, 1979, Spring, p. 774.
- ¹² *Poling J.* (ed.). The Rockefeller Record. N. Y., 1960, p. 79.
- ¹³ Правда, 1979, 16 янв.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I

ОТ ЭКОНОМИКИ К ПОЛИТИКЕ

1. Финансовая олигархия: дезинтеграция? 5.
2. Центральный финансовый комплекс и аутсайдеры 15.
3. Монополии и политика 29.

Глава II

КТО ЗАКЛАДЫВАЕТ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ

1. «Киты» благотворительности 34.
2. Немного истории 39.
3. Триумвират глобалистов 48.
4. Орудие воздействия на «публику» 57.
5. Дополнительные опоры 63.

Глава III

АППАРАТ ПРОВЕДЕНИЯ

1. Оперативный центр 69.
2. Фабрики идей 84.
3. Юрисконсульты и менеджеры 99.

Глава IV

НАПРАВЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ

1. «Свои люди» 108.
2. Как воспитывают будущих президентов 124.
3. Новое оружие 136.
4. Послы бизнеса в Вашингтоне 142.

Глава V

КАК ДЕЛАЕТСЯ ПОЛИТИКА

1. Под знаменем антисоветизма 150.
2. К грани ядерной войны 163.
3. Колебания и выбор 172.
4. Имперские миражи 183.
5. Инстинкт и разум 191.
6. Латание тылов 213.
7. Ближний Восток 223.
8. «Китайская карта» 237.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ИТОГИ и ПЕРСПЕКТИВЫ 251.

ПРИМЕЧАНИЯ 264.

Ричард Сергеевич Овинников
УОЛЛ-СТРИТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Редактор
В. Н. МОРОЗОВ

Оформление художника
И. В. БОРИСОВОЙ

Художественный редактор
В. В. СУРКОВ

Технический редактор
Т. С. ОРЕШКОВА

Корректор
Н. А. БОРИСОВА

ИБ № 479

Сдано в набор 24.09.79. Подписано в печать
29.02.80. А 00816. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип.
№ 2. Гарнитура «литературная». Высокая печать.
Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 15,32. Тираж
14 000 экз. Заказ 2807. Цена 1 р. 10 к.
Изд. № 84—Э/79.

Издательство «Международные отношения».
107053, Москва Б-53, Садовая Спасская, 20.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли,
Хохловский пер., 7.

19. 11. 1919.

УОЛІ-СТРІТ и **ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**